

А. СТИЛЛЕ.

КАРЛЪ XII,
КАКЪ СТРАТЕГЪ И ТАКТИКЪ
ВЪ 1707--1709 ГГ.

Перев. со шведскаго **А. Полторацкаго.**

Съ предисловіемъ
проф. С. Платонова.

Цѣна **1** руб. **20** коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1912.

А. СТИЛЛЕ.

КАРЛЪ XII,
КАКЪ СТРАТЕГЪ И ТАКТИКЪ
ВЪ 1707--1709 ГГ.

Перев. со шведскаго **А. Полторацкаго.**

Съ предисловіемъ
проф. С. Платонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1912.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАИ.
Предисловіе (профессора <i>С. Платонова</i>).	V
Отъ переводчика .	1—4
ГЛАВА I. Планъ Юлленкрука. Планъ Карла; исполнимость его. Движеніе изъ Саксоніи въ Польшу и вытѣсненіе русскихъ изъ Польши стратегическимъ обходомъ (22 авг. 1707 г.—27 янв. 1708).	5—12
ГЛАВА II. Движеніе на Москву черезъ Минскъ. Сраженіе у Головчина (4 іюля 1708). Ожиданіе королемъ въ Могилевъ Левенгаупта. Переходъ черезъ Днѣпръ (5—8 авг.). Движеніе къ Черикову и Татарску.	12—19
ГЛАВА III. Объясненіе дѣйствій Карла въ ожиданіи Левенгаупта. Ложныя вѣсти о Левенгауптѣ. Избраніе операціонной линіи на Москву черезъ Сѣверскую землю. Движеніе на Почепъ. Дѣйствія Левенгаупта и пораженіе его при Лѣсной. Крушеніе плановъ Карла.	19—39
ГЛАВА IV. Вторженіе въ Украину. Попытка двинуться на Москву черезъ Курскъ. Сношенія съ Мазепою. Намѣреніе короля идти къ Макошину, измѣненное по совѣту Мазепы. Неудача движенія на Новгородъ-Сѣверскъ. Соединеніе съ Мазепою. Переправа черезъ Десну. Уничтоженіе Меньшиковымъ Батурина. Расположеніе шведовъ у Ромень. Движеніе къ Гадячу. Наступленіе противъ Лебединской позиціи (23 декабря 1708). Остановка операцій изъ-за холодовъ. Возобновленіе наступленія. Штурмъ Веприка. Отходъ шведовъ съ линіи Псла. Дѣйствія на линіи Ворсклы. Бой у Опшны (28 янв.). Бой у Краснокутска (11 февр.). Движеніе къ Харькову и Бѣлгороду. Остановка наступленія изъ-за оттепели и разлива рѣкъ. Отходъ шведовъ за Ворсклу.	39—78
ГЛАВА V. Положеніе въ Украинѣ ко времени Полтавской битвы. Почему Карлъ не отступилъ за Днѣпръ. Союзъ съ запорожцами. Подготовка переправы у Переволочны. Значеніе Полтавы; осада ея. Бой у Опшны (8 мая). Уничтоженіе Яковлевымъ Сѣчи и средствъ переправы черезъ Днѣпръ. Сношенія съ турками. Турецко-татарская партія войны. Мобилизація турецкаго флота. Подготовка къ заключенію шведско-	

турецкаго союза. Сношенія съ Крымскимъ ханомъ; прибытіе его посольства въ шведскій лагерь. Выступленіе татаръ въ походъ на Украину. Осада Полтавы—демонстрація. Карлъ раненъ (17 іюня). Переходъ царя Петра въ наступленіе. Общая оцѣнка обстановки. Полтавскій бой. Причины пораженія шведовъ 79--115

Г л а в а VI. Сдача у Переволочны. Днѣпръ и Ворскла. Путь за Ворсклу къ татарамъ. Почему шведы не пошли этимъ путемъ. Разсказъ Левенгаупта. Ложныя свѣдѣнія о возможности переправиться у Переволочны. Прибытіе Карла къ Днѣпру; рѣшеніе идти за Ворсклу у Кишенки. Левенгауптъ и другіе генералы убѣждаютъ короля для личной безопасности переправиться за Днѣпръ. Отъѣздъ Карла и его послѣднія распоряженія Левенгаупту—переправить армію за Ворсклу и отвести въ Очаковъ. Прибытіе Меньшикова къ Переволочнѣ. Дѣйствія Левенгаупта. Состояніе шведской арміи. Начало переговоровъ. Опросъ Левенгауптомъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ и внушеніе имъ мысли о необходимости капитулировать. Отвѣты солдатъ. Голосованіе командировъ полковъ. Сдача. Неожиданность ея для Карла. Отзывъ короля о Левенгауптѣ. Общая оцѣнка личности Карла XII, какъ полководца . 115—159
З а к л ю ч е н і е . . . . . 160—165
П р и л о ж е н і е (Прибытіе Карла въ Белдеры) 166

Появленіе на русскомъ языкѣ труда *Артура Стилле* надлежитъ привѣтствовать. Посвященный стратегіи короля Карла XII, этотъ трудъ вноситъ въ литературу о Великой Сѣверной войнѣ не только новый матеріалъ, но и новыя его толкованія. Слѣдующаго совершенно правильному историческому приему, шведскій изслѣдователь изучаетъ дѣятельность своего героя не только безъ предвзятаго осужденія, но и въ томъ искреннемъ предположеніи, что удачливый и энергичный полководецъ не могъ дѣйствовать безъ смысла и плана. Историкъ хочетъ не столько осудить Карла за неудачу, сколько понять, къ чему стремился этотъ стратегъ, какіе планы онъ создавалъ и какъ ихъ осуществлялъ. Причины неудачи Карла изслѣдователь ищетъ не въ недостаткахъ полководца, а въ реальной обстановкѣ его похода. За Карломъ онъ признаетъ столь же крупный военный талантъ, какъ и за его соперникомъ царемъ Петромъ.

Весьма жаль, что трудъ Стилле (1908) остался, повидимому, безо всякаго вліянія на русскую военно-историческую литературу, вызванную Полтавскимъ юбилеемъ 1909 года. Кажется, что эту печальную участь раздѣлили съ нимъ и другія шведскія монографіи о Карлѣ XII, наиримѣръ, Carlson'a (1889,

1897), Hallendorff'a (1902), Adelsköld'a (1902—1903)...

Разумѣніе того, какъ понимается Полтавская операція шведскою наукою, приблизило бы насъ къ обладанію истиной и къ обязательной справедливости въ отношеніи побѣжденнаго сосѣда.

Надѣмся, что настоящій починъ А. В. Полторацкаго окажется счастливымъ и положитъ начало знакомству нашему съ почтенными произведеніями исторической литературы Швеціи.

Проф. С. Платоновъ.

СПБ. 1912 г.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Audiatur et altera pars.

Трудно указать полководца, подвергавшагося столь единодушной и строгой критикѣ военныхъ писателей, какъ Карлъ XII-й. Лееръ въ своей классической *Стратегіи* посвящаетъ ему нѣсколько блестящихъ страницъ, приходя къ самымъ отрицательнымъ выводамъ и соглашаясь съ Вольтеромъ, что Карлъ «не былъ Александромъ, но смѣло могъ быть первымъ солдатомъ въ его арміи; т. е. храбрый, отчаянно храбрый солдатъ, но не болѣе» (Лееръ, *Стратегія*, изд. 5-е, ч. I, стр. 205). Дѣйствія Карла Лееръ приводитъ, какъ типическій образецъ *стратегіи авантюристической* (Лееръ, *op. cit.*, стр. 204—209). Ниже мы увидимъ, что эти блестящія страницы почтеннаго ученаго являются лишь доказательствомъ, какъ глубоко можетъ заблуждаться самый талантливый и добросовѣстный изслѣдователь, оперируя съ недостаточнымъ и одностороннимъ матеріаломъ.

Въ шведской исторической литературѣ до самаго послѣдняго времени тоже преобладала очень низкая оцѣнка Карла XII-го, какъ стратега. Масса же шведскаго народа инстинктивно любила своего героя-короля, но относилась къ нему несерьезно,

какъ къ симпатичному, но взбалмошному enfant terrible, капризы котораго такъ дорого стоили Швеции.

Причинами такой строгой (и, какъ увидимъ ниже, несправедливой) оцѣнки являются, во-первыхъ, неслыханная въ исторіи Швеціи катастрофа—гибель цѣлой прекрасной арміи, поразившая умы; слѣдствія затмили причины; во-вторыхъ, односторонній и пристрастный характеръ главнѣйшихъ источниковъ—записокъ Левенгаупта (*главнаго виновника проигрыша шведами кампаніи*) и Юлленкрука (Gyllenkrok).

Самъ же Карлъ не написалъ ни строки въ свое оправданіе. Лишь въ одномъ письмѣ къ своей сестрѣ Ульриксѣ-Элеонорѣ онъ рѣзко отзывается о Левенгауптѣ, виновникѣ сдачи у Переволочны.

Къ сожалѣнію, почти всегда такъ бываетъ: послѣ каждой кампаніи прежде всего появляются писанія людей, чувствующихъ необходимость оправдаться; показанія же безпристрастныхъ свидѣтелей появляются значительно позже, а часто и совсѣмъ не видятъ свѣта.

Такъ было послѣ нашей послѣдней Турецкой войны; такъ обстоитъ дѣло послѣ Японской.

Лишь въ самое послѣднее время, благодаря открытію новыхъ матеріаловъ, въ Швеціи дѣлаются попытки реабилитировать Карла. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ большого вниманія добросовѣстный трудъ *Артура Стилле: Стратегическіе планы Карла XII-ю въ 1707—1709 гг.*¹⁾

¹⁾ Carl XII-s fälttågsplaner 1707--1709 af Arthur Stille. Lund 1908.

Профессоръ Стилле подвергъ тщательной критикѣ и оцѣнкѣ все известныя до сихъ поръ источники (полныя списки которыхъ имѣются въ двухъ основныхъ шведскихъ работахъ о Карлѣ XII-мъ: 1) *Slaget vid Poltava och dess krigshistoriska förutsättningar enligt samtida källor, af Ernst Carlson*, въ *Historiska studier*, Stockholm 1897, и 2) *Karl XII och Lewenhaupt år 1708, af C. Hallendorff*, въ *Upsala Universitets Årsskrift* 1902). Сверхъ того, А. Стилле удалось открыть очень важныя документы въ государственныхъ архивахъ въ Дрезденѣ¹⁾ и Венеціи²⁾, а также познакомиться съ еще неизданнымъ дневникомъ сопровождавшаго Карла въ походахъ секретаря *von Kochen*. Изъ русскихъ работъ Стилле основательно знакомъ съ *Съверной войной, Мышлеветскою*, (въ шведскомъ переводѣ), при чемъ очень жалѣеть, что, не зная русскаго языка, не могъ использовать въ полномъ объемѣ русскую печатную литературу, а особенно воспользоваться русскими рукописными источниками.

При критическомъ изслѣдованіи источниковъ Стилле постоянно сопоставляетъ ихъ съ географическими и топографическими условіями театра войны, по современнымъ походу картографическимъ даннымъ и по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ сообщеніяхъ участниковъ войны. Весьма цѣннымъ приложеніемъ

1) Сборникъ писемъ современниковъ подъ общимъ названіемъ «*Was zwischen Moskau und Schweden vorgegangen 1708—9*» Особенно цѣнны письма прусскаго подполковника Сильтмана, состоявшаго при шведской главной квартирѣ въ качествѣ военнаго агента.

2) Делеши бальи Джюстиніани изъ Константинополя о ходѣ переговоровъ Карла съ турецкимъ султаномъ и Крымскимъ ханомъ.

къ книгѣ Стилле является карта театра войны въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ, составленная лейтенантомъ *Беннедикомъ* по современнымъ и стариннымъ картамъ (новѣйшая русская 3-хъ верстная, военно-дорожная 1829 г., польскія 1784—92 гг., *Karta Dawnej Polski*, изд. 1859, *Topographisch-Militärische Karte von vormaligen Neu-Ostpreussen oder dem jetzigen nördlichen Theil des Herzogthums Warschau nebst dem Russischen District, auf XV Blättern reducirt*. Berlin 1808, и многія другія).

Предлагаемый здѣсь переводъ труда Стилле представляетъ, собственно говоря, подробное *извлеченіе*: я сократилъ многія длинноты, повторенія, пространныя разсужденія, тщательно сохранивъ всю фактическую часть. Работа эта была начата мной еще въ 1909 году и я предлагалъ воспользоваться ею нѣкоторымъ нашимъ военнымъ историкамъ, готовившимъ свои труды къ Полтавскому юбилею, но мое предложеніе было отклонено. Издателя я не нашелъ и временно оставилъ работу. Лишь по настоянію профессора *С. Ф. Платонова* я закончилъ ее теперъ и выпускаю въ свѣтъ. Цѣлью моею было лишь добросовѣстно передать показанія противной стороны; сличеніе этихъ показаній съ данными, приводимыми въ новѣйшихъ трудахъ г. Юнакова и другихъ, составитъ интересную работу для читателей, болѣе меня компетентныхъ въ русской военной исторіи.

А. Полторацкій.

С.-Петербургъ, 1912 г.

I.

Замкнутый и сдержанный, Карль XII-ый не допускалъ никого близко знакомиться со своими планами; нѣтъ никакихъ собственноручныхъ его письменныхъ замѣтокъ о томъ, что онъ предполагалъ дѣлать; къ тому же почти совершенно отсутствуетъ все, что можно бы назвать полевымъ архивомъ королевской арміи—приказы, донесенія, журналы адъютантовъ и т. п. Все это чрезвычайно затрудняетъ полученіе яснаго представленія о планахъ короля въ кампанію 1707—1709 гг.

Въ шведскихъ историческихъ кругахъ до послѣдняго времени было распространено мнѣніе, что Карль имѣлъ въ виду сначала операціи по направленію къ Остзейскимъ провинціямъ и Пскову и лишь въ Литвѣ (точнѣе—въ Сморгони), отчасти подъ вліяніемъ полученныхъ донесеній о положеніи дѣлъ въ Россіи, этотъ планъ былъ измѣненъ въ смыслѣ прямого наступленія на Москву. Хотя имѣются свѣдѣнія, что еще въ Саксоніи Карль задумалъ походъ на Москву и говорилъ объ этомъ съ австрійскимъ посломъ. Это весьма вѣроятно, *въ виду известной склонности Карла XII-го временно оставлять безъ вниманія побочныя обстоятельства и второстепенныя задачи, стремясь прямо къ цѣли, считаемой имъ важнѣйшей и окончательной.*

Мнѣніе о первоначальномъ намѣреніи Карла двинуться въ Остзейскія провинціи основывается главнымъ образомъ на запискахъ Юлленкрука (Gyllenkrok), генераль-квартирмейстера шведской арміи. Записки эти написаны имъ въ плѣну въ Москвѣ. Въ своемъ повѣствованіи Юлленкрукъ, между прочимъ, подробно излагаетъ *свой* планъ, который, навѣрно, привелъ бы къ побѣдѣ, если бы упрямый король не дѣйствовалъ все время по своему. Но Юлленкрукъ по отношенію къ Карлу занимаетъ положеніе, совершенно аналогичное положенію Бертье относительно Наполеона: бездарный труженикъ, совершенно неспособный постичь своего гениальнаго начальника. Юлленкрукъ предполагалъ осторожно наступать въ Остзейскія провинціи и къ Пскову, притомъ не прямо, а сначала двинуться на Смоленскъ, дойти до Дорогобужа, въ то время, какъ Левенгауптъ станетъ на верхней Березинѣ. Послѣ снятія жатвы королевская армія повернетъ отъ Дорогобужа ко Пскову, куда направится и Левенгауптъ, отдѣливъ часть войскъ къ Нарвѣ, а финляндская армія пойдетъ къ Петербургу, блокируетъ его частью своихъ силъ и съ остальными отправится бомбардировать Псковъ. Левенгауптъ будетъ наблюдать за отступающими изъ Ингерманландіи русскими, а самъ Карлъ пойдетъ на Старую Руссу или Новгородъ. По пути между Псковомъ и Новгородомъ будетъ данъ бой, если русскіе, вопреки ожиданію, на это рѣшатся. Королевская армія и армія Левенгаупта постараются прогнать врага за верхнюю Волгу и здѣсь будетъ занята и укрѣплена переправа. Но за Волгу шведы не пойдутъ ранѣе взятія Пскова, что произойдетъ въ 1709 г., если крѣпость не сдастся раньше вслѣдствіе бомбардировки.

Послѣ этого будутъ взяты Нарва и Нѳтеборгъ, а можетъ быть, и Петербургъ. Если затѣмъ царь не уступить и не заключить миръ, то «*во имя Божіе*» (i Guds navn) придется идти за Волгу и наступать на Москву, чтобы тамъ вынудить миръ.

Итакъ, рутинная стратегія Юлленкрука предполагала осторожныя и очень сложныя движенія тремя отдѣльными арміями въ предѣлахъ Прибалтійскихъ провинцій и Псковскаго и Новгородскаго районовъ, методическую осаду и постепенное взятіе крѣпостей и лишь въ крайнемъ случаѣ—движеніе на Москву. Стратегія же короля заключалась въ рѣшительномъ наступленіи всѣми силами прямо на Москву. Планъ короля, какъ всѣ планы великихъ полководцевъ, былъ слишкомъ простъ для «бѣднаго академика» Юлленкрука (изъ той же безсмертной плеяды бездарныхъ архи-ученыхъ педантовъ, какъ хорошо намъ памятные Вейротеръ и Пфуль).

Датскій историкъ Sarauw говоритъ, что въ началѣ 1708 г. Карлъ, конечно, легко могъ бы снова овладѣть своими Остзейскими провинціями, но этимъ не достигалось самое необходимое — рѣшительный успѣхъ и ослабленіе русскаго могущества. Карлъ не могъ постоянно оставаться въ этихъ провинціяхъ; а какъ только онъ изъ нихъ удалился бы, русскіе возвратились бы, и игра началась бы снова (Sarauw: Die Feldzüge Karl's XII, стр. 238).

Не надо забывать, что съ самаго начала своей дѣятельности Карлъ оборонялся отъ враговъ, пытавшихся отнять шведскія земли, но оборонялся въ высшей степени активно, какъ и подобаетъ великому полководцу.

«Сущность направленной противъ Швеціи лиги, съ

одной—важнѣйшей—стороны, состояла въ томъ, что два восточноевропейскихъ государя, Августъ и Пётръ, соединились противъ третьяго, Карла. Передъ шведскимъ королемъ вдругъ выступилъ восточноевропейскій вопросъ во всемъ его грозномъ значеніи. Вся политика Карла показываетъ, что онъ ясно понималъ сущность вопроса и составилъ грандіозный планъ его окончательнаго рѣшенія. Глухой ко всѣмъ увѣщаніямъ перенести центр тяжести шведской политики на западъ, король ясно видѣлъ, что тогдашняя Швеція была въ высокой степени восточноевропейскимъ государствомъ, и ея могущество зависѣло отъ этого.

Карлъ не хочетъ ограничиваться полумѣрами или временными успѣхами. Оба его противника будутъ разв навсегда лишены возможности угрожать могуществу Швеціи въ восточной Европѣ. Поэтому Карлъ желаетъ освободить Польшу отъ уніи съ Саксоніей, приведшей Польшу къ сближенію съ Россіей и къ враждѣ со Швеціей. Это достигнуто—изъ Польши сдѣлана союзница. Наступилъ чередъ царя Петра» (Стилле стр. 43).

Стратегія Карла XII-го въ 1707—1709 гг. такимъ образомъ вполне согласуется съ его политикой.

Является вопросъ: имѣлъ ли вообще право Карлъ думать, что съ имѣвшимися въ его распоряженіи силами (32—33000 собственнаго войска, 8000 Крассау, 12—13000 Левенгаупта, 16000 поляковъ короля Станислава и казаки Мазепы) онъ сможетъ побѣдить противника, главныя силы котораго состояли изъ 57500 регулярныхъ войскъ и нѣкотораго числа иррегулярной калмыцкой конницы, 16000 Боура (наблюдавшаго за Левенгауптомъ) и около 15000 польскихъ мятежниковъ Сеняв-

скаго (съ обѣихъ сторонъ Стилле не считаетъ ингерманландскую армію Апраксина и финляндскую Любекера, взаимно другъ друга уравновѣшивавшихъ)?

Принимая во вниманіе, что шведская армія въ то время по своимъ качествамъ, несомнѣнно, значительно превосходила русскую и, какъ признается всѣми, отличалась высшими по тому времени военными достоинствами; мы не имѣемъ права сказать, что силы Карла XII-го съ самаго начала были слишкомъ слабы для выполненія поставленной имъ задачи.

Надо замѣтить также, что во время похода черезъ Польшу Карлъ принималъ турецкаго посла и, завязавъ сношенія съ Турціей, могъ надѣяться, что турки и татары въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ также выступятъ противъ царя. Наконецъ, внутреннее состояніе Россіи—глухое броженіе, масса недовольныхъ Петромъ, возстаніе Булавина—все это давало новыя надежды на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, у Карла было никакъ не меньше шансовъ покорить Россію, чѣмъ у Наполеона въ 1812 г. ¹⁾.

Признавъ такимъ образомъ, что планъ Карла былъ вполне цѣлесообразенъ, средства для его выполненія достаточны и успѣхъ вполне возможенъ, прослѣдимъ, по книгѣ Стилле, почему въ конечномъ результатѣ получилась грандіозная катастрофа.

Осенью 1706 г. Карлъ покинулъ Польшу и двинулся въ Саксонію, для нанесенія тамъ рѣшительнаго

¹⁾ Причемъ шведы гораздо лучше знали Россію, чѣмъ французы, и не только не боялись зимы, а сдѣлали цѣлыхъ двѣ зимнихъ кампаніи. Прим. переводчика.

удара могуществу короля Августа. Воспользовавшись этимъ, русскія войска проникли въ собственную Польшу и царь Петръ сталъ ея повелителемъ. Когда черезъ годъ, осенью 1707 г., Карлу пришлось обратиться противъ русскихъ, то первой задачей являлось обратное завоеваніе Польши. Въ связи съ этимъ для наступленія въ Россію приходилось выбирать между двумя главнѣйшими операціонными линіями—черезъ Литву, къ сѣверу отъ Полясья, или черезъ Воынь, къ югу отъ него. Последній путь приводилъ короля прямо къ Кіеву и на Украину, гдѣ казаки съ гетманомъ Мазепой могли быть склонены къ соединенію со шведами; но первый путь имѣлъ неопцѣнимое преимущество—онъ проходилъ ближе къ шведскимъ областямъ и допускалъ взаимодѣйствіе съ арміей Левенгаупта въ Курляндіи.

Главнѣйшей оборонительной линіей русскихъ въ Польшѣ являлась р. Висла. Шведской арміи предстояло съ боя овладѣть переправой и взять Варшаву. Но, выступивъ съ квартирнаго расположенія въ Саксоніи 22-го августа 1707 г.¹⁾ и вступивъ въ Польшу вблизи Равича 11-го сентября, Карлъ не пошелъ на Варшаву, а началъ *стратегическій обходъ праваго фланга русской арміи.*

«Уже здѣсь, въ началѣ похода, ясно обнаруживается черта характера Карла, совершенно отсутствующая въ традиціонномъ ходячемъ представленіи о немъ: *осторожность*, нерасположеніе къ фронтальной атакѣ, гдѣ этого можно избѣжать, и склонность вытѣснять противника изъ

---

¹⁾ Всѣ числа по тогдашнему шведскому стилю, на одинъ день опережавшему русскій стиль, т. е. 22-е августа у русскихъ считалось 21-мъ августа. Прим. А. П.

его позицій посредствомъ обходовъ, безъ лишней потери людьми».

19-го сѣнтября король перешелъ р. Варту близъ Слупце, по направленію на Торнъ и Нижнюю Вислу, а не на Ловичъ и Варшаву.

У Слупце Карлъ стоитъ до 30-го октября, ожидая прибытія подкрѣпленій изъ Помераніи и не желая безъ нихъ начинать серьезныхъ операцій. Въ Польшѣ былъ оставленъ генераль-маіоръ Крассау съ 8000; армія въ распоряженіи короля равнялась 33—34000.

30-го октября король выступилъ изъ Слупце, выславъ авангардъ къ Торну. Но шведы еще очень долго простояли къ западу отъ Вислы, вслѣдствіе политическихъ условій: еще не былъ вполнѣ законченъ трактатъ съ австрійскимъ императоромъ о силезскихъ дѣлахъ, а можетъ быть, имѣли вліяніе и датско-голыштинскія дѣла. Сверхъ того, Карлъ, вѣроятно, желалъ дожидаться возможнаго замерзанія Вислы.

Перейдя черезъ Вислу, шведы сначала двинулись на востокъ и 4-го января 1708 г. дошли до Цѣханова. Отсюда пошли на сѣверо-западъ, въ Мазурскіе лѣса, обходя русскія позиціи по *Нареву*. Шведы утверждали, что еще 21-го января, когда Карлъ стоялъ у Вонсоша, въ 25-ти километрахъ отъ р. Бобра, русскіе совершенно не имѣли свѣдѣній о направленіи движенія шведской арміи. 22-го января Карлъ быстро двинулся изъ Вонсоша къ Гоніондзу и, оттѣснивъ слабый русскій отрядъ, безъ боя овладѣлъ трудной переправой.

Простыми, цѣлесообразными движеніями Карлъ разрушилъ русскіе планы задержать наступленіе шведовъ на польскихъ рѣчныхъ линіяхъ. Безъ боя, даже безъ

того, чтобы шведскія главныя силы были хоть разъ доступны обозрѣнію русскихъ или вошли съ ними въ соприкосновеніе, *Карлъ вытѣснилъ одними маневрами русскихъ изъ собственной Польши.*

Русскіе отступили за Нѣманъ. Эту преграду нельзя было обойти. Переправу здѣсь надо было захватить силой. Такъ и было сдѣлано, и Карлъ при этомъ выказалъ въ высокой степени другое качество полководца, отличавшее его вмѣстѣ съ умѣньемъ маневрировать: *способность, когда надо, наносить сильные, молніеносные удары.*

Не предпринимая какихъ-либо обширныхъ приготовленій съ цѣлою арміею, король быстро двинулся впередъ съ авангардомъ и 27-го января сильнымъ, неожиданнымъ нападеніемъ оттѣснилъ русскихъ за мостъ. На слѣдующій день русскіе очистили Гродно. Попытка бригадира Мюленфельса, по приказанію царя, снова овладѣть переправой была отбита шведскою гвардіею. Въ послѣдніе дни января вся шведская армія перешла черезъ Нѣманъ и кампанія вступила въ новый періодъ.

II.

Перейдя Нѣманъ, шведы пошли на Минскъ, но должны были повернуть къ Сморгони по недостатку продовольствія, потому что русскіе опустошали страну. Отступая на востокъ, русскіе оставляли у себя въ тылу небольшіе отряды, обязанные сжигать запасы и въ особенности все сѣно.

Искать продовольствія вправо отъ своего пути на-

ступленія шведы не могли, потому что тамъ шелъ король Сигизмундъ со своими польскими войсками.

Въ Сморгони Карлъ простоялъ до 15-го марта, а затѣмъ пошелъ по большой дорогѣ на Минскъ.

У Радошковичей, важной переправы, главная квартира стояла съ 17-го марта до 6-го іюня, изъ-за распутицы и недостатка подножнаго корма. Отдѣльныя колонны, впрочемъ, выступили еще 1-го іюня. Здѣсь король какъ-то сказалъ Юлленкруку: «теперь мы идемъ по дорогѣ на Москву, и если только будемъ продолжать, то, конечно, дойдемъ!»

Юлленкрукъ отвѣтилъ, что русскіе укрѣпляютъ всѣ трудные проходы и будутъ упорно ихъ защищать. Король возразилъ, что «всѣ эти укрѣпленія ничего не стоятъ и не задержать наступленія». Можно думать, что Карлъ предполагалъ уничтожить значеніе русскихъ укрѣпленій обходными движеніями.

12-го февраля 1708 г. саксонскій резидентъ въ Берлинѣ *Вестфаль* писалъ своему правительству, что въ большинствѣ шведскихъ писемъ съ театра войны говорится, что Карлъ намѣренъ соединиться съ Левенгауптомъ, затѣмъ напасть на русскихъ, разбить ихъ и двинуться прямо на Москву.

25-го марта прибылъ въ главную квартиру въ Радошковичахъ командующій лифляндской арміей генералъ *Адамъ Людвигъ Левенгауптъ* и оставался здѣсь до 7-го мая, послѣ чего возвратился въ Ригу. Левенгауптъ не былъ посвященъ въ планы короля. Ему было лишь приказано изготовить свою армію къ продолжительному походу.

На вопросы Левенгаупта, куда думаютъ послать его

армію, король дасть уклончивый отвѣтъ ¹⁾, *какъ дѣлалъ не разъ, не желая преждевременно раскрывать своихъ плановъ*. Халлендорфъ въ своей книгѣ «Карль XII-ый и Левенгауптъ въ 1708 г.», на стр. 90, говоритъ, что «король не любилъ сообщать своимъ подчиненнымъ свои планы въ полномъ ихъ объемѣ... если только не былъ абсолютно увѣренъ въ ихъ молчаніи, потому что всегда могло случиться, что свѣдѣнія эти просочатся наружу и попадутъ въ руки врага».

Русскіе предполагали оказать сопротивление шведамъ на р. Березинѣ, гдѣ у Борисова была занята укрѣпленная позиція. Но шведскій король и здѣсь былъ такъ же мало склоненъ, какъ и въ Польшѣ, тратить свои силы на фронтальныя атаки. Простыми, быстрыми передвиженіями онъ обошелъ позицію русскихъ, при чемъ удалось очень долго держать ихъ въ неизвѣстности о будущемъ направленіи движенія шведовъ.

4-го іюля 1708 г. произошло сраженіе на р. Вабичъ у Головчина. Здѣсь Карль выказалъ вѣрный военный глазомѣръ, быстроту и натискъ—*тщательной мичной рекогносцировкой составилъ ясное представленіе о положеніи врага*, король искусными демонстраціями отвлекаетъ его вниманіе отъ критической точки и затѣмъ въ надлежащій моментъ съ безудержной энергіей выполняетъ атаку. Атака эта была произведена подъ проливнымъ дождемъ, сдѣлавшимъ дороги почти непроходимыми, при

¹⁾ Разсказъ Левенгаупта о своемъ походѣ, изданный его зятемъ Боје афъ Йеннасъ въ 1757 г. подъ заглавіемъ: „Вредныя слѣдствія самодержавія и горькіе плоды злобы“ (Enväldets skadliga räfföljder och aggets bittra frukter, стр. 214).

чемъ не болѣе трети шведской арміи успѣло подойти къ мѣсту боя. Но положеніе было таково, что «король не могъ ждать» (весь его расчетъ основывался на внезапности). Шведы подчеркиваютъ *замѣчательное взаимное содѣйствіе кавалеріи и пѣхоты въ этомъ бою.*

Побѣда при Головчинѣ открыла шведамъ дорогу къ Днѣпру; русскіе отошли за него, и 8-го іюля Карль вступилъ въ Могилевъ.

Отсюда на Москву вели 3 большихъ дороги: 1) черезъ Смоленскъ—Дорогобужъ—Вязьму, 2) отъ Кіева и Чернигова на Новгородъ-Сѣверскъ, къ важной переправѣ черезъ Десну у Брянска и отсюда на Калугу и 3) съ юга изъ Украйны на Бѣлгородъ—Курскъ—Тулу. Важными украинскими поперечными путями были Ромны—Гадячъ—Бѣлгородъ и Переяславль—Миргородъ—Полтава—Харьковъ. Между Калужской и Курской дорогами слѣдуетъ отмѣтить также труднопроходимую для арміи дорогу Кролевецъ—Глуховъ—Сѣвскъ—Орель.

При наступленіи къ Днѣпру Карль постоянно избѣгалъ обозначать направленіе движенія къ одному изъ вышеупомянутыхъ большихъ путей наступленія на Москву, держа врага въ неизвѣстности о своихъ окончательныхъ планахъ.

Съ 8-го іюля по 5-августа король стоялъ неподвижно въ Могилевѣ, ожидая подхода арміи Левенгаупта; въ виду приближенія рѣшительнаго періода кампаніи нужно было сосредоточить всѣ силы.

Какъ сказано выше, во время пребыванія Левенгаупта въ главной квартирѣ въ Радошковичахъ ему были даны опредѣленные указанія о томъ, что его армія приметъ участіе въ предстоящей кампаніи. 3-го іюня Ле-

венгауптъ получилъ приказъ о выступленіи. Но лишь въ концѣ іюня собственный полкъ его могъ отіравиться въ походъ и лишь 29-го іюля самъ генераль прибылъ къ своему полку, стоявшему у Оникшты на р. Свѣта, къ сѣверу отъ Вильны. Трудно сказать, могъ ли Левенгауптъ изготovitъ свою армію къ походу раньше. Но исполнѣ выяснено, что она двигалась значительно медленнѣе, чѣмъ требовалось. Самъ Левенгауптъ приказалъ своей арміи дѣлать короткіе переходы. За цѣлый мѣсяцъ она прошла не болѣе 230 километровъ и простояла 2 недѣли въ Долгиновѣ, собирая свои отдѣльныя части. Затѣмъ вся армія ждала прибытія одного коннаго полка—драгуновъ Шлиппенбаха, а когда онъ прибылъ, стояла еще недѣлю, чтобы этотъ полкъ могъ отдохнуть и запастьсь провіантомъ.

Въ извиненіе Левенгаупту приводилось, что его войско сопровождалось огромнымъ обозомъ. Но, во всякомъ случаѣ, слишкомъ много времени тратилось на длинныя остановки, вызывавшіяся, по словамъ самого Левенгаупта, беспорядками въ его арміи. Въ 1812 г. въ той же мѣстности корпусъ Даву, численностью около 50.000, т. е. больше армій Карла и Левенгаупта, вмѣстѣ взятыхъ, и сопровождавшійся огромными колоннами обозовъ, 14-го іюля выступилъ изъ Минска, а 20-го іюля дошелъ до Могилева, сдѣлавъ за 6 дней 200 километровъ, при чемъ передъ французами отступалъ Багратионъ, всячески затрудняя имъ движеніе. 28-го іюля прусскій подполковникъ Сильтманъ, состоявшій при шведской главной квартирѣ въ качествѣ военнаго агента, писалъ домой, что Карлу, конечно, хотѣлось бы дождаться въ Могилевѣ Левенгаупта, но это окажется невозможнымъ, вслѣдствіе по-

стоянныхъ нападеній противника отъ Шклова и Быхова, гдѣ русскіе имѣли возможность переправляться черезъ рѣку.

Такъ и вышло: Карль не могъ долѣе ждать Левенгаупта у Могилева. 5-го, 7-го и 8-го августа шведская армія перешла Днѣпръ.

Послѣдующій періодъ кампаніи, съ 8-го августа по 15-ое сентября, на первый взглядъ представляется наиболѣе темнымъ и труднообъяснимымъ изъ всей войны (*underligt famlande och ovissa*, «удивительно колеблющійся и неопредѣленный», по словамъ Халлендорфа, *op. cit.*, s. 87).

Когда шведы перешли Днѣпръ, царь Петръ стянулъ главныя свои силы къ позиціи у Горокъ, гдѣ былъ устроенъ укрѣпленный лагерь.

Такимъ образомъ наступленіе на Смоленскъ и Москву прямо черезъ Горки было связано съ большими трудностями и нельзя было ожидать рѣшительныхъ результатовъ, въ виду удобныхъ условій для отступленія русскихъ.

Карль опять не выказалъ никакой охоты прямо атаковать сильную русскую позицію, а вмѣсто того уклонился направо и пошелъ изъ Могилева на юго-востокъ.

Казалось, будто онъ думаетъ идти къ одной изъ переправъ на р. Сожѣ—Пропойску или Черикову, выбравъ путь для вторженія во внутреннюю Россію черезъ Сѣверскую землю.

Но тогда невозможно объяснить, почему Карль не выказалъ большей быстроты—быстро идя отъ Могилева къ Сожу, онъ, конечно, дошелъ бы туда раньше русскихъ, потому что уже съ начала движенія былъ впереди ихъ.

Вмѣсто того онъ остается два дня въ Хацковичахъ и цѣлую недѣлю въ Сталкѣ, а выступивъ оттуда, идетъ замѣчательно небольшими переходами къ Черикову. Такая тактика ярко отличается отъ энергичной быстроты короля въ критическихъ случаяхъ во время похода къ западу отъ Днѣпра и получается опредѣленное впечатлѣніе, что *все это имѣло цѣлью заставить русскихъ отойти за Сожъ, для чего имъ нарочно давалось время.*

21-го августа Карлъ подошелъ къ Черикову и нашелъ русскую армію расположенной по теченію Сожа. Король не сдѣлалъ серьезной попытки проложить себѣ путь силой, а уклонился налѣво и пошелъ въ сѣверномъ направленіи. Русская кавалерія была очень изнурена форсированнымъ движеніемъ къ Сожу, — шведы находили много отсталыхъ людей и лошадей. Теперь она снова должна была съ величайшей поспѣшностью и по длинной кружной дорогѣ идти впередъ, чтобы встрѣтить шведовъ въ новомъ ихъ направленіи.

Послѣ небольшихъ стычекъ шведская армія дошла 28-го августа до Молятичей и простояла здѣсь нѣсколько дней. 31-го августа здѣсь русская пѣхота, подъ начальствомъ царя, напала на отрядъ ген.-маіора Роса. Бой былъ упоренъ, но кончился въ пользу шведовъ, когда король лично привелъ подкрѣпленія. 2-го сентября возобновилось движеніе шведской арміи, все въ сѣверномъ направленіи. Русскіе отступали.

8-го сентября Карлъ былъ въ д. Милейковой, вблизи дороги Мстиславль—Горки. Въ это время шведы пришли въ соприкосновеніе съ русскими кавалерійскими частями, принадлежавшими къ корпусу Боура, стоявшаго въ Остзейскихъ провинціяхъ противъ Левенгаупта и теперь.

по мѣрѣ его движенія, отходившаго къ главной русской арміи. 10-го сентября Карль атаковалъ эти части и имѣлъ съ ними ожесточенный бой на переправѣ черезъ р. Княгиню у Раевки. 11-го сентября шведская армія дошла до Татарска, самаго сѣвернаго пункта изъ достигнутыхъ ею. Петръ расположилъ свою кавалерію на очень выгодной позиціи, на высотахъ за р. Городней, прикрытой съ фронта болотами. Русская пѣхота, подъ командой Шереметева, отошла далѣе назадъ по направленію къ Смоленску.

Всюду кругомъ русскіе опустошали и жгли. У Татарска Карль стоялъ неподвижно, не дѣлая никакихъ попытокъ къ переходу въ наступленіе, пока 15-го сентября не двинулся со всей арміей обратно на югъ.

III.

Веденіе войны Карломъ къ западу отъ Днѣпра носило отпечатокъ ясно поставленныхъ цѣлей, опредѣленной послѣдовательности въ исполненіи и быстрой рѣшимости.

Было бы странно, если бы къ востоку отъ Днѣпра характеръ кампаніи вдругъ измѣнился, при томъ же полководцѣ, и она стала «колеблющейся и неопредѣленной», какъ кажется при ея поверхностномъ обзорѣ.

Очевидно, въ теченіе ближайшаго мѣсяца послѣ переправы черезъ Днѣпръ, еще не принявъ окончательнаго рѣшенія относительно выбора операціонной линіи, король стремится маневрированіемъ вытѣснить русскихъ изъ всѣхъ позицій, откуда они могли бы серьезно угро-

*

жать Левенгаупту, и старается держать свободными сообщения между нимъ и собственной арміей.

Изъ писемъ участниковъ кампаніи (напр., Седерельма отъ 11-го сентября 1708 г.) видно, что въ главной шведской квартирѣ все время думали о Левенгауптѣ.

28-го августа одинъ польскій дворянинъ донесъ королю, что Левенгауптъ стоитъ на Днѣпрѣ между Оршей и Копысемъ и Боуръ долженъ былъ отступить передъ нимъ. Это оказалось въ послѣдствіи невѣрнымъ. Было крайне важно, чтобы Левенгауптъ какъ можно скорѣй воспользовался возможностью свободного движенія, достигнутой операціями короля.

Но Левенгауптъ не приходилъ. 29-го августа въ Долгиновѣ къ нему прибылъ королевскій гонецъ съ приказаніемъ ускорить маршъ. 5-го сентября Карлъ послалъ Левенгаупту новое приказаніе поторопиться. Это приказаніе, посланное съ однимъ польскимъ ксендзомъ, дошло до Левенгаупта лишь 8-го сентября, въ Черевѣ, вслѣдствіе затрудненій отъ калмыцкихъ разбѣдовъ. Получивъ вторичное приказаніе короля, такой опытный боевой генераль, какъ Левенгауптъ, долженъ былъ ясно понять, что слѣдуетъ спѣшить изо всѣхъ силъ. Но простоявъ послѣ полученія перваго приказанія еще 3 дня въ Долгиновѣ, онъ, послѣ полученія второго, стоитъ въ Черевѣ еще недѣлю. Въ своихъ запискахъ Левенгауптъ совершенно откровенно сообщаетъ, что ему помѣшали двинуться не столько свойства дорогъ, сколько безпорядокъ въ его арміи. Эти безпорядки должны были быть очень велики, если армія, простоявшая въ Долгиновѣ съ 15-го августа по 2-ое сентября, черезъ шесть дней похода снова должна была остановиться на недѣлю. Отвѣт-

ственность за это лежитъ, конечно, на самомъ Левенгауптѣ.

Въ послѣднее время наиболѣе распространеннымъ среди шведскихъ историковъ толкованіемъ событій у Татарска является приводимое Эрнстомъ Карлсономъ [въ его работѣ: *Karl XII:s ryska fälttågsplaner 1707—1709, sedd i ljuset af nyare forskningar* (въ *Nord. Tidskrift*, 1889, s. 377—379)]:

Карль намѣревался по обычной дорогѣ черезъ Смоленскъ вторгнуться къ Москвѣ, но когда дошелъ до русской границы у Татарска, то царь приказалъ опустошить страну, такъ что «вся мѣстность кругомъ стояла въ огнѣ; горизонтъ окаймлялся горящими селами, воздухъ былъ такъ наполненъ дымомъ, что едва можно было видѣть солнце; опустошеніе распространилось уже до Смоленска». Вопреки ожиданію шведовъ, Царь приказалъ кечъ и въ собственной странѣ. Царь занялъ совершенно неприступную позицію на высотѣ за небольшой рѣчкой. Карль увидѣлъ, что этой дорогой прямо на Москву идти нельзя, и въ нерѣшительности обратился къ Юленкруку за совѣтомъ, говоря, что «у него нѣтъ никакого плана» (*hade ingen dessein*)¹⁾, и послѣ совѣщанія съ Реншѣлдомъ рѣшился, наконецъ, повернуть обратно. Считая позоромъ идти назадъ за Днѣпръ, король за неимѣніемъ другого выхода обратился къ Сѣверской землѣ и Украинѣ, не ожидая Левенгаупта, хотя достовѣрно зналъ, что Левенгауптъ стоитъ недалеко отъ Днѣпра, около пяти переходовъ отъ шведскихъ главныхъ силъ. Совѣта Пипера и

---

¹⁾ Шведскій военный языкъ того времени переполненъ французскими словами. Прим. перев.

Юлленкрука отойти назадъ и соединиться съ Левенгауптомъ Карлъ не послушался.

Выходитъ, что Карлъ будто бы обанкрутился въ качествѣ полководца.

Главнѣйшимъ источникомъ для такого взгляда являются записки Юлленкрука съ ихъ крайне пристрастнымъ характеромъ: о планахъ и распоряженіяхъ Карла постоянно говорится, какъ о неудачныхъ и приносящихъ несчастіе, въ то время, какъ самъ Юлленкрукъ изображается мудрецомъ, чьи совѣты слѣдовало бы слушать; король представляется нерѣшительнымъ и не могущимъ самостоятельно найти выходъ.

Противъ такого сужденія Стилле энергично протестуетъ.

Въ общемъ рассказъ Юлленкрука сводится къ слѣдующему:

Царь стоялъ въ укрѣпленіи за рѣчкой, оба берега которой представляли болота; перейти рѣчку было невозможно, такъ какъ все проходы были заняты русскими укрѣпленіями. Шведская армія простояла въ своемъ лагерѣ нѣсколько дней. Затѣмъ король пришелъ къ Юлленкруку, спрашивая его совѣта о томъ, куда идти. Юлленкрукъ сказалъ, что не можетъ дать совѣта, не зная плановъ (*dessein*) короля. Карлъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ никакого плана, а когда Юлленкрукъ принялъ это за шутку, король сказалъ, что не знаетъ, куда идти, и это долженъ посоветовать Юлленкрукъ. На другой день утромъ разговоръ возобновился, и когда Юлленкрукъ предложилъ королю выслушать своихъ совѣтниковъ и генераловъ, Карлъ сказалъ, что они ничего не могутъ посоветовать, такъ какъ не знаютъ дорогъ и мѣстности. Юл-

Юлленкрукъ согласился, что въ этомъ король правъ, но попросилъ времени, чтобы подумать и собрать лучшія свѣдѣнія о дорогахъ. Послѣ этого онъ пошелъ къ фельд-маршалу Реншѣльду и сказалъ ему, что король уже третій день требуетъ совѣта, куда идти, и пусть Реншѣльдъ дастъ этотъ совѣтъ. Фельдмаршалъ тогда сталъ говорить о враждѣ Пипера ¹⁾ и попросилъ Юлленкрука самого посовѣтовать, что дѣлать. Но Юлленкрукъ желалъ ограничиться лачей справокъ о дорогахъ. Во время обсужденія онъ, между прочимъ, сказалъ, что «по большой дорогѣ, идущей черезъ Смоленскъ, въ Москву, очевидно, невозможно пройти», что подтвердилъ и Реншѣльдъ: «дорога невозможна и не годится». Послѣ того обсуждалась альтернатива: отступление за Днѣпръ или походъ въ Сѣверскую землю; при чемъ на случай этого похода Юлленкрукъ показалъ карту и набросалъ планъ расположенія войскъ. Согласно желанію Реншѣльда, Юлленкрукъ пошелъ затѣмъ къ Пиперу; но этотъ въ рѣзкихъ словахъ заговорилъ о неосторожномъ наступленіи и, между прочимъ, сказалъ, что онъ и прежде говорилъ, что настанетъ день, когда король не будетъ знать, куда идти, «такъ какъ и раньше онъ не составилъ себѣ никакого плана»; затѣмъ онъ сказалъ что король будетъ считать стыдомъ идти назадъ за Днѣпръ ²⁾, и надо идти въ Сѣверскую землю, гдѣ русскіе не посмѣютъ жечь, какъ они жгли до сихъ поръ. Послѣ окон-

1) Графъ Пиперъ, походный министръ Карла XII-го.

2) Идти назадъ нельзя было, главное, потому, что армія жила мѣстными средствами, а сзади все было опустошено. Въ тылу никакихъ складовъ не было—Карль имѣлъ базу при себѣ, въ обозахъ и мѣстныхъ средствахъ. Военные запасы долженъ былъ доставить Левенгауптъ.

чательнаго разговора Пипера съ Юлленкрукомъ о дорогахъ произошло совѣщаніе между королемъ, Реншѣльдомъ и Пиперомъ. Присутствовалъ также генераль-маіоръ Мейерфельтъ. Въ концѣ совѣщанія былъ призванъ Юлленкрукъ и получилъ порученіе составить маршрутъ для Левенгаупта на Стародубъ, такъ какъ рѣшено идти въ Сѣверскую землю.

Относительно арміи Левенгаупта Пиперъ сказалъ, что не знаетъ, гдѣ она, но что, вѣроятно, она въ Шкловѣ (staden Sklox). Однако самъ король замѣтилъ, что легкая кавалерія доноситъ, что Левенгауптъ стоитъ у города Чаусы. Спрошенный Юлленкрукъ сказалъ, что хорошо знаетъ, гдѣ находится этотъ городъ, и послѣ полученнаго приказанія составилъ для Левенгаупта два маршрута, для двухъ альтернативъ. Затѣмъ было рѣшено выслать авангардъ отъ королевскаго войска и начальникомъ его былъ избранъ генераль-маіоръ Лагеркруна (Lagercrona).

Въ разсказѣ Юлленкрука ясно сквозитъ тенденція, что король, не слушавшій умныхъ совѣтовъ своего генераль-квартирмейстера, но слѣдовавшій своимъ собственнымъ планамъ, теперь совсѣмъ увязъ со своимъ методомъ войны, и въ безысходномъ положеніи, совершенно не зная, что дѣлать, обратился за совѣтомъ къ Юлленкруку. Такимъ образомъ Юлленкрукъ долженъ былъ до нѣкоторой степени чувствовать удовлетвореніе, что дѣйствительность показала, насколько онъ болѣе правъ, чѣмъ Карлъ. Но вѣдь до сихъ поръ веденіе войны королемъ отнюдь не противорѣчило детально разработанному плану самого Юлленкрука—армія стояла на пути въ Смоленскъ и еще не дошла до Дорогобужа. Сзади шель Левенгауптъ, черезъ Долгиново, какъ значилось и въ планѣ Юлленкрука.

Относительно Карла XII-го у Татарска было бы несправедливо сказать, что онъ велъ войну безо всякаго опредѣленнаго плана: планъ этотъ ясно виденъ изъ такихъ данныхъ, какъ 1) наступленіе къ столицѣ врага, въ качествѣ основной цѣли, 2) операціонная линія съ-вернѣе Полѣсья къ Днѣпру и 3) совмѣстныя дѣйствія съ Левенгауптомъ.

По мнѣнію Стилле, слова, сказанныя Карломъ Юлленкруку у Татарска, въ дѣйствительности означаютъ лишь, что король находился въ положеніи, требовавшемъ новыхъ распоряженій и обсуждения географически-топографическихъ условій. Дѣло идетъ не о томъ, наступать или отступать, не объ измѣненіи основнаго плана, а просто объ опредѣленіи удобнѣйшей дороги для продолженія наступленія къ Москвѣ, и совсѣмъ неудивительно, что Карлъ обратился съ самаго начала не къ высшимъ войсковымъ начальникамъ, а къ специалисту по топографіи, къ Юлленкруку.

Въ одномъ разговорѣ съ Юлленкрукомъ причиной необходимости измѣнить направленіе марша Карлъ выставлялъ недостатокъ продовольствія и сказалъ при этомъ, что *есть полки, три недѣли не имѣющіе хлѣба и питающіеся другими продуктами*; тотчасъ засимъ король прибавилъ, что это бы еще ничего, но совсѣмъ нѣтъ фуража для лошадей.

Такимъ образомъ можно признать, что главныя затрудненія для наступленія къ Смоленску были не столько стратегическаго или тактическаго характера, сколько хозяйственнаго — недостатокъ мѣстныхъ средствъ, уничтоженныхъ русскими.

Какъ уже было сказано выше, 14-го сентября вечеромъ на совѣщаніи въ палаткѣ короля говорили объ арміи Левенгаупта, при чемъ Пиперь сказалъ, что Левенгауптъ долженъ быть въ Шкловѣ, а Карль—что онъ стоитъ у Чаусовъ, по донесеніямъ легкой кавалеріи. Сообразно этому была заготовлена директива Левенгаупту, увѣдомляющая его о выступленіи королевской арміи отъ Татарска въ Сѣверскую землю. Директива была условная, соотвѣтственно двумъ предполагаемымъ положеніямъ Левенгаупта; въ одной редакціи говорилось: «если Вы еще въ Могилевъ ¹⁾»; въ другой: «если Вы уже подошли къ Чаусамъ». Приказъ, заключающій въ себѣ эти директивы, помѣченъ 14-го сентября и отправленъ Левенгаупту 16-го въ трехъ экземплярахъ, съ тремя курьерами. Левенгауптъ получилъ ихъ утромъ 17-го, утромъ 18-го и вечеромъ въ тотъ же день. Курьеры встрѣтили большую помѣху въ калмыцкихъ разъѣздахъ. Одинъ изъ курьеровъ, выѣхавъ утромъ 15-го, къ вечеру вернулся въ лагерь, не будучи въ состояніи проникнуть сквозь русскіе разъѣзды, и отправился снова въ путь на слѣдующій день.

Многіе считаютъ крупной стратегической ошибкой Карла, что онъ ушелъ отъ Татарска, не обращая вниманія на положеніе Левенгаупта. На самомъ дѣлѣ вина Карла значительно меньше—подобно многимъ другимъ полководцамъ онъ имѣлъ несчастіе повѣрить ложному донесенію. Въ то же время у короля были достаточныя

---

¹⁾ Повидимому, въ разсказѣ Юленкрука о совѣщаніи у Татарска вмѣсто Могилева говорится о Шкловѣ по ошпбкѣ; въ дневникѣ Пипера говорится о Могилевѣ, какъ и въ приводимомъ Юленкрукомъ приказѣ.

основанія думать, что армія Левенгаупта уже дошла до Днѣпра. Еще 29-го августа въ Долгиновѣ къ Левенгаупту прибылъ королевскій гонецъ съ приказаніемъ поторопиться; этотъ гонецъ вернулся затѣмъ въ главную квартиру, такъ что Карлъ точно зналъ, что 29-го августа Левенгауптъ былъ въ Долгиновѣ. 8-го сентября въ Черевѣ къ нему прибылъ второй гонецъ, съ вторичнымъ приказаніемъ спѣшить.

Привыкнувъ къ безусловному послушанію и порядку въ своей собственной арміи, король не могъ допустить мысли, что Левенгауптъ, получивъ первое приказаніе спѣшить, еще простоить 3 дня въ Долгиновѣ, а получивъ второе—простоить снова 7 дней въ Черевѣ «изъ-за безпорядковъ».

Повѣривъ злополучному донесенію легкой кавалеріи и считая уже достигнутой преслѣдовавшуюся до сихъ поръ цѣль—обезпеченіе марша Левенгаупта,—Карлъ полагалъ, что подготовительная стадія кампаніи уже окончена и нужно принять окончательный планъ наступленія на Москву. Избрана операціонная линія черезъ Сѣверскую землю, главнымъ образомъ, въ виду продовольственныхъ вопросовъ.

А принявъ такое рѣшеніе, Карлъ не могъ откладывать наступленіе въ Сѣверскую землю и не могъ слушать совѣтовъ Юленкрука—дождаться Левенгаупта, стоя на мѣстѣ, или совѣта Пипера—отойти назадъ ему навстрѣчу. Если бы шведы отошли назадъ къ Днѣпру, русскіе тотчасъ поняли бы, что наступленіе по Смоленской дорогѣ уже не имѣется въ виду, и поспѣшили бы занять и укрѣпить сѣверскіе пути на р.р. Бѣсѣдь и Ипуть. Если бы король стоялъ у Татарска, дожидаясь

Левенгаупта, чтобы затѣмъ идти въ Сѣверскую землю, то Левенгаупту пришлось бы сдѣлать напрасно большой крюкъ, а королевская армія теряла бы время и съѣла бы свои послѣдніе продовольственные запасы.

Уже въ ночь на 15-е сентября пошелъ на югъ передовой отрядъ генераль-маіора Лагеркруны, а рано утромъ двинулись главныя силы.

Отрядъ Лагеркруны состоялъ изъ 2.000 пѣхоты и 1.000 кавалеріи, съ 4 орудіями. Онъ взялъ съ собой провіанта на 14 дней. Задачей Лагеркрунѣ было поставлено: 1) воспрепятствовать врагу проникнуть въ Сѣверскую землю, 2) строить мосты и наскоро исправлять дороги для шведской арміи. Онъ долженъ былъ съ возможной быстротой дойти до переправы черезъ Сожъ у Кричева и оставить здѣсь 300 драгунъ, поручивъ имъ начать строить мостъ; какъ только подойдетъ голова колонны главныхъ силъ, драгуны передаютъ этимъ войскамъ свою работу и сами идутъ къ слѣдующей переправѣ, для смѣны оставленнаго тамъ Лагеркруной отряда. Двигаться авангардъ долженъ былъ безъ дневокъ, отдыхая только по ночамъ. У дер. Лѣсной ¹⁾ навести мостъ черезъ р. Бесѣдъ и такъ же, какъ раньше, оставить 300 драгунъ. Перейдя р. Ипуть у Дрокова, построить небольшое укрѣпленіе у моста и тотчасъ выслать отрядъ къ Мглину для сбора свѣдѣній о движеніи противника и о дорогахъ на Рославль и Почепъ и прислать донесеніе объ этомъ королю. Сообразно съ полученными свѣдѣніями Лагеркруна долженъ двинуться впередъ со всѣми своими си-

¹⁾ Нынѣшняя Костюковци.

лами, чтобы помѣшать русскимъ войти въ Сѣверскую землю и начать здѣсь жечь. Двигаться Лагеркруна долженъ съ возможной быстротой. Окончательной цѣлью ставилось занятіе Мглина и прохода у Почепа—единственнаго, черезъ который русскіе отъ Смоленска могли проникнуть въ Сѣверскую землю раньше шведовъ или одновременно съ ними.

Насколько представлялось важнымъ раньше врага захватить ведущія на востокъ дороги, видно изъ того, что кромѣ Лагеркруны былъ высланъ еще одинъ отрядъ для обезпеченія наступленія: саперный капитанъ Дальхеймъ съ 200 всадниками легкой кавалеріи (*valaker*) былъ посланъ за Сожь, чтобы сдѣлать набѣгъ на 12 миль къ востоку, уничтожая мосты и переходы, которыми могли бы воспользоваться русскіе при наступленіи (письмо Седеръиельма отъ 10-го ноября 1708 г.).

Говорилось и много разъ повторялось, что Карлъ въ сентябрѣ 1708 г., двинувшись отъ Татарска, свернулъ съ прямой дороги на Москву и пошелъ въ Украину.

Всѣ распоряженія короля въ это время отнюдь не показываютъ, что затѣвалось такое обширное обходное движеніе, какъ путь черезъ Украину. Все указываетъ на наступленіе черезъ Брянскъ и Калугу. Начинается не украинскій походъ; его время наступить гораздо позднѣе, при совершенно измѣнившейся обстановкѣ.

Удача задуманнаго наступленія въ значительной степени зависѣла отъ выполненія Лагеркруной поставленной ему задачи.

Карла впослѣдствіи часто обвиняли, зачѣмъ онъ поручилъ такую отвѣтственную роль такому неспособному генералу.

Стилле приводитъ интересныя подробности засѣданія въ палаткѣ короля 14-го сентября, когда рѣшался вопросъ о начальникѣ авангарда. Былъ рассмотрѣнъ весь списокъ подходящихъ генераль-маіоровъ. Относительно Спарре король сказалъ, что «онъ слишкомъ много пишетъ и разсуждаетъ въ своихъ письмахъ; съ нимъ трудно сговориться». О Крузе — «старикъ хорошъ, но силы его не выдержатъ форсированнаго марша, и притомъ онъ плохо видитъ». О Роосѣ и Мейерфельтѣ король сказалъ только: «нѣтъ!» Слѣдуетъ указать тутъ, что Роосъ всего 14 дней тому назадъ допустилъ захватить себя врасплохъ у Молятичей; насчетъ Мейерфельта его собственный зять Пиперъ говоритъ, что «онъ былъ недоволенъ рѣшеніемъ Его Величества идти въ Сѣверскую землю, такъ какъ хотѣлъ имѣть при себѣ жену»; такое настроеніе, конечно, не соотвѣтствовало роли начальника авангарда.

Тогда Реншѣльдъ предложилъ Лагеркруну, и король согласился.

Генераль Понятовскій въ своихъ біографическихъ замѣткахъ ¹⁾ сообщаетъ, что выборъ палъ на Лагеркруну потому, что до сихъ поръ онъ отличался точнымъ исполненіемъ полученныхъ приказаній.

Для успѣшнаго выполненія плана наступленія черезъ Сѣверскую землю быстрота была въ высшей степени важна для шведовъ, чтобы дойти до Почепа раньше противника; а такъ какъ шведы шли по болѣе короткой дорогѣ, чѣмъ русскіе, то шансы ихъ казались хороши. Самъ Карлъ, во всякомъ случаѣ, не заслуживаетъ упрека въ медлительности. 15-го сентября онъ выступилъ и

---

¹⁾ Histor. Tidskrift. 1890.

тремя большими переходами дошелъ до Молятичей, гдѣ: 18-го далъ дневку войскамъ. На слѣдующій день онъ перешелъ Сожъ у Кричева и быстро пошелъ дальше, лично ведя авангардъ главныхъ силъ, состоявшій изъ гвардіи и Дальскаго полка (Dalregementet).

«Здѣсь окончилась счастливая часть кампаніи и настала минута, съ которой неудачи и несчестія все чаще стали обрушиваться на шведскую армію; первое несчестіе было такого рода, что оно является единственнымъ въ шведской военной исторіи».

Именно, передовой отрядъ Лагеркруны сбился съ дороги, взялъ вправо, вмѣсто того, чтобы взять влѣво, и вмѣсто Мглина вышелъ къ Стародубу. Костомаровъ объясняетъ эту ошибку тѣмъ, что Лагеркруна довѣрился проводнику, который оказался подосланнымъ Скоропадскимъ шпиономъ; но Стилле совершенно отвергаетъ возможность такой ранней освѣдомленности Скоропадскаго, находившагося далеко къ югу.

Перейдя Сожъ, шведы вступили въ обширные лѣса и скоро съ безпокойствомъ обратили вниманіе на отсутствіе всякихъ слѣдовъ отряда Лагеркруны. Лагеркруна донесъ въ главную квартиру, что узналъ о *прямой дорогѣ* въ Костюковичи и думаетъ идти по ней; но когда Карлъ прибылъ туда 21-го сентября, тамъ Лагеркруны не оказалось, а лишь 200 всадниковъ подъ командой маіора Коскуля, составлявшіе арьергардъ Лагеркруны и случайно попавшіе на настоящую дорогу. Стало ясно, что самъ Лагеркруна сбился и удалился отъ дороги на Мглинъ и Почепъ.

А такъ какъ его задача состояла въ скорѣйшемъ достиженіи этихъ пунктовъ, чтобы закрыть доступъ не-

приятелю, то весь планъ Карла рискуетъ быть опрокинутымъ изъ-за ошибки Лагеркруны. Все это король тотчасъ опредѣлилъ въ Костюковичахъ и рѣшительно приступилъ самъ къ выполнению задачи, неисполненной передовымъ отрядомъ.

Но, къ несчастію, во-первыхъ, было потеряно время, а во-вторыхъ, съ Карломъ не было пушекъ, а изъ кавалеріи только всадники Коскуля.

Въ тылъ было послано приказаніе полкамъ слѣдовать за королемъ съ возможной быстротой; а самъ Карлъ съ гвардіей съ величайшей поспѣшностью выступилъ изъ Костюковичей. 19-го, 20-го и 21-го гвардія шла форсированнымъ маршемъ по труднопроходимой мѣстности, почти безъ дорогъ; послѣднія части, пройдя всю ночь, лишь утромъ 22-го дошли до Костюковичей.

Въ 12 ч. дня выступили и къ вечеру дошли до Каничей на р. Бесѣди, гдѣ моста не оказалось. Гвардія пошла въ бродъ, въ темнотѣ, черезъ рѣку шириной въ 60 локтей, гдѣ вода доходила солдатамъ подъ мышки. Въ мокрой одеждѣ пошли дальше черезъ лѣсъ и шли до 4 ч. утра; въ 10 ч. утра снова тронулись дальше. 25-го сентября перешли Ипутъ и достигли Костеничей, немного далѣе одной мили отъ Мглина. Коскуль, посланный со своими всадниками впередъ, у Мглина столкнулся съ врагомъ. Это былъ русскій передовой постъ, стоявшій въ дефиле за укрѣпленіемъ изъ рогатокъ.

Русскіе были отброшены и шведы дошли до города. Онъ оказался укрѣпленнымъ, хотя и очень слабо, и занятымъ гарнизономъ изъ 300 русскихъ солдатъ и значительнаго количества вооруженныхъ сѣверскихъ крестьянъ.

Коскуль со своими всадниками немедленно атаковал городъ, но былъ отбитъ.

«Седерельмъ пишетъ, что Мглинъ былъ бы» легкой закуской» для отряда Лагеркруны, имѣвшаго пушки. Но отбивъ Коскуля, гарнизонъ все-таки очистилъ городъ и отступилъ къ Почепу.

Во всѣхъ источникахъ говорится, съ какой быстротой шелъ Карлъ черезъ лѣса, чтобы во-время захватить этотъ важный проходъ. «Поэтому получается странное и грустное впечатлѣніе, когда тотчасъ засимъ встрѣчаешь указаніе, что дойдя до Костеничей, король останавливается здѣсь на четырнадцать дней. *Обстановка на театрѣ войны измѣнилась*». (Стилле, стр. 105).

Уже во время похода черезъ лѣса Карлъ узналъ, что донесенія легкой кавалеріи у Татарска были невѣрны и что Левенгауптъ, когда къ нему прибылъ королевскій курьеръ, дошелъ лишь до Воронцевичей, къ западу отъ Днѣпра. Это тѣмъ болѣе беспокоило, что нельзя было принять никакихъ мѣръ для выручки Левенгаупта; такъ какъ было неизвѣстно, направить ли царь свои главныя силы противъ него, или противъ самого Карла. Скоро были получены болѣе точныя свѣдѣнія о Левенгауптѣ— когда король вышелъ изъ лѣсовъ, т. е., вѣроятно, у Костеничей, пришло письмо, гдѣ Левенгауптъ доноситъ, что превосходныя силы врага стремятся отрѣзать его («сопрега») Въ главной квартирѣ поняли, что Левенгауптъ будетъ разбитъ и въ настоящую минуту помочь ему уже нельзя. Разрывалось одно звено въ задуманной цѣпи операций.

Кромѣ этого печальнаго извѣстія, скоро пришло другое, когда дошли до Мглина: именно, что русскій от-

рядъ генераль-маіора Ифланда находится вблизи Почепа и за нимъ идетъ еще другой отрядъ. Отъ Костеничей до переправы черезъ Судость шведамъ надо было пройти 5 миль. Несмотря на всю поспѣшность, Карль опоздалъ: *Почепъ занятъ русскими и выходъ на Калужскую дорогу въ ихъ рукахъ.*

Всѣ распоряженія царя Петра, при полученіи свѣдѣній объ уходѣ шведовъ отъ Татарска, ясно показываютъ, что царь понялъ намѣреніе Карла выйти черезъ Брянскъ на Калужскую дорогу: было приказано укрѣпить Брянскъ; два инженера были посланы изъ Москвы для укрѣпленія переправъ на Окѣ, гдѣ думали задержать шведовъ (письмо саксонскаго агента въ Гамбургѣ Эберсбаху, въ государственномъ архивѣ въ Дрезденѣ).

Шведскіе писатели высоко цѣнятъ военные таланты Петра:

«Нельзя отрицать, что за время войны царь развилъ свои качества полководца и его стратегія въ критическую минуту въ сентябрѣ 1708 г. была также энергична и цѣлесообразна, какъ стратегія Карла. Въ противоположность шведскому королю, онъ все время имѣлъ точныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи Левенгаупта и быстро принялъ рѣшеніе. Одинъ отрядъ подъ начальствомъ Боура былъ посланъ беспокоить арьергардъ шведскихъ главныхъ силъ. Самъ царь съ превосходными силами направился противъ Левенгаупта, пославъ остальную, большую часть своей арміи на Калужскую дорогу навстрѣчу Карлу» (Стилле, стр. 107).

Когда король въ Мглинѣ узналъ, что Почепъ занятъ русскими, ему стало ясно, что о немедленномъ вторженіи черезъ этотъ проходъ уже не можетъ быть рѣчи.

Прочно занявъ переправу черезъ Судость у Почепа, русскіе заперли дорогу на Брянскъ и Калугу. До сихъ поръ Карль всегда высказывалъ рѣшительное нежеланіе посылать свои войска брать непріятельскія укрѣпленныя позиціи, а настоящее положеніе было особенно неблагопріятно для такой попытки. Шведскія главныя силы постепенно, колонна за колонной, выходили изъ лѣсовъ; было извѣстно, что арьергардъ беспокоится русскими войсками. Были получены точныя свѣдѣнія о Левенгауптѣ и о томъ, что ему предстоитъ выдержать бой. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было думать вести главныя силы еще далѣе на востокъ и начинать большую операцію на линіи р. Судость.

Къ этому прибавилась новая неудача, изъ-за неспособности Лагеркруны. Русскіе заняли Почепъ не только, какъ важную переправу черезъ Судость, но и чтобы получить возможность ввести войска въ укрѣпленные сѣверскіе города и, опираясь на нихъ, опустошать страну, лишая шведскую армію возможности устроить здѣсь продовольственную и операціонную базу.

Важнѣйшимъ въ этомъ смыслѣ пунктомъ послѣ Мглина былъ Стародубъ. Для Карла, стоявшаго въ Костеничахъ, казалось совершенно естественнымъ, что Стародубъ можно считать уже во власти шведовъ. Лагеркруна, совершая свой удивительный маршъ, взялъ направо, вмѣсто того, чтобы взять налево, и «въ монументальномъ невѣжествѣ» о направленіи дорогъ попалъ къ Стародубу вмѣсто Мглина. Когда онъ, наконецъ, понялъ, гдѣ онъ, здравый смыслъ долженъ былъ подсказать ему, что теперь совершенно невозможно послѣтъ къ Мглину или Почепу, но еще можно употребить свой отрядъ на по-

лезное дѣло: по смыслу инструкціи—опередить русскихъ и помѣшать имъ войти въ Сѣверщину—Лагеркруна долженъ былъ понять, что ему теперь остается овладѣть Стародубомъ, не допустивъ врага сдѣлать его своимъ опорнымъ пунктомъ. Карль XII-ый въ Костеничахъ былъ убѣжденъ, что Лагеркруна такъ и сдѣлаетъ. Полковники отряда Лагеркруны—Эрнстедтъ, Якобъ Сперлингъ и Сигротъ—настойчиво требовали захвата слабо занятаго Стародуба.

Но Лагеркруна далъ чрезвычайно неудачное доказательство упоминаемаго Понятовскимъ своего качества—буквально исполнять полученные приказанія: онъ объявилъ, что ему не приказано атаковать Стародубъ, и приготовился, рабски слѣдуя полученной въ Татарскѣ инструкціи, приблизиться къ Мглину, о чемъ послалъ донесеніе королю.

Въ результатъ внимательный и энергичный Ифландъ успѣлъ (29-го сентября) ввести регулярныя войска и казаковъ въ Стародубъ, хотя Лагеркруна былъ поблизости; русскіе получили возможность совершать набѣги и жечь все кругомъ.

1-го октября король въ Костеничахъ получилъ донесеніе Лагеркруны. Узнавъ, что Стародубъ не занятъ, король сказалъ, что Лагеркруна «совсѣмъ сошелъ съ ума» («*mätte vara helt galen och ifrån förstånd*»); а когда затѣмъ услышалъ, что Лагеркруна подошелъ къ Мглину, снова сказалъ: «онъ совсѣмъ сумасшедшій и не знаетъ, что дѣлаетъ!»

Карль не отозвалъ Лагеркруну къ главнымъ силамъ у Костеничей, а велѣлъ ему двинуться въ мѣстность между Стародубомъ и Почепомъ, гдѣ онъ сталъ у Труханова.

Тотчасъ за донесеніемъ Лагеркруны пришло печальное для шведовъ извѣстіе о сраженіи у Лѣсной.

Головныя части арміи Левенгаупта 19-го сентября достигли Шклова на Днѣпрѣ. Здѣсь на слѣдующій день Левенгауптъ получилъ извѣстіе, что на него идетъ царь съ арміей. Стало очевиднымъ, что нужна величайшая поспѣшность. Какъ только начали подходить заднія части, шведы перешли рѣку, по словамъ Левенгаупта (въ его запискахъ), 21-го и 22-го сентября, а согласно дневникамъ другихъ участниковъ похода—22-го и 23-го (что вѣрнѣе).

Продвинувшись немного за рѣку, головныя части должны были 24-го сентября остановиться, чтобы дать подтянуться остальной арміи.

Король приказалъ Левенгаупту не ввязываться въ бой съ противникомъ, по возможности непрерывно продолжая движеніе. Но когда 27-го сентября Левенгаупту донесли, что «непріятель сильно насѣдаетъ на нашъ арьергардъ», генераль, отправивъ обозы съ прикрытіемъ впередъ, приказалъ арміи остановиться. При появленіи противника шведы развернулись въ боевой порядокъ и атаковали русскихъ, которыхъ оказалось всего 4.000 человекъ. Русскіе быстро отступили; Левенгауптъ нѣкоторое время преслѣдовалъ ихъ. Плѣнные сообщили, что въ бою участвовала лишь русская кавалерія, а артиллерія и пѣхота еще идутъ сзади.

Нападеніе на шведскій арьергардъ русскихъ, несомнѣнно, имѣло цѣлью задержать Левенгаупта и выиграть время для подхода главныхъ силъ Петра, и шведскій генераль поддался на эту уловку, потерявъ почти сутки драгоцѣннаго времени и сдѣлавъ за это время всего около

полумили (около 5 верстъ). Русская армія быстро подходила, догнала шведовъ и 29-го сентября разыгрался бой при д. Лѣсной. Левенгауптъ въ это время былъ всего въ 15-ти километрахъ (приблизительно) отъ переправы черезъ Сожь у Пропойска, и возможно, что не будь потерянь день 27-го, Левенгауптъ успѣлъ бы перейти эту рѣку до подхода русскихъ пѣхоты и артиллеріи.

Сраженіе при Лѣсной не было полнымъ пораженіемъ, т. е. уничтоженіемъ Левенгаупта (по мнѣнію Стилле), но имѣло всѣ его послѣдствія: шведская армія потеряла почти всѣ свои запасы и изо всѣхъ силъ Левенгаупта, въ концѣ концовъ, дошло до королевской арміи не болѣе 6500 человекъ.

Пройдя мимо занятаго русскими Стародуба, пошли на сѣверо-востокъ къ Почепу, при чемъ Левенгауптъ совершенно не зналъ, гдѣ находятся шведская и русская арміи. По счастью, у Труханова наткнулись на отрядъ Лагеркруны, посланный туда королемъ и хотя въ этомъ случаѣ оказавшійся полезнымъ, такъ какъ иначе Левенгауптъ со своей разстроенной арміей попалъ бы прямо на русскія позиціи у Почепа, гдѣ его ждала окончательная катастрофа.

Карлъ, конечно, официально старался поддержать фижцію, что бой подъ Лѣсной былъ *nobъдой* Левенгаупта, но ясно, что король вполне правильно оцѣнивалъ получившееся положеніе: впервые съ начала кампаніи царь достигъ рѣшительнаго успѣха и Карлъ не могъ привести въ исполненіе своихъ плановъ.

Выше уже было объяснено, что въ эти планы входило наступленіе черезъ Калугу; а что это составляло центральный вопросъ всего стратегическаго плана, видно

изъ замѣчанія Юлленкрука: «Его Величество старался скрыть свою скорбь о томъ, что всѣ его планы разрушены» («Hans Majestät sökte cachera den chagrin han hade, att alla hans desseiner blefvo om intet») ¹⁾. Юлленкругъ рассказываетъ, насколько глубоко чувствовалъ Карлъ постигнутою его неудачу: онъ былъ такъ безпокоенъ, что Юлленкругъ и полковникъ Хордъ должны были много ночей просиживать у короля, стараясь разсѣять его мрачныя мысли разговорами о разныхъ пустякахъ (Стилле, стр. 113; Разсказъ Юлленкрука, стр. 40).

IV.

Вторженіе въ Украину. Попытка двинуться на Москву черезъ Курскъ.

Въ концѣ первой недѣли октября 1708 г. обстановка на театрѣ военныхъ дѣйствій была слѣдующая: путь наступленія черезъ Брянскъ и Калугу былъ закрытъ русской укрѣпленной позиціей у Почепа и можно было полагать, что понадобится разыграть форменное сраженіе для форсированія линіи р. Судость, вѣроятно, наилучшимъ образомъ укрѣпленной русскими. Шведы надѣялись воспользоваться Сѣверской землей, какъ производственнымъ раіономъ и операціонной базой для наступленія внутрь Россіи, но эта надежда въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ была обманута. Стародубъ былъ во власти русскихъ и вся мѣстность вокругъ опустошалась,

¹⁾ Типичный образецъ шведско-французскаго военнаго языка: cachera, chagrin, desseiner. *Прим. перев.*

выжигалась и разорялась. Если все-таки королевское войско на всемъ пути отъ Нивнаго до Ипути находило провіантъ въ изобиліи и въ данное время не испытывало затрудненій, то, тѣмъ не менѣе, считали, что запасовъ не хватитъ на всю зиму.

Затѣмъ, большой опасностью являлось движеніе сильнаго кавалерійскаго отряда Меньшикова къ западу отъ шведовъ, между ними и Днѣпромъ—Меньшиковъ былъ оставленъ здѣсь царемъ, отошедшимъ послѣ битвы при Лѣсной снова къ сѣверу отъ расположенія главной шведской арміи.

Повидимому, Карлъ очень быстро призналъ себя вынужденнымъ отказаться отъ всякихъ плановъ вторженія черезъ Брянскъ и Калугу; теперь, какъ и раньше, онъ выказалъ нежеланіе форсировать укрѣпленныя непріятельскія позиціи посредствомъ атаки въ лобъ, связанной съ тяжкими потерями, и оставилъ въ покоѣ русскую позицію у Почепа.

Но хотя шведская армія въ послѣднее время и испытала неудачи, общее положеніе далеко не было такимъ, чтобы Карлъ былъ вынужденъ признать необходимымъ или хотя бы умѣстнымъ начать отступленіе ¹⁾. Армія самого короля еще ни въ одномъ дѣлѣ не была побѣждена русскими; ея превосходство, въ чисто боевомъ

---

¹⁾ Если рѣшеніе вопроса о тактическомъ отступленіи, о своевременномъ выходѣ изъ боя, является однимъ изъ труднѣйшихъ для военачальника, то еще болѣе роковымъ для полководца является вопросъ объ отступленіи стратегическомъ. Въ 1812 г. позднее отступленіе погубило французскую армію; въ 1708 г. отступленіе, можетъ быть, спасло бы шведскую армію (хуже Полтавы быть ничего не могло). Въ 1904—5 г.г. преждевременныя отступленія систематически губили нашу кампанію.

отношеніи, все также бросалось въ глаза и численность ея еще не уменьшилась сколько-нибудь значительно. Для такой арміи и такого вождя должно было казаться крайне унижительнымъ идти обратно, будучи вынужденнымъ къ этому одними маневрами москвитовъ (utmanövrerad af moskoviterna).

Затѣмъ, было совершенно неизвѣстно, каковы будутъ условія продовольствія въ окрестностяхъ Бобруйска и удастся ли возобновить наступленіе въ Сѣверщину, если подождать съ продолженіемъ похода до прибытія подкрѣплений.

Кромѣ того, при отходѣ къ Бобруйску значительно ослаблялись или даже совершенно уничтожались шансы совмѣстныхъ дѣйствій съ тѣми элементами населенія Южной Россіи, на которыхъ, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе рассчитывали — малороссійскими казаками, запорожцами, донскими казаками и татарами.

Отступивъ на Волынь, конечно, въ этой богатой странѣ нашли бы хорошій продовольственный районъ и базу для будущаго похода, но его пришлось бы начинать съ поваго перехода черезъ Днѣпръ ¹⁾.

Естественно долженъ былъ явиться вопросъ — нельзя ли получить къ востоку отъ Днѣпра столь же хорошій продовольственный районъ и болѣе удобную операционную базу, именно въ Украинѣ, тоже богатой и плодородной странѣ, откуда шла большая дорога черезъ Курскъ и Тулу на Москву.

Царь выжигалъ и опустошалъ мѣстныя пограничныя области у Смоленска и въ Сѣверщинѣ, но рѣшится ли

---

¹⁾ Притомъ, не въ верховьяхъ, у Могилева и Шклова, а въ нижнемъ теченіи, гдѣ ширина рѣки значительно больше. А. П.

онъ жечь и разорять собственныя московскія центральныя земли?

Изъ Украины шведамъ было легко установить связь черезъ Кіевъ съ королемъ Станиславомъ и его шведско-польскими войсками, на содѣйствіе которыхъ Карль считалъ себя въ правѣ разсчитывать.

Никакъ нельзя было думать, что даже послѣ неудачъ въ Сѣверщинѣ и несчастія при Лѣсной шведская армія потеряла всякую надежду на счастливое окончаніе кампаніи и единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ является отступленіе. *Никто не могъ предвидѣть тѣхъ несчастныхъ случаевъ, которые въ столь значительной степени явились причиной конечной катастрофы.*

Рѣшеніе Карла въ Костеничахъ было: впередъ ¹⁾!
Это обозначало походъ въ Украину.

Хитрый Мазепа до сихъ поръ держался выжидательной политики, до выясненія вопроса, кто одолѣетъ въ борьбѣ, но когда Карль вошелъ въ Сѣверщину, гетману стало трудно продолжать ту же игру, а когда король изъ сѣверной части Сѣверщины пошелъ на югъ, Мазепѣ пришлось опредѣленно выбирать между той или другой стороной. И шведы, и русскіе смотрѣли на Мазепу, какъ на союзника, пренебрегать которымъ не слѣдовало. Согласно письму Седерельма въ шведскомъ лагерѣ считали, что гетманъ можетъ выставить 40.000 воиновъ; кажется, также думали и русскіе (*Костомаровъ* въ «Мазепа и Карль XII-ый» говоритъ, что Карль получилъ

¹⁾ Лучшее рѣшеніе въ большинствѣ трудныхъ случаевъ. Къ несчастію, въ 1904—5 г.г. мы знали одно рѣшеніе: *назадъ!* и до пятились до проигрыша кампаніи, военныхъ бунтовъ и революціи.

отъ Мазепы лишь четвертую часть обѣщаннаго и эта часть равнялась 9.000).

11-го октября Карлъ выступилъ изъ Костеничей и двинулся на югъ. 13-го онъ соединился въ Рюховѣ съ отрядомъ Левенгаупта, 18-го прошелъ мимо Стародуба, не дѣлая на него никакихъ покушеній, и 19-го остановился у Понуровки, гдѣ простоялъ до 22-го октября. Здѣсь его ожидалъ посланецъ Мазепы Быстрицкій съ окончательнымъ сообщеніемъ о переходѣ гетмана на сторону шведовъ и съ просьбой о покровительствѣ короля.

На русской сторонѣ не знали о сношеніяхъ Карла съ Мазепой и не ожидали его измѣны. Поэтому выступленіе Карла изъ Костеничей не ставили въ прямую связь съ планами Мазепы, но, очевидно, продолжали думать, что король, несмотря ни на что, держится намѣренія идти черезъ линію Судости на Калугу.

Когда шведская армія изъ Костеничей пошла на югъ, русскіе военачальники, очевидно, приняли это за начало стратегическаго обхода, къ чему начали уже привыкать; русская главная квартира расположилась въ Погарѣ, ближайшей переправѣ черезъ Судость на югѣ. Если бы Карлъ попробовалъ отъ Стародуба прорваться черезъ Трубчевскъ на дорогу Новгородсѣверскъ—Брянскъ, то Погаръ являлся позиціей, откуда можно было отразить такую попытку. Но такъ какъ шведы не выказали желанія атаковать крѣпость Стародубъ, но продолжали маршъ мимо него, то русскіе начальники явно приняли это за обходъ Погара, и главная квартира перешла въ Гремячъ, важный пунктъ у слиянія Судости съ Десной, гдѣ черезъ Судость проходитъ дорога изъ Новгородсѣверска на Брянскъ. Русскіе такимъ образомъ продолжали имѣть въ

виду оборонительную линію Судости, считая, что шведы все еще собираются оперировать на Калугу.

Но что думалъ дѣлать самъ Карль? Объ этомъ имѣется опредѣленное указаніе въ важномъ шведскомъ источникѣ: въ своемъ письмѣ отъ 10-го ноября 1708 г. Седерельмъ говоритъ, что Карль думалъ идти въ Украину и двинуться къ Макошину, у слиянія Десны съ Сеймомъ, но по просьбѣ Мазепы отказался отъ этого плана и вмѣсто того повернулъ къ Новгородсѣверску. Нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить этому важному указанію, тѣмъ болѣе, что его подтверждаютъ нѣкоторыя подробности движенія шведской арміи. Напр., отрядъ Лагеркруны, стоявшій до сихъ поръ ближе всѣхъ къ главнымъ силамъ русскихъ, изображая до нѣкоторой степени авангардъ, двинулся рѣшительно уклоняясь вправо, и у Понуровки примкнулъ къ колоннѣ, при которой былъ самъ король. Если бы съ самаго начала предполагалось идти на Новгородсѣверскъ, то всего естественнѣе было бы отряду Лагеркруны идти кратчайшимъ путемъ вдоль Судости, продолжая такимъ образомъ свою роль прикрытія. Затѣмъ, извѣстно, что другія шведскія колонны пошли много правѣе (къ западу) отъ Понуровки. Дальскій полкъ 19-го октября стоялъ у Еленки (Михайловскаго), около 15 километровъ къ западу отъ дороги въ Понуровку; часть гвардіи у Приваловки, въ 6—7 километрахъ къ западу отъ той же дороги (см. дневники Петре и Сперлинга, въ *Karolinska krigares dagböcker*, изд. Квенерстада).

То же подтверждаютъ русскіе источники, напр., *Костомаровъ*, рассказывающій (въ «Мазепа и Карль XII»), что, получивъ извѣстіе о приближеніи Карла, Мазепа

сказалъ своимъ придворнымъ: «что ему тутъ надо? Онъ помѣшаетъ моимъ приготовленіямъ, привлечетъ за собой москалей въ Украину и погубитъ насъ». Очевидно, Мазепа не желалъ, чтобы шведы шли черезъ Макошинъ въ Украину, перенося театръ военныхъ дѣйствій къ югу отъ Десны.

Не трудно видѣть, что планъ короля былъ правиленъ. Союзъ съ Мазепой и украинскими казаками являлся важной данной въ стратегическомъ планѣ Карла, а поэтому представлялось необходимымъ, насколько возможно, оградить казацкія земли отъ вторженія московитовъ и прежде всего прикрыть столицу Мазепы—Батуринь, которому предстояло сдѣлаться важнымъ опорнымъ пунктомъ для будущихъ операцій. Въ Батуринь имѣлись большіе склады боевыхъ припасовъ и другихъ нужныхъ для шведской арміи запасовъ; между прочимъ, въ Батуринь было 70 металлическихъ пушекъ (Grunds Bericht über Russland etc., стр. 12).

Весьма вѣроятно, что Карлъ дошелъ бы до Батурина во-время, раньше русскихъ, если бы пошелъ прямо на Макошинъ.

На свое несчастіе Карлъ допустилъ Мазепу уговорить себя повернуть вмѣсто Макошина на Новгородсѣверскъ. Въ своемъ письмѣ отъ 10-го ноября 1708 г. Седерьельмъ называетъ этотъ маневръ ошибкой и говоритъ, что было бы полезнѣе королю продолжать выполнение своего плана.

Послѣдствія показали, что *движеніе шведовъ на Новгородсѣверскъ было неудачно и, можетъ быть, являлось величайшей ошибкой Карла за весь походъ*; было ошибкой отказаться отъ собственнаго, гораздо лучшаго стратегическаго плана, послушавшись совѣта Мазепы.

22-го октября Карль двинулся изъ Понуровки. Генераль-маіоръ Крейць, высланный съ отрядомъ впередъ на развѣдку, при переходѣ черезъ Рому у Шептаковъ столкнулся съ русскими.

Онъ отогналъ ихъ, но отъ плѣнныхъ узналъ, что русскія войска стоятъ уже у Новгородсѣверска. Крейць у Шептаковъ былъ приблизительно въ 12 километрахъ отъ этого города; вечеромъ 22-го король дошелъ до Машевской, не дойдя около двухъ миль до Крейца, и поэтому о какомъ-либо быстромъ захватѣ Новгородсѣверска и рѣчи быть не могло. *Русскіе снова опередили Карла.*

23-го Карль дошелъ до Лариновки, около 15 километровъ къ западу отъ города, и здѣсь ясно оцѣнили обстановку.

Вѣрный своей привычкѣ, онъ не сдѣлалъ никакихъ попытокъ къ атакѣ Новгородсѣверска въ лобъ, но совершилъ обходъ на юго-востокъ, оставляя городъ по лѣвую руку.

Король остановился у Горокъ, около 12 километровъ отъ русской главной квартиры у Погребковъ, и выслалъ впередъ къ рѣкѣ какъ разъ передъ русской позиціей отряды, куда входили гвардія и Дальскій полкъ. Позиція русскихъ была очень сильна, но шведы тѣмъ не менѣе начали готовиться къ переправѣ у дер. Команъ, подъ огнемъ русскихъ батарей.

Полковникъ Поссе говорить въ своемъ дневникѣ, что король отнюдь не думалъ въ самомъ дѣлѣ попробовать перейти здѣсь рѣку. Это была просто демонстрація, чтобы отвлечь вниманіе русскихъ отъ избранныхъ въ дѣйствительности пунктовъ.

Такъ какъ русскіе опередили Карла у Новгородсѣверска, онъ снова избираетъ прежній планъ — идти вдоль праваго берега рѣки и, спустившись ниже, перейти на лѣвую сторону и войти въ Украину. Поэтому было важно до поры до времени привлекать вниманіе русскихъ къ работамъ у Комана.

25-го октября Мазепа вышелъ изъ Батурина, перешелъ Десну у Оболони и пошелъ на сѣверъ, осторожно держась на нѣкоторомъ разстояніи отъ линіи Десны. 27-го встрѣтился онъ со шведскимъ отрядомъ у Орловки, а 29-го произошло первое свиданіе Мазепы съ Карломъ. Съ Мазепою было немного болѣе 4.000 челоѣкъ.

Теперь Мазепа понялъ, что онъ можетъ подвергнуться гораздо большей опасности, чѣмъ ожидалъ:

Меньшиковъ, совершая свой походъ, подошелъ сравнительно близко къ Батурину, а слѣдствіемъ движенія Карла на Новгородсѣверскъ, предпринятаго по настоянію гетмана, явилось то, что главныя силы русскихъ теперь были на лѣвомъ берегу Десны, такимъ образомъ ближе къ Батурину, чѣмъ прежде.

Вѣроятно, теперь Мазепѣ стало ясно, что планъ Карла идти прямо на Макошинъ былъ правиленъ.

Уѣзжая изъ Батурина, Мазепа пообѣщаль коменданту Кёнигсеку прислать ему помощь къ 31-му октября, и, еще не доѣхавъ до шведской главной квартиры, послалъ королю просьбу о выручкѣ¹⁾.

Карлъ послалъ полковника Дальдорфа съ 600 челоѣкъ кавалеріи и 300 казаковъ къ Оболони на Деснѣ для наблюденія за движеніемъ противника къ этому мѣ-

¹⁾ Письмо Седерьельма отъ 10-го ноября 1708 г.

сту ¹⁾ (конечно, кавалеріи Меншикова), а самъ съ главными силами приготовился какъ можно быстрѣе идти за Десну. Теперь уже не было никакого смысла идти къ Макошину; если бы шведы это сдѣлали, то главныя русскія силы отъ Погребковъ безъ затрудненія дошли бы до Батурина раньше шведовъ по кратчайшей дорогѣ черезъ Воронежъ и Кролевецъ. Въмѣсто этого Карлъ переправился черезъ Десну въ такомъ пунктѣ, что сталь между главными силами русскихъ и Батуриномъ, и при этомъ старался держать русскихъ въ неизвѣстности о своихъ истинныхъ намѣреніяхъ. Въ ночь на 29-е октября подъ покровомъ темноты онъ приказалъ приготовленные для моста матеріалы увести отъ Комани, и полки пошли внизъ по Деснѣ, въ то время какъ оставленные отряды начали демонстративно готовиться къ переправѣ у Комани.

Это удалось настолько хорошо, что наибольшая часть русскихъ главныхъ силъ осталась у Погребковъ и на мѣстѣ дѣйствительной переправы шведовъ оказался лишь небольшой отрядъ русскихъ — согласно дневнику Петре 6.000 человекъ.

Мѣсто переправы было очень хорошо выбрано у Мезина. Здѣсь правый берегъ значительно командуетъ лѣвымъ; въ рѣкѣ имѣется островъ, облегчающій переправу, а болотистая мѣстность на лѣвомъ берегу, прорѣзанная рѣчками, мѣшала русскимъ пустить въ дѣло всѣ свои силы.

2-го ноября шведы овладѣли переправой и въ теченіе слѣдующихъ дней шведская армія перешла черезъ Десну.

---

¹⁾ *Adlerfelt: Histoire militaire. III. 366.*

Но все-таки Карль пришелъ слишкомъ поздно, чтобы спасти Батуринь.

26-го октября Меньшикову стало извѣстно объ измѣнѣ Мазепы, а 28-го вѣсть объ этомъ дошла до главной квартиры царя въ Погребкахъ.

31-го октября Меньшиковъ лично прибылъ въ Погребки и было рѣшено напасть на Батуринь, чтобы помѣшать казачьимъ войскамъ присоединиться къ гетману.

Петръ очень боялся, что Меньшиковъ опоздаетъ; но Меньшиковъ поспѣлъ со своимъ отрядомъ во-время, и 3-го ноября, въ тотъ самый день, когда Карль форсировалъ переправу у Мезина, столица гетмана была взята, сожжена и опустошена.

Легко понять, что потеря Батурина была серьезной неудачей для шведской арміи. Тамъ имѣлись большіе запасы съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ и артиллерійскій паркъ въ 70 пѣшекъ. На все это Карль естественно рассчитывалъ; особенно нужны ему были боевые припасы. Кромѣ того, возлагались большія надежды на мало-россійскихъ казаковъ, и не безъ основанія.

Весьма вѣроятно, что если бы совмѣстныя дѣйствія Карла и Мазепы начались болѣе удачно и столица гетмана сдѣлалась бы опорнымъ пунктомъ, то казаки со-всѣмъ иначе участвовали бы въ борьбѣ противъ царя Петра, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Теперь же, за измѣной Мазепы, можно сказать, съ быстротой молніи послѣдовало грозное отомщеніе со стороны москвичей: прошло немного болѣе недѣли послѣ перехода Ма-

зепы на шведскую сторону, а уже его резиденція оказалась взятой и разрушенной. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ возстаніе Украйны противъ москвичей въ значительной степени парализовалось.

Однако, несмотря на случившуюся неудачу, положеніе Карла послѣ перехода черезъ Десну нельзя было назвать безнадежнымъ. Хотя Батуринъ палъ, но передъ шведской арміей лежала богатая, плодородная Украйна; имѣя въ ней продовольственную и операціонную базу, конечно, возможно было организовать походъ въ глубь Россіи.

Шведы пошли въ Украйну.

Нетрудно понять, почему Карлъ, перейдя Десну, отказался отъ всякихъ попытокъ направиться влѣво и двинуться на Орель. Страна между Десной и Сеймомъ очень лѣсиста, болотиста и неудобопроходима; продовольствоваться здѣсь было бы очень трудно. Когда шведы, переправившись у Мезени, обошли позицію у Погребковъ, царь занялъ центральную позицію между Десной и Сеймомъ у укрѣпленнаго г. Глухова, гдѣ дороги съ разныхъ сторонъ сходятся къ переправѣ черезъ р. Эсмась. Если бы удалось вытѣснить Петра отсюда, то затѣмъ по дорогѣ къ Орлу пришлось бы встрѣтить пять рѣкъ, крѣпость Сѣвскъ и трудно доступную линію р. Сѣвъ. Если бы, форсировавъ позицію у Глухова, снова повернули направо, чтобы этимъ путемъ попробовать выйти на дорогу Курскъ—Тула, то встрѣтили бы линію Свапы—Сейма, гдѣ переходъ черезъ Сеймъ защищенъ крѣпостью Рыльскъ, за которымъ у русскихъ имѣлась новая хорошая позиція у Лыгова. Наконецъ, надо замѣтить, что обходъ Глухова вдоль Сейма едва ли могъ быть выполненъ, такъ какъ

болотистые и изрѣзанные берега Сейма не допускали движенія арміи ¹⁾).

Кромѣ того, что Карлъ, какъ выяснено на предыдущихъ операціяхъ, насколько возможно избѣгалъ прямыхъ атакъ на укрѣпленныя оборонительныя линіи непріятели, на его рѣшеніе должно было повліять соображеніе, что шведская армія, совершившая много утомительныхъ переходовъ и съ большими затрудненіями добывавшая продовольствіе, не могла тотчасъ идти въ пустынный и непроходимый край, но требовала отдыха въ мѣстности, гдѣ имѣются разнаго рода запасы.

Итакъ, Карлъ пошелъ въ Украйну. Операціи отсюда на Москву прежде всего должны были имѣть въ виду путь Курскъ—Тула, большую дорогу для вторженія съ юга въ центральную Россію, и эта дорога служила цѣлью военныхъ дѣйствій шведовъ въ ближайшее время.

Не сдѣлавъ никакой попытки противъ русской позиціи у Глухова, Карлъ постоялъ у Атюши, чтобы дать время переправиться черезъ Десну послѣднимъ своимъ частямъ, и 12-го ноября перешелъ Сеймъ у лежащаго въ жалкихъ развалинахъ Батурина. Далѣе король пошелъ черезъ Городище, Голенки и Дмитровку и 18-го ноября остановился въ Ромнахъ.

По дорогѣ съ юга на Курскъ и Тулу въ высшей степени важнымъ центральнымъ пунктомъ являлся Бѣлгородъ. Здѣсь, у переправы черезъ Донецъ, сходились важныя дороги съ разныхъ сторонъ. Владѣя Бѣлгородомъ, владѣли линіей Донца, и получалась возможность наступать въ разныя мѣста, на сѣверъ къ Курску или на

¹⁾ Баскаковъ. Сѣверная война 1700—1721 г.

сѣверо-востокъ къ Воронежу, рѣчной гавани царя, бывшей, можетъ быть, важнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ его власти надъ этимъ краемъ. Изъ Бѣлгорода можно было легко завязать сношенія вообще съ Донской областью, гдѣ недавно свирѣпствовало крупное возстаніе Булавина и гдѣ, послѣ его подавленія, еще продолжалось броженіе среди казаковъ.

Бѣлгородъ долженъ былъ явиться ближайшей цѣлью военныхъ операцій, направленныхъ изъ Украйны на сѣверъ противъ Москвы. Русскіе ясно поняли это, когда шведская армія пошла мимо Батурина въ Украйну¹⁾. Царь выступилъ изъ Глухова и пошелъ на юго-востокъ, въ общемъ параллельно шведамъ. По дорогѣ были высланы отряды къ Ромнамъ, но главныя силы пошли на линію Псла и главная квартира расположилась у Лебедина, на выгодной позиціи.

Впереди Лебедина на Пслѣ было два укрѣпленія—Каменное и Веприкъ. Первое на самомъ Пслѣ, на переправахъ черезъ него и его притокъ Бобрикъ.

Веприкъ, на переправѣ черезъ притокъ того же названія, являлся передовой позиціей противъ случайнаго нападенія отъ Гадяча на Лебединь.

Царь пытался занять Гадячъ, но на этотъ разъ его опередили шведы.

18-го ноября, какъ сказано, Карлъ сталъ у Ромень на Пслѣ; днемъ позже Мазепа занялъ Гадячъ, куда

---

¹⁾ Датскій посланникъ Грундъ писалъ 12-го дек. (по нов. ст.) изъ Москвы, что въ письмѣ изъ русской главной квартиры говорится, что шведы стояли близъ Батурина и что Карлъ, по совету Мазепы, думалъ идти на Бѣлгородъ и на р. Донецъ, „чтобы снова поднять тамъ бунтовщиковъ“.

поспѣлъ всего на нѣсколько часовъ раньше русскихъ ¹⁾. Въ Гадячѣ были поставлены одинъ пѣхотный и два кавалерійскихъ полка и часть казаковъ. Главная шведская квартира расположилась въ Ромнахъ и такимъ образомъ шведская армія стала главными своими силами по р. Сулѣ, съ передовой позиціей на Пслѣ.

Ближайшія принятія Карломъ мѣры имѣли цѣлью возможно лучшее обезпеченіе позиціи у Роменъ. Ради этого онъ выслалъ кавалерійскіе отряды, вытѣснившіе русскихъ отъ Смѣлова и Недригайлова.

Вообще же со шведской стороны не предпринималось никакого наступленія, и король простоялъ неподвижно нѣсколько недѣль. Это объясняется прежде всего необходимостью отдыха для войска послѣ понесенныхъ имъ трудовъ, при чемъ оно могло поправиться въ Богатомъ краю послѣ столь часто испытанныхъ лишеній.

Что касается вліянія этихъ трудовъ и лишеній на армію, то полагають, что подъ командой Карла въ это время было 30.000 человекъ, и эта цифра кажется правдоподобной ²⁾.

Потери въ войскахъ, бывшихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ короля, достигали приблизительно четверти первоначальнаго числа. Эти потери нельзя считать чрезмѣрно большими, принимая во вниманіе, что походъ продолжался больше года въ очень трудно проходимой мѣстности и что погода въ теченіе значительной части года была очень холодна и дождлива.

Интересно сравнить это съ условіями похода въ

¹⁾ Adlerfelt. Histoire militaire de Charles XII. III, 388.

²⁾ E. Carlson. Slaget vid Poltava (въ Historiska Studier, tillagnade S. G. Malmström), стр. 14.

Россію Наполеона; размѣры потерь были совсѣмъ не тѣ: изъ 300.000 приблизительно людей, которыхъ императоръ лично повелъ черезъ Нѣманъ на Москву, до русской столицы дошло лишь 90.000; если къ нимъ прибавить 13.000 откомандированныхъ въ отдѣльные отряды, то, во всякомъ случаѣ, за три лѣтнихъ мѣсяца похода потери составятъ двѣ трети первоначальнаго числа ¹⁾).

Въ одномъ отношеніи шведская армія испытывала недостатокъ—она нуждалась въ возобновеніи нѣкоторыхъ военныхъ припасовъ, въ томъ числѣ боевыхъ (патроновъ и зарядовъ). Карлъ былъ озабоченъ этимъ. Онъ обращался къ туркамъ, и по его порученію нѣкоторые поляки хлопотали въ Константинополь о приобрѣтеніи палатокъ и другихъ предметовъ снаряженія для шведской арміи, но, несмотря на то, что ходатайства эти поддерживались французскимъ посланникомъ, поляки не могли убѣдить турецкое правительство удовлетворить эти просьбы, но надѣялись добиться своего ²⁾).

Военныя дѣйствія пріостановились приблизительно на мѣсяць, но потомъ началась борьба на линіи Псла. На этотъ разъ ближайшая инициатива принадлежала не Карлу, а Петру. Генераль-лейтенантъ Ренне стоялъ съ драгунами у Веприка, и въ первыхъ числахъ декабря отсюда самъ царь лично рекогносцировалъ шведскую позицію у Гадяча. Послѣ военнаго совѣта въ Лебединѣ было рѣшено попробовать прогнать шведовъ изъ Гадяча, съ линіи Псла.

¹⁾ Clausewitz. Hinterlassene Werke. Berlin. 1862, VII, 80.

²⁾ Дешета венеціанскаго балы Джюстиніани отъ 19-го января. 1709 г. (Государственный Архивъ въ Венеціи).

Тѣмъ временемъ Карль получилъ свѣдѣнія о задуманномъ русскими наступленіи и со своей стороны двинулся впередъ. Центръ расположенія шведовъ былъ перенесенъ болѣе на востокъ—части, стоявшія на р. Сулѣ, перешли на р. Посель, а ихъ мѣста заняли части, стоявшія дальше въ тылу. Съ однимъ драгунскимъ и тремя пѣхотными полками самъ король пошелъ на выручку стоявшаго въ Гадячѣ отряда, угрожаемаго русскими. Юлленкрукъ въ своемъ разсказѣ приводитъ очень странные мотивы выступленія изъ Роменъ. По его мнѣнію, вся причина заключалась въ томъ, что королю не понравились квартиры вокругъ Роменъ, и онъ пожелалъ занять лучшія у Гадяча, при чемъ сказалъ также, что не потерпитъ «чтобы врагъ беспокоилъ насъ въ нашемъ квартирномъ расположеніи», но отгонить его; когда же Юлленкрукъ высказалъ предположеніе, что «врагъ что-то затѣваетъ», Карль сказалъ, что ни о чемъ подобномъ не слыхалъ. Если бы дѣло было такъ, то пришлось бы признать, что королю пришла удивительно счастливая идея, такъ какъ, предпринявъ свое передвиженіе лишь для перемѣны квартирнаго расположенія, онъ такъ кстати явился на выручку Гадяча, важной позиціи на Пселѣ. Но лишь одинъ Юлленкрукъ объясняетъ маршъ на Гадяч простымъ капризомъ короля. Адлерфельтъ говоритъ, что Карль понялъ изъ приготовленій Петра въ Лебединѣ, что онъ собирается напасть на Гадячъ; Седерельмъ въ письмѣ отъ 31-го марта 1709 г. пишетъ, что король во-время узналъ о русскихъ замыслахъ противъ Гадяча и съ нѣсколькими полками пошелъ на выручку. Это подтверждаетъ и Понятовскій. Въ дневникѣ Силтмана на 16-го декабря (за день до выступленія) записано, что получено извѣ-

стие, что русскіе стягиваются отовсюду (*sich aller Orten zusammen zögen*). Въ дневникахъ Петре, Пильстрёма и Вейе согласно говорится, что причиною выступленія было намѣреніе русскихъ напасть на Гадячъ и что король хотѣлъ разрушить этотъ планъ («dessein»). Датскій посланникъ въ Москвѣ Грундъ говоритъ въ своей депешѣ отъ 9-го января 1709 г., что «царь вблизи Гадяча узналъ», что «врагъ получилъ свѣдѣнія о намѣреніи русскихъ, и потому собралъ всю армию къ Липовой» («dass der Feind von dem Dessein Kundschaft gehabt und desswegen die gantze Armee biss Lippowa... zusammen gezogen»). Разсказъ Юлленкрука, самъ по себѣ маловѣроятный, окончательно теряетъ значеніе при сопоставленіи со всѣми этими показаніями.

Очень возможно, что и въ этомъ случаѣ Карль, какъ и во многихъ другихъ, въ разговорѣ съ Юлленкрукомъ выразился полушутя, полууклончиво, и Юлленкрукъ все ошибочно понялъ. Дальше Юлленкрукъ рассказываетъ, что онъ говорилъ съ Пиперомъ и тотъ будто бы назвалъ движеніе короля «сумасшествіемъ» (*galenskap*). Пиперъ постоянно фрондировалъ противъ военныхъ мѣропріятій Карла и Реншейда и возможно, что онъ такъ выразился. Но, конечно, нельзя согласиться съ Юлленкрукомъ и Пиперомъ, что движеніе на выручку такого важнаго пункта, какъ Гадячъ, — «сумасшествіе».

Небольшой русскій наблюдательный отрядъ у Липовой Долины былъ атакованъ шведами и большая часть его перебита или взята въ плѣнъ.

19-го декабря король прибылъ въ Гадячъ. Русскіе этого не ожидали. Они готовились къ нападенію на Га-

дѣчь, но когда узнали о подходѣ короля и о происшедшемъ у Липовой Долины, тотчасъ быстро отступили къ Веприку и Лебедину, успѣвъ зажечь передъ этимъ предметъ Гадяча.

Слѣдомъ за Карломъ выступила изъ Ромень его главная квартира съ драбантами, но остановилась въ Русановкѣ на ближайшей переправѣ черезъ р. Хороль, къ югу отъ Липовой Долины, и лишь 23-го декабря прибыла въ Гадячь. Сюда постепенно переходили все новые и новые полки и Гадячь сдѣлался центромъ расположенія шведской арміи.

Укрѣпленный Гадячь, на переправѣ черезъ Псіоль, являлся естественнымъ опорнымъ и исходнымъ пунктомъ для наступленія на позиціи русскихъ по Пелу и для открытія пути на Бѣлгородъ.

Между тѣмъ, именно при дѣйствіяхъ вокругъ Гадяча шведская армія испытала наиболѣе тяжкія несчастія.

Какъ разъ теперь начались большіе морозы, вырывая массу жертвъ. Это не была обыкновенная восточно-европейская зима, но совершенно исключительная. Въ большей части Европы зима 1708—1709 года отличалась своей неслыханной суровостью. Холодъ былъ такъ великъ, что, напримѣръ, рѣку Рону можно было переѣзжать по льду, даже тяжелымъ повозкамъ. Что касается Сѣвера, то Каттегатъ былъ покрытъ льдомъ, а въ шведскихъ церквахъ замерзало причастіе въ чашахъ. Въ Россіи страшные холода наступили именно въ то время, когда шведская армія двинулась впередъ на Псіоль и Гадячь сдѣлался ея важнѣйшей позиціей. Это было большимъ несчастіемъ, потому что въ Гадячѣ, особенно послѣ

сожженія русскими предмѣстья, не хватало для войскъ квартиръ, требуемыхъ наступившими холодами.

Естественнымъ послѣдствіемъ перехода шведской арміи на Псіоль, съ центромъ ея въ Гадячѣ, была возможность отсюда атаковать Бѣлгородъ и русскія позиціи, пока они еще не слишкомъ укрѣплены.

Такъ и вышло, и Карлъ долго не остался въ Гадячѣ.

23-го декабря онъ выступилъ съ частью арміи противъ русскихъ позицій.

Наканунѣ въ Гадячъ прибылъ перебѣжчикъ. Карлъ лично допросилъ его и затѣмъ отдалъ приказъ о выступленіи (дневникъ Weihe, стр. 24, Histor. Handl. XIX, 1).

Сначала шведы пошли на Веприкъ. Генераль-лейтенантъ Ренне, командовавшій ближайшимъ къ Гадячу русскимъ отрядомъ, не сдѣлалъ никакихъ попытокъ къ сопротивленію, но отошелъ на главную русскую позицію у Лебедина, усиливъ передъ этимъ гарнизонъ Веприка и занявъ гарнизономъ Каменное. Карлъ оставилъ у крѣпости Веприка обсерваціонный отрядъ и перешелъ на правый берегъ Псла; одинъ полкъ сталъ у укрѣпленія Каменное, отогнавъ передовые посты гарнизона.

Русская оборонительная позиція у Лебедина была обращена фронтомъ на югъ, гдѣ на пути отъ Гадяча и Веприка была первая оборонительная линія вдоль Ольшанки, а вторая обозначалась теченіемъ Псла выше его поворота, съ его большими болотами у Бишкина. Фланги прикрывались р. Пслою.

Очень вѣроятно, что царь здѣсь не приказывалъ производить какія-либо особыя оборонительныя работы.

Но такъ какъ теперь, вслѣдствіе морозовъ, рѣки и болота стали легкопроходимы, то значеніе Лебединскѣй позиціи существенно уменьшилось. Притомъ Карлъ перешелъ на правый берегъ Псла. Взявъ сравнительно слабое укрѣпленіе Каменное, король тотчасъ выходилъ во флангъ позиціи у Лебедина, и царю пришлось бы принять бой, не пользуясь никакими укрѣпленными линіями. Но царь предпочелъ очистить позицію, не подвергаясь такому риску. Хотя морозъ былъ такъ великъ, что походъ долженъ былъ вызвать чрезвычайно чувствительныя потери, царь выступилъ въ самый день Рождества и отошелъ къ Сумамъ. Здѣсь онъ занялъ новую позицію у важнаго узла дорогъ и переправы, гдѣ нѣсколько притоковъ впадаетъ въ Псіоль.

Бьеркъ въ своемъ дневникѣ пишетъ (*Karolinska krigares dagböcker, utg. af Quennerstedt, III, 95*), что, войдя со шведскимъ отрядомъ въ Лебединъ, онъ видѣлъ на площади трупы обезглавленныхъ казаковъ, а по дорогѣ между Лебединомъ и Сумами шведы видѣли множество русскихъ труповъ. Русскій арьергардъ, подъ командой Ренне, повидимому, сначала отошелъ изъ Лебедина вслѣдъ за главными русскими силами, но въ послѣдствіи вернулся на прежнее мѣсто.

Въ то же время Петръ, несмотря на страшные холода, отдѣлилъ отъ своей арміи отрядъ изъ шести полковъ, подъ командой Гольца, и послалъ его въ обходъ шведовъ на Днѣпръ. Датскій посланникъ Грундъ говорить, что отрядъ этотъ былъ высланъ вслѣдствіе дошедшихъ слуховъ о приближеніи изъ Польши на помощь королю шведскаго отряда генераль-маіора Крассау вмѣстѣ съ польскими войсками. Но Гольцъ не пошелъ прямо.

въ Польшу, а до поздней весны простоялъ на Днѣпрѣ; можно думать, что задачей ему было поставлено, занявъ позицію на Днѣпрѣ въ тылу у шведовъ, между ними и ожидаемыми подкрѣпленіями, попытаться отвлечь Карла назадъ и удержать его отъ прорыва русскихъ позицій на Пслѣ.

На Рождество положеніе было таково: передовыя шведскія части стояли близъ Каменнаго на правомъ берегу Псла. Другія части стояли у Веприка, наблюдая за нимъ. Авангардъ продвинулся по дорогѣ между Лебединомъ и Сумами. Главныя силы еще не начинали движенія и Гадячъ продолжалъ быть ихъ центромъ. Самъ король находился въ деревнѣ Плешивецъ, немного дальше шести километровъ отъ Каменнаго. Но теперь шведское наступленіе остановилось и передвиженія войскъ прекратились—холодъ достигъ своей высшей степени и ужаснѣйшимъ образомъ косилъ оба войска.

Въ день Рождества остававшіяся у Гадяча части получили приказаніе не двигаться впередъ до распоряженія. Вечеръ Рождества и три слѣдующія дня были, повидимому, самыми тяжелыми. Согласно дневнику полковника Поссе 27-го декабря холодъ былъ больше, чѣмъ когда-либо раньше, а въ день Рождества морозъ былъ такъ великъ, что нельзя было слушать проповѣдь и пришлось ограничиться лишь пѣніемъ одной молитвы. Вѣроятно, никогда не будетъ точно извѣстно, сколько шведскихъ солдатъ погибло отъ холода въ Гадячѣ и на передовыхъ позиціяхъ или выбыло изъ строя обмороженныхъ. Рассказывали, что ихъ надо считать тысячами, и этому можно вѣрить. Потери были, несомнѣнно, велики и не

уступали потерямъ, которыя пришлось бы понести, давъ два или три кровавыхъ сраженія.

Но холодъ также опустошалъ и русскую армію; положеніе русскихъ было даже хуже: въ ужасные морозы на Рождество шведы стояли на мѣстѣ; хоть и чрезвычайно тѣсно, но они были подъ крышей. Русская же армія, «гдѣ людей берегли меньше, чѣмъ лошадей», именно въ эти дни по приказанію царя отходила отъ Лебедина къ Сумамъ.

Легко себѣ представить, что надѣлалъ при этомъ морозъ. Бьёркъ говоритъ въ своихъ замѣткахъ, что по дорогѣ между Лебединомъ и Сумами онъ въ одинъ день видѣлъ больше двухъ тысячъ замерзшихъ русскихъ солдатъ. Петре въ своемъ дневникѣ утверждаетъ, что въ ночь на Рождество русскіе потеряли 2.000 человекъ (Karolinska krigares dagböcker, utg. af Quennerstedt, III, 95 и I, 200).

Поэтому можно считать, что взаимное отношеніе численности обѣихъ враждебныхъ армій не подверглось значительнымъ измѣненіямъ, а если и произошли такія, то скорѣе не въ пользу русскихъ, особенно имѣя въ виду отсылку отряда Гольца съ театра военныхъ дѣйствій.

Но что касается будущаго, то положеніе шведовъ было опаснѣе, потому что царь несравненно легче могъ пополнять убыль своего войска новобранцами. У Карла же не было никакой возможности подкрѣпить шведскую армію, если только не подойдетъ корпусъ Крассау изъ Польши, можетъ быть, усиленный еще полкомъ изъ Помераніи.

Движеніе Карла отъ Гадяча было, несомнѣнно, на-

чаломъ генеральнаго наступленія на русскія главныя силы.

Царь Петръ это ясно понялъ и отвелъ всю армію съ позиціи у Лебедина.

Изъ Москвы датскій посоль писалъ, что получены вѣсти съ театра войны, что Карлъ все ближе и ближе подходитъ къ Бѣлгороду, куда идти ему совѣтовалъ Мазепа, чтобы поднять бунтовщиковъ на Дону, «чему здѣсь со всей силой наддежить противиться», *dagegen man hier sich mit äusserster Macht wird setzen müssen* (Grund, депеша отъ 23-го января 1709 г.).

Въ шведской арміи тоже совершенно ясно понимали значеніе этого движенія:

Въ дневникѣ Петре на 25-е декабря послѣ *NB* записано, что если бы не помѣшалъ королю необыкновенный холодъ, то онъ атаковалъ бы русскую армію.

Наступленіе было остановлено не противникомъ, но непреодолимыми силами природы. Когда послѣ Рождества холода уменьшились, наступленіе не было тотчасъ возобновлено: и люди, и лошади такъ пострадали отъ морозовъ, что нельзя было сейчасъ же вести въ рѣшительную атаку разстроенную армію.

30-го декабря Карлъ оставилъ Плешивецъ и отвелъ свои войска назадъ отъ Каменнаго. Но онъ не пошелъ къ Гадячу, гдѣ стояли его главныя силы, а двинулся на юго-востокъ. Это движеніе являлось подготовкой къ новому наступленію по линіи Псла. На полпути между Пеломъ и Ворсклой находилось укрѣпленіе Зеньковъ. Черезъ него проходили пути отъ главныхъ русскихъ силъ на верхнемъ Пслѣ къ занятымъ царскими

войсками южнымъ укрѣпленіямъ—Полтавѣ, Сорочинцамъ и Миргороду. Изъ Зенькова, какъ и изъ Веприка, можно было безпокоить флангъ или тылъ шведовъ при ихъ наступленіи.

Карль оставилъ одинъ отрядъ съ нѣсколькими пушками у Веприка, а самъ пошелъ къ Зенькову. Вечеромъ на новый годъ коменданту предложено было сдать крѣпость, что онъ и исполнилъ почти тотчасъ. Сообщение арміи царя съ его крѣпостями на югѣ было отрѣзано. Кромѣ того, шведы получили новый опорный и исходный пунктъ для новаго наступленія на сѣверъ.

Взоры Карла попрежнему обращались къ линіи Псла, какъ къ операціонному направленію для вторженія на Курскъ.

На это указываютъ и его распоряженія по расположенію по квартирамъ войскъ.

Юлленкрукъ предложилъ разставить большую часть кавалеріи по Пселу, а часть кавалеріи и пѣхоты въ городахъ по Ворсклѣ, отъ Куземина къ югу. Карль одобрилъ первую часть предложенія, но не согласился на расположеніе войскъ по Ворсклѣ: въ его планы попрежнему входила линія Псла.

Когда Карль отступилъ отъ Плешивца, царь снова двинулъ свои войска впередъ изъ Сумъ и занялъ Лебединъ; но одинъ отрядъ былъ оставленъ въ Сумахъ, гдѣ находился и самъ царь. Русскіе такимъ образомъ снова заняли свою прежнюю позицію на Пслѣ и еще усилили ее, такъ какъ царь велѣлъ укрѣпить Сумскую Ворожбу, позицію за болотами по Пселу, у Бишкина ¹⁾.

¹⁾ Письмо изъ главной квартиры въ Сумахъ отъ 18-го января 1709 года, извлеченіе изъ котораго сообщено польскимъ казна-

Петръ предвидѣлъ новую атаку шведовъ въ направленіи на Лебединъ и не чувствовалъ себя въ безопасности, пока не устроилъ оборонительной позиціи между этимъ городомъ и Сумами.

Карль съ своей стороны тоже приступилъ теперь къ новой атакѣ на линію Псла.

На этотъ разъ не было рѣчи о какомъ-либо обходномъ движеніи или о какомъ-либо немедленномъ переходѣ на правый берегъ Псла, но король двинулся прямо на врага и первой непріятельской позиціей на его пути было укрѣпленіе Веприкъ ¹⁾.

Если теперь шведская армія серьезно хотѣла попытаться отгѣснить главныя силы русскихъ и открыть себѣ путь на Курскъ, то слѣдовало начинать съ овладѣнія русскими передовыми позиціями, Веприкомъ и Каменнымъ. Оставлятъ ихъ у себя въ тылу или на флангѣ было неудобно, блокированіе ихъ потребовало бы довольно значительныхъ отрядовъ—въ Веприкѣ былъ гарнизонъ свыше 1.100 регулярныхъ войскъ, кромѣ вооруженныхъ крестьянъ,—а для крупнаго предпріятія противъ главныхъ русскихъ силъ шведамъ нужны были всѣ ихъ силы.

7-го января Карль двинулся на Веприкъ. Возможно, король надѣялся, что, подобно Зенькову, Веприкъ сдастся,

---

чеемъ Пребендовскимъ генералу Флеммингу (Государств. Архивъ въ Дрезденѣ, связка „Was Zwischen Moscau und Schweden vorgegangen 1708—9“).

¹⁾ Вернувшись въ Лебединъ, русскіе, вѣроятно, постарались обезпечить свой флангъ на Пслѣ фортификаціонными работами. Это соображеніе могло заставить Карла отказаться отъ перехода на этотъ разъ на правый берегъ Псла—движеніе сюда имѣло смыслъ, лишь предполагая, что правый флангъ русскихъ у Лебедина открытъ.

не пытаюсь оказать сильное сопротивление. Но вышло не такъ: комендантъ, полковникъ Ферберъ, отказался сдать укрѣпленіе, и Карль приказалъ взять его штурмомъ.

Штурмъ повели черезчуръ смѣло, безъ достаточной артиллерійской подготовки.

Юлленкрукъ рассказываетъ, что король считалъ возможнымъ очистить валы отъ русскихъ при помощи артиллеріи, такъ чтобы штурмующіе шведы могли взобраться на нихъ безъ особыхъ потерь.

Вообще Карль не затѣвалъ безразсудной атаки съ неизбѣжной бойней, но полагалъ, что крѣпость удастся взять съ небольшими потерями. Однако вышло не такъ. Артиллерія не смогла одолѣть валовъ, и атака встрѣтила очень сильное сопротивление. Притомъ ее повели неправильно, — именно, колонна полковника Альбедилля начала атаку слишкомъ рано; надлежащаго совмѣстнаго дѣйствія разныхъ штурмовыхъ колоннъ не было. Поэтому штурмъ былъ отбитъ съ очень тяжелыми потерями.

Согласно дневнику Сильтмана, шведы потеряли 200 убитыхъ и 1.000 раненыхъ; Нордбергъ считаетъ 400 убитыхъ и 700 раненыхъ.

Потери при штурмѣ Веприка можно сравнить съ потерями въ большомъ сраженіи. Особенно печально для шведовъ было, что они потеряли при этомъ цвѣтъ своего офицерства. Между тѣмъ, послѣ опустошеній, произведенныхъ въ арміи морозами, теперь еще меньше, чѣмъ прежде, допустима была напрасная трата людей.

Несмотря на удачно отбитый штурмъ, комендантъ не сталъ, однако, дожидаться новаго и въ тотъ же день сдалъ крѣпость, послѣ чего она была срыта.

Потери, понесенныя при штурмѣ «дрянной крѣпостцы» Веприка, вызвали тяжелое настроеніе въ шведской арміи.

Въ одномъ новомъ шведскомъ историческомъ трудѣ (*Ernst Carlson: Slaget vid Poltava*, стр. 13) высказывается по поводу Веприка, что «несоотвѣтствіе между цѣлью и средствами было такъ ярко, что и самые жестокосердые люди должны были возмущаться». Но не слѣдуетъ забывать, что покореніе Веприка не было отдѣльнымъ предпріятіемъ, самостоятельной цѣлью, но было лишь первымъ этапомъ окончательнаго наступленія на русскія позиціи по Пслу и оттуда на путь Бѣлгородъ-Курскъ.

Русскіе именпо съ этой точки зрѣнія смотрѣли на атаку Веприка.

Письмо отъ 11-го января изъ Сумъ въ Москву говоритъ объ этой атакѣ, какъ о первомъ наступленіи къ Бѣлгороду, а при извѣстіи о паденіи Веприка въ Москвѣ говорили, что «шведы такъ сдѣлали скачокъ на двѣ мили ближе къ Бѣлгороду». Какъ серьезно смотрѣли на положеніе дѣлъ, видно изъ письма датскаго посланника Грунда его правительству отъ 6-го февраля 1709 г. (нов. ст.): онъ пишетъ, что, конечно, русскіе не говорили о сраженіи, а вѣрили, что шведская армія сама растаетъ, Гольцъ же не допустить прибытія подкрѣпленій, но опасно терять время и можно опасаться, что у царя дурные совѣтники, такъ какъ если Карлъ форсируетъ и тѣ позиціи, на которыя теперь царь возлагаетъ свои упованія, «то будетъ совершенно открыта не только дорога на Бѣлгородъ, но, какъ показываетъ карта, также дорога на Москву между Сеймомъ и Окой».

Но за взятіемъ Веприка не послѣдовала дальнѣйшая

атака по линіи Псла, но все наступленіе шведовъ было остановлено. О причинахъ этого нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ, но ихъ слѣдуетъ искать въ результатахъ штурма Веприка и въ произведенномъ ими впечатлѣніи¹⁾).

Карль попробовалъ примѣнить здѣсь тактику, которой до сихъ поръ почти всегда избѣгалъ, именно, — форсированіе укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій посредствомъ фронтальной атаки. Первую передовую позицію онъ, конечно, взялъ, но потери при этомъ были слишкомъ велики относительно къ численности арміи, уменьшившейся вслѣдствіе потерь отъ холодовъ. За Веприкомъ находилось Каменное, за нимъ — большая позиція у Лебедина, а за ней — Сумская Ворожба и Сумы. Какихъ потерь будетъ стоить форсированіе съ фронта всѣхъ этихъ укрѣпленій?

Шведы отошли назадъ отъ Веприка и главная квартира снова расположилась въ Зеньковѣ. Линія Псла была такимъ образомъ оставлена.

Но русскіе слишкомъ хорошо знали Карла XII-го и его способъ веденія войны, чтобы вѣрить, что онъ отказался отъ инициативы и наступленія. Въ письмахъ, посланныхъ 24-го и 25-го января изъ главной квартиры царя въ Москву, говорится, что теперь Ахтырка является

---

¹⁾ *Веприкъ* — блестящій примѣръ пользы упорно обороняемыхъ передовыхъ позицій (эта польза отрицается некоторыми новѣйшими тактиками, между прочимъ, на основаніи якобы опыта русско-японской войны): рѣшительныя дѣйствія тысячи съ небольшимъ человекъ гарнизона, хотя и не спасли самую крѣпость, но надолго остановили наступленіе всей шведской арміи, когда всякая проволочка роковымъ образомъ приближала ее къ развязкѣ подъ Полтавой.

Прим. переводч.

тѣмъ проходомъ, черезъ который шведы могутъ пройти къ Бѣлгороду (депеша Грунда отъ 20-го февраля 1709 г.). Слѣдовательно, съ русской стороны не упускали изъ виду, что Карлъ можетъ попробовать сдѣлать обходъ по линіи Ворсклы. Важнымъ пунктомъ на пути отсюда къ Бѣлгороду и на Курскъ являлась Ахтырка. Этотъ городъ былъ укрѣпленъ и лежитъ недалеко отъ р. Ворсклы, имѣя ее къ западу и къ сѣверу. Рѣка Ворскла здѣсь на протяженіи многихъ миль раздѣлена на рукава, съ поперечными протоками между ними, такъ что получается цѣлый болотистый раіонъ, затрудняющій переправу; въ это время года воды, конечно, замерзли, но переходъ черезъ рѣку все-таки былъ труденъ, хотя бы по причинѣ прибрежныхъ высотъ, на большемъ протяженіи тянувшихся по правому берегу. Ниже, гдѣ Ворскла течетъ однимъ русломъ, имѣются двѣ переправы — у Куземина и у Опошни.

Вниманіе русскаго полководца было обращено на линію Ворсклы и значительная часть русской кавалеріи перешла съ р. Псла къ востоку отъ Ворсклы.

Планъ Карла теперь заключался въ обходѣ русскихъ позицій у Лебедина и Сумъ, направляя ударъ отъ Ворсклы. *Но выполнить это можно было только зимой, до наступленія мѣшающихъ передвиженіямъ войскъ оттепелей и разлива рѣкъ;* а если выждать спада водъ, то будетъ поздно — царь къ тому времени получить подкрѣпленія изъ глубины Россіи.

Дѣйствія на линіи Ворсклы начались предпріятіемъ, имѣвшимъ цѣлью обезпечить фланги шведовъ при ихъ наступленіи. Выдвинутый отъ русскихъ главныхъ силъ къ Зенькову кавалерійскій отрядъ стоялъ у д. Грунь, на

переправѣ черезъ притокъ Псла того же имени, приблизительно на полпути между Зеньковымъ и Ахтыркой. 20-го января Карль велѣлъ полковнику Дюкеру атаковать этотъ отрядъ. Русскіе были прогнаны, потерявъ 300 человекъ и 1.000 лошадей, тогда какъ потери Дюкера не превышали 20 человекъ ¹⁾).

Такъ былъ обезпеченъ лѣвый флангъ шведовъ при ихъ движеніи на востокъ.

Съ другой стороны, 21-го января Карль приказалъ подполковнику Галле сдѣлать попытку захватить внезапно укрѣпленіе Сорочинцы на р. Псіоль, къ югу отъ шведскаго расположенія.

Хотя наружныя ворота были захвачены, попытка не удалась, а послѣ опыта съ Веприкомъ шведы, очевидно, не имѣли ни малѣйшей охоты рисковать настоящимъ штурмомъ ²⁾).

Въ русской главной квартирѣ узнали о началѣ движенія шведовъ, и князь Меншиковъ съ драгунами отправился въ Ахтырку. Онъ затѣмъ спустился вдоль рѣки Ворсклы до переправы у Опошни, гдѣ уже раньше стоялъ генераль-маіоръ Шаумбургъ съ отрядомъ кавалеріи.

Въ ночь на 28-е января Карль съ пятью кавалерійскими полками выступилъ изъ Зенькова (Адлерфельтъ считаетъ силу этого отряда въ 2.000 человекъ). Онъ не пошелъ прямо на Ахтырку, съ ея труднопроходимыми окрестностями, но направился въ обходъ на Опошню. Русскіе вышли изъ города и заняли позицію у д. Мискіе-

¹⁾ Adlerfelt; Histoire militaire, III, 411.

²⁾ Дневникъ Сильтмана (Karolinska krigares dagböcker, utg. af Quennerstedt, III, 289).

Млыны, у самой переправы. Когда шведы пошли въ атаку, русскіе сначала пытались отойти въ порядкѣ, но были атакованы съ такой силой, что пришли въ разстройство. Одна русская часть, встрѣченная шведами у Пѣвны, на другомъ берегу рѣки, въ углу между рр. Ворсклой и Мерлей, была здѣсь уничтожена. Атака шведской кавалеріи была такъ стремительна, что самъ князь Меншиковъ спасся съ трудомъ. Согласно Адлерфельту, русскіе потеряли 400 убитыми и 150 плѣнными, между тѣмъ, потери шведовъ составляли всего 2 убитыхъ и 17 раненыхъ. Овладевъ такъ переправой у Опошни, Карлъ сдѣлалъ тщательныя распоряженія для наступленія арміи въ новомъ направленіи. Полки, стоявшіе далеко въ тылу, на другомъ берегу Псла, получили приказъ перейти на востокъ отъ него и расположиться вдоль рѣки. Маршъ къ Ворсклѣ начался движеніемъ къ Опошнѣ драбантовъ и двухъ полковъ пѣхоты подъ командой генераль-маіора Рооса; съ этимъ отрядомъ слѣдовалъ изъ Зенькова персоналъ главной квартиры; остальные части, бывшія у Зенькова, въ томъ числѣ артиллерія, получили приказъ идти къ Куземину и овладѣть этой переправой. Все наступленіе такимъ образомъ рѣшительно обрисовалось въ направленіи на р. Ворсклу.

Нѣкоторые новѣйшіе писатели смотрятъ на всю экспедицію за Ворсклу лишь какъ на простой болѣе или менѣе случайный набѣгъ. Но это не выдерживаетъ критики. Какъ подготовка, такъ и выполнение указываютъ на опредѣленную, планомѣрную, непрерывную наступательную операцію; заслуживаетъ вниманія уже одно то обстоятельство, что съ пѣхотой идетъ артиллерія—такая мѣра была бы чрезвычайно странна, если бы все дѣло.

шло о томъ, чтобы потревожить русскихъ въ ихъ квартирномъ расположеніи.

Такъ какъ главный изъ наступающихъ отрядовъ долженъ былъ идти къ Куземину, то, конечно, было важно обезпечить эту переправу отъ нападенія русскихъ изъ Ахтырки. 30-го января Карлъ выступилъ съ авангардомъ отъ Опошни къ Котельвѣ, въ 8—9 километрахъ отъ Куземина, прикрывая движеніе пѣхоты и артиллеріи отъ Зенькова.

Въ это время произошелъ прискорбный для шведовъ случай—когда Карлъ ушелъ изъ Опошни, а Роосъ еще не успѣлъ дойти до нея отъ Зенькова, въ Опошню проникъ русскій кавалерійскій отрядъ и напалъ на небольшой шведскій постъ изъ 50 человекъ, стоявшій здѣсь для охраны плѣнныхъ; шведскій постъ былъ частью уничтоженъ, частью взятъ въ плѣнъ.

Юлленкрукъ, во всемъ своемъ разсказѣ выказывающей тенденцію обвинять короля во всѣхъ происходившихъ несчастіяхъ, говоритъ, что онъ совѣтовалъ королю не уходить изъ Опошни до прибытія пѣхотныхъ полковъ, но Карлъ отвѣтилъ, что врагъ прогнанъ и не вернется, послѣ чего двинулся впередъ. Но дѣло было не совсѣмъ такъ. Бой у Опошни былъ 28-го января и вечеромъ въ тотъ же день король послалъ генераль-адъютанта Дювала въ Зеньковъ съ приказаніемъ о выступленіи къ Ворсклѣ. Карлъ не тотчасъ послѣ этого выступилъ, какъ можно бы заключить изъ словъ Юлленкрука, но простоялъ въ Опошнѣ до 30-го января (а согласно дневнику Сильтмана до 31-го), очевидно, ожидая Рооса. Между тѣмъ, было очень важно прикрыть Куземина, лежавшій близко къ Ахтыркѣ, и Карлъ, съ своей точки зрѣнія, могъ считать, что идущіе къ Куземину полки въ

вышей степени подвергаются опасности нападеній со стороны высланныхъ впередъ русскихъ отрядовъ. Вообще же онъ долженъ былъ думать, что приказаніе, посланное 28-го января вечеромъ, дойдетъ до Зенькова, отстоящаго немного далѣе двухъ миль, настолько во-время, что Роосъ 30-го будетъ уже близъ Опошни.

Но, къ несчастію, Дюваль ночью какимъ-то страннымъ образомъ заблудился, такъ что приказъ пришелъ въ Зеньковъ очень поздно—гвардія получила приказъ о выступленіи лишь въ 12 часовъ дня 30-го—и Роосъ такъ поздно выступилъ, что не могъ успѣть во время. Въ полномъ противорѣчій съ долго спустя послѣ событія написанными замѣтками Юлленкрука стоитъ запись полковника Поссе въ его дневникѣ, 1-го феврала, что причиной несчастія было то, что «Дюваль ночью заблудился (*ridit galen om natten*), такъ что войска пришли въ Опошню слишкомъ поздно» (*Karolinska krigares dagböcker, utg. af Quennerstedt, I, 343*).

Но когда войска дошли до Опошни и Куземина, король еще много дней простоялъ въ Котельвѣ. Причину этому слѣдуетъ искать прежде всего въ морозахъ, которые снова усилились; а можетъ быть, слѣдуетъ указать также, что въ эти дни черезъ плѣннаго аудитора Клинта были присланы съ русской стороны мирныя предложенія.

9-го феврала началось наступленіе, выполняемое очень энергично. Карлъ самъ велъ передовыя кавалерійскія части, напалъ у Хухри на русскій отрядъ, обратилъ его въ бѣгство и прогналъ къ Ахтыркѣ; на дорогѣ оказалось 659 русскихъ труповъ (дневникъ Петре, *op. cit.* I, 211).

Съ нѣсколькими кавалерійскими полками, Дальскимъ пѣхотнымъ полкомъ, гвардіей и артиллеріей Карлъ дви-

нулся на слѣдующій день къ Ахтыркѣ и рекогносцировалъ укрѣпленія ея. Оказалось, что въ Ахтыркѣ стоитъ нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, а затѣмъ было получено извѣстіе, что русская кавалерія отошла въ южномъ направленіи. Карлъ выслалъ генераль-маіора Гамильтона съ четырьмя кавалерійскими полками на сѣверо-западъ къ Олешнѣ, укрѣпленному пункту на дорогѣ къ Пелу; съ высотъ у Олешни можно было наблюдать эту дорогу. Гамильтонъ взялъ Олешню атакѣю холоднымъ оружіемъ, изрубилъ нѣсколько сотъ человѣкъ изъ ея гарнизона и затѣмъ сжегъ городъ.

Король, обезпечивъ себя экспедиціей Гамильтона отъ неожиданнаго нападенія съ тыла, теперь съ удивительными быстротой и энергіей обратился противъ русской кавалеріи. Онъ пошелъ на югъ съ кавалеріей, пѣхотой и артиллеріей и 11-го февраля встрѣтилъ врага впереди переправы черезъ р. Мерль у Краснокутска. Подойдя сюда, Карлъ имѣлъ при себѣ лишь кавалерію. Произошелъ горячій кавалерійскій бой. Русскіе были прогнаны отъ Краснокутска къ лежащему въ 7—8 километрахъ на сѣверо-востокъ Городному, но и здѣсь не могли устоять. Карлъ съ драбантами ворвался въ городъ и здѣсь произошло кровавое избіеніе бѣгущей русской кавалеріи. Русскій отрядъ отступилъ черезъ засыпанные снѣгомъ лѣса къ Богодухову, лежащему около 20 километровъ выше по р. Мерлѣ.

Побѣда при Краснокутскѣ—Городномъ должна быть, несомнѣнно, причислена къ наиболѣе замѣчательнымъ подвигамъ за всю войну. Если вѣрить дневникамъ полковниковъ Поссе и Петре, то русскій отрядъ, разбитый и обращенный въ бѣгство при Городномъ, былъ въ девять

или десять разъ сильнѣе кавалеріи, съ которой Карлъ пошелъ въ атаку, и даже если въ этомъ утверженіи имѣется преувеличеніе, то все-таки неравенство силъ было очень велико. Никогда еще достоинства шведской кавалеріи и особенно гордое презрѣніе къ смерти драбантовъ не обнаруживались яснѣе, чѣмъ подъ Краснокутскомъ и Городномъ. Петре, служившій въ Дальскомъ полку, наступавшемъ вслѣдъ за кавалеріей, пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Съ величайшимъ изумленіемъ мы смотрѣли, какъ Его Величество гналъ врага и черезъ наполненныя водой, но не замерзшія болота, и по глубокому снѣгу черезъ лѣса и высоты, причѣмъ полегло много враговъ». Карлъ лично велъ атаку и былъ съ драбантами въ опаснѣйшихъ мѣстахъ.

Потери русскихъ въ этихъ бояхъ были значительны. На дорогѣ отъ Краснокутска до Городного Петре насчиталъ 659 русскихъ труповъ и на улицѣ, «гдѣ Его Величество ворвался въ середину русскихъ», было 115 труповъ, «которые всѣ были пронзены шпагами драбантовъ».

Потери шведовъ были сравнительно незначительны—при Краснокутскѣ—Городномъ они потеряли всего 132 челоѣка убитыми и ранеными ¹⁾.

Генераль-лейтенантъ Ренне, командовавшій русской кавалеріей, подчиняясь непосредственно князю Меншикову, организовалъ отступление по дорогѣ на Бѣлгородъ и остановился у Богодухова ²⁾.

¹⁾ *Adlerfelt: Histoire militaire. III, 419.*

²⁾ Въ депешѣ Грунда отъ 27-го февраля 1709 г., между прочимъ, говорится, что когда послѣ боя у Опшны Меншиковъ просилъ у Шереметева пѣхоты, то Шереметевъ отказалъ и сказалъ царю, что въ этомъ и предыдущихъ бояхъ кавалерія порядочно разстроена (*ruineradt*), а теперь хотятъ сдѣлать то же и съ пѣхотой

На другой день послѣ боя къ королю подошли пѣхота и артиллерія, и Карль теперь намѣревался идти за русской кавалеріей къ Богодухову. Но тутъ были получены свѣдѣнія, заставившія его измѣнить свой планъ.

Уже послѣ боя у Опошни выяснилось серьезное наступленіе шведовъ на линію Ворсклы, въ обходъ главныхъ позицій русскихъ на Пслѣ. Тогда бѣльшая часть главныхъ силъ русскихъ очистили такъ долго занимающуюся ими позицію на Пслѣ и отошли къ востоку для прикрытія Бѣлгорода. Остановившись у Грайворона, русскіе заняли позицію въ углу между Ворсклой и Грайворонкой. Датскій посланникъ Грундъ говоритъ, что «съ русской стороны большинство думало, что врагъ атакуетъ Ахтырку, потому что затѣмъ онъ можетъ идти на Бѣлгородъ и Воронежъ, гдѣ будетъ среди собственныхъ земель царя, и такъ сможетъ безпрепятственно дойти до Оки, если только этому не сможетъ помѣшать баталія»¹⁾.

Воронежъ, какъ извѣстно, былъ гаванью царя у Дона; онъ былъ важнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ русскаго могущества въ Донской области и исходнымъ пунктомъ всѣхъ русскихъ предпріятій въ земляхъ казаковъ и татаръ до Чернаго моря.

Изъ мѣръ, принятыхъ царемъ, совершенно ясно видно, что онъ находилъ положеніе критическимъ. 9-го февраля, въ тотъ самый день, когда началось наступленіе шведовъ отъ Котельвы, Петръ выѣхалъ изъ Ахтырки—это напоминаетъ, какъ онъ оставилъ свою главную квартиру передъ сраженіемъ у Нарвы—и отпра-

---

¹⁾ Grund's Bericht über Russland in den Jahren 1705—1710, издан. Grove, стр. 16.

вился въ Бѣлгородъ, куда прибылъ на другой день. 11-го февраля шведы одержали побѣду у Краснокутска и Городного; такимъ образомъ 12-го вечеромъ курьеры съ этой вѣстью прибыли къ Петру, и на другой день онъ оставилъ Бѣлгородъ и отправился въ Воронежъ. Если въ такое особенно критическое время, когда, повидимому, предстояло генеральное сраженіе, Петръ оставилъ армію и далеко уѣхалъ, то это неопровержимо свидѣтельствуется, что онъ имѣлъ въ виду важныя дѣла; вѣроятно—принятіе мѣръ къ оборонѣ Бѣлгорода и Воронежа.

Въ Городномъ Карлъ узналъ, что главныя силы русскихъ очистили свои прежнія позиціи и пошли къ Бѣлгороду. Тогда король оставилъ свой планъ преслѣдованія русской кавалеріи, отошедшей къ Богодухову.

Въ теченіе всей кампаніи въ дѣйствіяхъ Карла смѣлость соединялась съ осторожностью; способность энергично атаковать, когда это нужно, съ неохотой идти въ лобъ на укрѣпленныя позиціи. Получивъ извѣстіе, что главныя русскія силы заняли дорогу на Бѣлгородъ, король отказался отъ наступленія въ этомъ направленіи, навѣрное, приведшемъ бы его къ фронту новой русской позиціи. вмѣсто этого онъ начинаетъ большой обходъ.

Послѣ отступленія русской кавалеріи отъ Городного къ Богодухову шведамъ открылась возможность, не встрѣчая сопротивленія, двинувшись на югъ, выйти на южную поперечную украинскую дорогу Полтава—Харьковъ—Бѣлгородъ. И Карлъ выступилъ изъ Городного, очевидно, имѣя въ виду эту дорогу; онъ пошелъ черезъ Мурафу на Коломакъ, гдѣ дорога на Харьковъ подходит къ рѣкѣ Коломакъ. Нельзя не признать, что обстановка вообще складывалась для короля чрезвычайно благопріятно.

Русская кавалерія, очень разстроенная послѣдними боями и, безъ сомнѣнїя, совершенно деморализованная постоянными неудачами, по всей вѣроятности, не смогла бы помѣшать Карлу дойти до Харькова. Артиллерію и часть пѣхоты король велъ съ собой, а слѣдующія сзади части войскъ безъ затрудненій вышли бы на Харьковскую дорогу черезъ Куземины и Опошню.

Обѣ русскія крѣпости, Ахтырка и Полтава, были сравнительно такъ далеко, что съ ихъ стороны можно было не опасаться какихъ-либо безпокойствъ.

Движеніемъ черезъ Харьковъ обходились всѣ русскія позиціи на Ворсклѣ, а между Харьковомъ и Бѣлгородомъ не имѣлось никакихъ значительныхъ природныхъ препятствій; если бы русскіе захотѣли оказать сопротивленіе, имъ, по всей вѣроятности, пришлось бы принять открытый бой. Поэтому шансы для наступленія Карла казались хороши.

Но тутъ наступилъ переломъ событій, и плоды побѣды оказались потерянными. Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней погода стала дѣлаться мягче и вдругъ наступила совершенно неожиданная (особенно послѣ столь сильныхъ морозовъ) необычайно сильная оттепель. 13-го февраля разразился «ужаснѣйшій ливень», съ громомъ и молніей ¹⁾. Въ этотъ день при походѣ изъ Мурафы уже пришлось испытать затрудненія отъ прибыли воды: вода въ рѣкѣ Мерчикъ за день поднялась съ $\frac{1}{4}$ локтя до глубины въ 5 локтей. Здѣшняя мѣстность, кромѣ настоящихъ рѣкъ, изрѣзана множествомъ балокъ; онѣ теперь налились водой и движеніе черезъ нихъ стало въ высшей

¹⁾ *Adlerfelt: Histoire militaire. III, 420.*

степени труднымъ. Карлъ спѣшилъ, какъ только могъ; войска шли весь день и всю послѣдующую ночь и утромъ 14-го первыя пѣхотныя части вступили въ Коломакъ, куда наканунѣ вечеромъ пріѣхалъ самъ король. Теперь шведы стояли на большой дорогѣ Полтава—Харьковъ и при нормальныхъ условіяхъ имѣли бы ее въ своемъ распоряженіи, но разливъ водъ вокругъ въ районѣ операций сдѣлалъ невозможнымъ движеніе впередъ различныхъ частей арміи и наступательныя операціи.

Оставался одинъ лишь исходъ: возвращеніе за линію Ворсклы; и Карлъ безъ колебанія подчинился необходимости. Уже 15-го пѣхота начала отходить черезъ Рублевку на Опошню; для этого воспользовались и дорогой черезъ Колонтаевъ. Отступленіе по затопленной мѣстности было сопряжено съ очень большими трудностями, и страданія войскъ были тяжки.

Итакъ, попытка не удалась. Планъ наступленія, ясно и отчетливо задуманный и приводимый въ исполненіе съ отчаянной энергіей (*med hänsynslös kraft*), былъ разрушенъ силами природы; лишь передъ ними отступилъ Карлъ какъ въ Коломакъ, такъ и у Плевивца. Рядъ непредвидѣнныхъ и непредусмотримыхъ несчастій, обрушивавшихся на военныя дѣйствія шведовъ, увеличился еще однимъ несчастіемъ, которое было невозможно предусмотрѣть и предотвратить: разливъ отъ таянія снѣговъ въ русскихъ равнинахъ въ серединѣ февраля.

19-го февраля самъ Карлъ перешелъ обратно за Ворсклу. Судьба простерла руку противъ него.

V.

Положеніе въ Украинѣ ко времени Полтавской битвы.

Наступленіе за Ворсклу было послѣдней серьезной попыткой шведовъ проникнуть на сѣверъ къ Бѣлгороду и Курску.

Благодаря знакомству съ условіями веденія войны въ восточно-европейскихъ равнинахъ, Карлу было нѣ трудно предвидѣть, какъ пойдутъ дѣла въ ближайшемъ будущемъ. Какъ и въ 1708 году, въ 1709 наступитъ длинный перерывъ операцій, пока таяніе снѣговъ и весенніе разливы будутъ препятствовать болѣе крупнымъ движеніямъ армій и болѣе энергичному веденію войны. И въ дѣйствительности, въ ближайшее время послѣ возвращенія Карла за Ворсклу военныя дѣйствія вообще остановились, происходили лишь мелкія стычки. Вслѣдствіе разливовъ, большіе участки страны были почти непроходимы.

Въ Москвѣ недѣлями оставались безъ извѣстій съ театра войны, такъ какъ рѣки такъ разлились, что сообщенія были почти прерваны.

Вернувшись изъ экспедиціи за Ворсклу, Карлъ принималъ поѣздки въ разныя мѣста расквартированія, производя полкамъ смотры, и при этомъ точно ознакомился съ количествомъ и качествомъ войскъ, еще оставшихся въ его распоряженіи.

Въ воспоминаніяхъ Туре Бьелке ¹⁾ говорится, что король увидѣлъ, что невозможно вторгнуться въ Россію со столь незначительнымъ войскомъ и надо подождать

---

¹⁾ Изд. Халлендорфа, стр. 68.

подкрѣпленій, которыя, какъ надѣялся Карль, придуть изъ Польши.

Очень вѣроятно, что послѣ неудачи послѣдней попытки, Карль дѣйствительно пришелъ къ мысли, которую приписываетъ ему Бьельке. Объ этомъ свидѣтельствуя распоряженія о расквартированіи арміи.

Полки, участвовавшіе въ послѣдней экспедиціи, были поставлены въ Опошнѣ и южнѣ вдоль Ворсклы. Части, стоявшія далыпе на западъ, были переведены впередъ черезъ Псіоль и собраны между Пеломъ и Ворсклой. Главными опорными пунктами шведовъ являлись Опошня на Ворсклѣ, Лютенка на Пслѣ, гдѣ стоялъ генераль-маіоръ Спарре, и Рѣшетилровка на Голтвѣ, гдѣ Крейць со своимъ отрядомъ прямо къ западу отъ Полтавы наблюдалъ за русскими отрядами, которые въ это время шли внизъ по Пелу.

Главная квартира короля оставалась до 3-го марта въ Опошнѣ и затѣмъ была переведена южнѣ въ Будище.

Такое расположеніе войскъ носитъ отпечатокъ выжидательнаго и временно оборонительнаго настроенія. Выжидать приходилось подхода подкрѣпленій изъ Польши и установленія болѣе тѣсной связи съ запорожцами, а также съ турками и татарами. Возможно, что Карль мечталъ создать изъ разныхъ элементовъ новое войско, ядромъ котораго и наиболѣе сильной частью была бы шведская армія. Въ такомъ случаѣ легко объясняется, почему король не желалъ слушать безспорно осторожныхъ совѣтовъ—предпринять рѣшительное отступленіе и отойти обратно за Днѣпръ. Безъ сомнѣнія, шведская армія была бы тамъ въ большей безопасности, чѣмъ въ настоящемъ ея положеніи къ востоку отъ рѣки, но, съ

другой стороны, значительно удалилась бы отъ турокъ и татаръ и отъ другихъ болѣе мелкихъ союзниковъ на югъ; а кромѣ того, было бы затруднено возобновленіе перехода въ наступленіе. Стоя за Днѣпромъ между Псломъ и Ворсклой, Карлъ все-таки сохранялъ возможность, въ случаѣ прибытія подкрѣпленій и союзниковъ, снова двинуться впередъ, не форсируя предварительно въ виду русскаго войска такую трудно переходимую преграду, какъ Днѣпръ. Можно сказать, что *пока Карлъ стоялъ со своей арміей между Псломъ и Ворсклой, онъ занималъ какъ бы огромный тѣт-де-понъ къ востоку отъ Днѣпра.*

Что касается помощи, которой ждалъ король отъ Крассау и Станислава, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ трагической ошибкой Карла въ его восточно-европейской политикѣ. Основной мыслью этой политики было соединеніе силъ Швеціи и Польши въ общемъ дѣйствіи противъ московитовъ, но мысль эта получила лишь кажущееся осуществленіе, и до сихъ поръ Польша не смогла оказать никакой цѣнной помощи. Для Станислава оказалось невозможнымъ безъ долгихъ разговоровъ обуздать въ Польшѣ непокорныхъ, чтобы затѣмъ двинуться къ Днѣпру на помощь шведамъ. Это должно было стать еще труднѣй, когда русскій отдѣльный корпусъ подъ начальствомъ Гольца перешелъ за Днѣпръ для поддержки предводителя польскихъ мятежниковъ Сенявскаго. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ шведской главной квартирѣ лишь 31-го марта было получено извѣстіе о томъ, что Гольцъ переправился за рѣку и вступилъ въ Польшу ¹⁾,

¹⁾ *Adlerfelt: Histoire militaire, III, 432.*

и поэтому Карлу не могло представляться невѣроятнымъ прибытіе Станислава и Крассау. Трудно опредѣлить, насколько онъ надѣялся на это позже. Возможно, что при увѣренности въ боевыхъ достоинствахъ шведскихъ войскъ, король могъ лелѣять надежду, что Крассау и Станиславъ справятся со своими противниками и затѣмъ двинутся на востокъ ¹⁾).

Въ это же время Карлъ заручился союзомъ съ запорожцами, согласившимися отложиться отъ Москвы и перейти на сторону Карла и Мазепы. 11-го марта послы запорожцевъ прибыли въ шведскую главную квартиру, а немного позже запорожцы открыто выступили противъ русскихъ войскъ. 27-го марта кошевой атаманъ Костя Гордіенко явился къ Карлу и былъ принятъ подѣ шведскій протекторатъ. Общее число запорожскихъ войскъ достигало въ это время 15.000 (Nordberg). Сверхъ того, союзъ съ запорожцами имѣлъ чрезвычайное значеніе для обезпеченія связи шведовъ съ Днѣпромъ: у Переволочны находилась укрѣпленная Сѣчь, и, согласно сообщенію Нордберга, запорожцы поставили гарнизоны во всѣхъ городахъ по Ворсклѣ и по р. Орель. Противъ Карла высказывались обвиненія, что онъ не позаботился о коммуникаціонной линіи къ Днѣпру и о средствахъ для переправы. Но уже самый союзъ съ запорожцами, владѣвшими берегами Днѣпра, показываетъ, что король имѣлъ въ виду обезпеченіе своей коммуникаціонной линіи; а что касается собственно средствъ для переправы

---

¹⁾ 10-го мая одинъ русскій перебѣжчикъ разсказалъ въ шведской главной квартирѣ, что король Станиславъ стоитъ въ Подоліи, въ 10-ти миляхъ отъ Днѣпра. (Дневникъ Сильтмана, въ *Karolinska krigares dagböcker*, utg. af Quennerstedt, III, 307).

черезъ Днѣпръ, то можно указать на приводимыя Нордбергомъ данныя, именно, что запорожцы постоянно держали у Переволочны столько судовъ и лодокъ, что могли перевозить болѣе трехъ тысячъ человекъ за разъ; съ русской стороны тоже есть указаніе, что запорожцы собрали для Карла у Переволочны множество судовъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, вниманіе короля было обращено на условія переправы черезъ Днѣпръ, чрезвычайно важныя и въ томъ случаѣ, если бы подошли шведско-польскія подкрѣпленія или турки признали необходимымъ принять участіе въ войнѣ. При такихъ обстоятельствахъ для Карла была въ высшей степени важна линія Ворсклы, ведшая къ переправѣ черезъ Днѣпръ; обладаніе Ворсклой давало также возможность присоединиться къ шведамъ союзникамъ-татарамъ, на что надѣялись. Центральнымъ пунктомъ въ районѣ Ворсклы была Полтава, гдѣ сходились дороги съ разныхъ сторонъ.

3-го апрѣля король лично рекогносцировалъ эту крѣпость; вниманіе его было затѣмъ обращено на южную часть теченія Ворсклы.

При этихъ обстоятельствахъ ближайшей задачей русскаго главнокомандующаго было возможно стѣснить и возможно запереть со всѣхъ сторонъ районъ, гдѣ стояла шведская армія, а также постараться ослабить цѣнность союза съ запорожцами. Въ этихъ цѣляхъ фельдмаршалъ Шереметевъ двинулся по правому берегу Псла съ отря-

---

¹⁾ Письмо отъ князя Меньшикова къ Сенявскому, отъ 10-го мая 1709 г. изъ лагеря подъ Харьковомъ, приложенное въ копіи къ депешѣ секретаря датскаго посольства Иессена, изъ Польши отъ 9-го іюня 1709 г. (хранится въ Государственномъ Архивѣ въ Копенгагенѣ).

домъ до 20.000 человекъ и занялъ позицію въ нижней части рѣки, опираясь на Голтву. Отрядъ генераль-лейтенанта Ренне, состоявшій преимущественно изъ кавалеріи, былъ посланъ на лѣвый берегъ Ворсклы, для подчиненія запорожскихъ владѣній.

Карль, наблюдавшій за Полтавой, выслалъ на югъ противъ Ренне отрядъ подъ начальствомъ генераль-маіора Крузе. Ему было поставлено задачей отрѣзать и совершенно разсѣять русскій отрядъ. Крузе перешелъ въ Новыхъ Сенжарахъ черезъ Ворсклу, двинулся противъ русскихъ къ Соколкамъ и атаковалъ ихъ 14-го апрѣля; русскіе понесли значительныя потери, но успѣли отступить; уничтожить отрядъ Ренне не удалось, и поэтому надежное обезпеченіе запорожскихъ владѣній не было достигнуто. Король былъ крайне недоволенъ результатами, достигнутыми Крузе, особенно въ виду немалыхъ потерь со шведской стороны—полкъ Гюлленшерны потерялъ очень много людей ¹⁾).

Къ концу апрѣля шведская армія была стянута ближе

---

¹⁾ Карлсонъ (Slaget vid Poltava, sid. 23) считаетъ причиной неудачи совмѣстныя дѣйствія съ запорожцами: Крузе потерялъ много времени, ожидая прибытія запорожцевъ. Но въ депешѣ датскаго посла Грунда отъ 22-го мая 1709 г. приводится совсѣмъ другое объясненіе. Ренне оставилъ въ покоѣ первыхъ переплывшихъ рѣку запорожцевъ и поставилъ свои войска за лѣсомъ. Крузе не замѣтилъ этого, но какъ только полкъ Гюлленшерны перешелъ черезъ рѣку, тотчасъ послалъ на мостъ артиллерію. Тогда Ренне напалъ на Гюлленшерну, а такъ какъ мостъ былъ запруженъ, нельзя было своевременно подать помощь; Крузе послалъ кавалерію, но когда она протискивалась мимо пушекъ, мостъ сломался. Въ это время полкъ Гюлленшерны и запорожцы понесли тяжкія потери. Такимъ образомъ въ потеряхъ шведовъ виноватъ въ значительной степени самъ Крузе, изъ-за своей неосторожности.

къ Полтавѣ. 25-го и 26-го корпусъ Спарре оставилъ позицію у Лютенки и былъ притянуть къ главной квартирѣ у Будище. 30-го апрѣля этотъ корпусъ былъ двинуть къ Полтавѣ. Артиллерія выступила изъ Опошни къ Полтавѣ 29-го апрѣля.

1-го мая было приступлено къ осаднымъ работамъ подъ этой крѣпостью. 8-го мая произошелъ бой у Опошни — русскіе подъ начальствомъ генераль-маіора Шаумбурга перешли Ворсклу и напали на шведскіе посты. Шведы понесли потери, но когда на мѣсто боя послѣшилъ король съ нѣсколькими полками, русскіе отошли, причемъ тоже понесли потери, атакованные полковникомъ Дюкеромъ. Тѣмъ не менѣе, 9-го мая шведы очистили Опошню, сжѣгши предварительно городъ, и всѣ полки пошли къ Полтавѣ. Главная квартира расположилась 11-го мая въ д. Жуки, около 1 мили отъ Полтавы.

Такимъ образомъ въ это время бѣольшая часть шведской арміи собралась на Ворсклѣ вблизи важнѣйшаго пункта — Полтавы. Но положеніе, безспорно, ухудшилось вслѣдствіе произошедшаго теперь несчастія: въ серединѣ мая русскому отряду, подъ начальствомъ бригадира Яковлева, удалось спуститься по Днѣпру до укрѣпленной столицы запорожцевъ Сѣчи, у Переволочны. Первая атака на Сѣчь была отбита и русскіе отступили, потерявъ нѣсколько сотъ людей; но въ это время на помощь Яковлеву прибылъ другой русскій отрядъ, а защитники Сѣчи были настолько безразсудны, что приняли эти войска за шведовъ или запорожцевъ, вышли изъ укрѣпленія и были тутъ разбиты.

Сѣчь была уничтожена и Яковлевъ сжегъ всѣ суда,

собранныя запорожцами для Карла ¹⁾. Это было почти что повтореніемъ взятія и уничтоженія Батурина. Шведская армія потеряла бывшія въ ея распоряженіи средства для переправы черезъ Днѣпръ, и легко понять, какъ говоритъ Сильтманъ въ своемъ дневникѣ, что при извѣстїи о катастрофѣ въ шведской главной квартирѣ замѣчалась большая растерянность.

Изъ союзниковъ, на которыхъ могъ разсчитывать Карлъ, ведя войну съ Петромъ, самымъ сильнымъ была Турція. Въ близкомъ сосѣдствѣ къ театру военныхъ дѣйствій находился вассаль турецкаго султана, Крымскій ханъ, военными силами котораго никакъ нельзя было пренебрегать. Уже въ Польшѣ, какъ извѣстно, къ Карлу прибылъ посланцемъ турецкій ага и было положено начало дружественнымъ сношеніямъ. Сначала дѣло шло только о торговлѣ, но ага также намекнулъ на возможность политическаго и военнаго сближенія; Карлъ выразилъ намѣреніе послать въ Турцію шведскаго посла и объявилъ, что съ радостью увидитъ все, что султанъ сдѣлаетъ въ пользу Станислава.

Какъ уже упоминалось выше, впоследствии, вступая въ Украйну, Карлъ послалъ въ Константинополь поляковъ хлопотать о полученіи изъ Турціи нѣкоторыхъ военныхъ припасовъ; но это не удалось.

¹⁾ Изъ цитированнаго выше письма Меншикова Сенявскому, а также изъ письма Сенявскому генерала Алларда, отъ 20—30 мая (sic) 1709 г. (въ копїи среди депешъ Іессена изъ Польши, въ Государственномъ Архивѣ въ Копенгагенѣ). Въ дневникѣ Сильтмана говорится, что русскіе взяли въ Сѣчи, между прочимъ, 30 пушекъ и много боевыхъ припасовъ.

31-го марта 1709 г., въ тотъ самый день, когда въ шведской главной квартирѣ получили извѣстіе о переходѣ Гольца черезъ Днѣпръ, направляясь въ Польшу, Карль послалъ румынскаго уроженца полковника Сандула въ Бендеры съ разными порученіями и, между прочимъ съ письмами Пипера и Мазепы къ сераскиру Силистріи и Бендеръ. Въ письмѣ Мазепы заключался обзоръ положенія на театрѣ военныхъ дѣйствій и отчетъ о военныхъ операціяхъ. Сераскиръ былъ тотъ самый, который послалъ турецкаго агу къ Карлу въ Польшу; его считали особенно склоннымъ къ мысли объ участіи Турціи въ войнѣ противъ царя.

Поэтому вполне естественно допустить, что Карль въ настоящее время желалъ завязать съ турками болѣе тѣсныя сношенія, чтобы попытаться побудить ихъ принять активное участіе въ войнѣ. Если турецкое войско и не могло прибыть такъ скоро, то татарскія войска были совсѣмъ близко, и сами по себѣ представляли величину, которой не слѣдовало пренебрегать, какъ русскіе горько убѣдились въ этомъ двумя годами позже.

Въ Турціи же дѣла обстояли такъ. Уже осенью въ 1708 году въ Константинополѣ были враждебно настроены къ русскимъ.

Татары съ давнихъ временъ привыкли получать дань рабами съ береговъ Азовскаго моря. Когда доставленіе дани прекратилось, татары получили позволеніе отъ ихъ турецкаго повелителя силой взять эту дань и снарядили экспедицію. Но она не удалась, и начали говорить, что русскіе тайно помогали мѣстнымъ жителямъ, считая дѣйствія татаръ первой попыткойъ къ обратному завоеванію Азова. Султанъ смѣстилъ непопулярнаго крымскаго хана

Капланъ Гирея и рѣшилъ снова сдѣлать ханомъ его брата Девлетъ Гирея, болѣе воинственнаго и пользовавшагося большимъ уваженіемъ среди турокъ и татаръ. Общественное мнѣніе въ Константинополь было настроено воинственно, и великій визирь Али-паша до нѣкоторой степени долженъ былъ сообразоваться съ этимъ.

Лично Али былъ противъ серьезнаго военнаго предпріятія, такъ какъ при этомъ ему пришлось бы оставить Константинополь, выступивъ въ походъ, а онъ боялся, что его враги за это время овладѣютъ ухомъ султана и свергнутъ визиря.

Лица, болѣе близко знакомыя съ положеніемъ вещей, считали, что Порта сохранить свой нейтралитетъ, если не произойдутъ событія, угрожающія безопасности пограничныхъ областей; но также считали, что если бы великій визирь могъ, не покидая Константинополя, достигнуть нѣкоторыхъ успѣховъ надъ «Государемъ, строящимъ козни противъ Турціи», онъ уступилъ бы настояніямъ лицъ, стремившихся увлечь его ¹⁾.

Между тѣмъ, просьбы Карла изъ Украйны о нѣкоторыхъ военныхъ припасахъ были отклонены. Неудачи Карла въ Сѣверской землѣ и катастрофа съ Батуриномъ произвели немалое впечатлѣніе въ Турціи, и успѣхи царя представлялись еще болѣе значительными, чѣмъ они были въ дѣйствительности, хотя въ то же время ходили слухи о возстаніи въ Россіи. Пожаръ войны все ближе подходилъ къ турецкимъ владѣніямъ и все сильнѣе становились опасенія, что царь нападетъ на нихъ. Въ ян-

---

¹⁾ Деша отъ 29-го ноября 1708 г. венеціанскаго байли Джюстиніани (Государственный Архивъ въ Венеціи).

варѣ 1709 г. началось вооруженіе флота въ Константинопольскомъ арсеналѣ.

Новый Крымскій ханъ прибылъ въ турецкую столицу изъ мѣста своей ссылки, съ острова Хиоса; турецкіе министры совѣщались съ нимъ о мѣрахъ къ охранѣ границъ. Девлетъ Гирею были оказаны великія почести и затѣмъ онъ отбылъ въ свое государство, ведя съ собой изъ Константинополя отрядъ отъ 5 до 6 тысячъ человекъ.

Прибывъ на мѣсто, онъ сталъ посылать Портѣ одно за другимъ безпокойныя извѣстія о вооруженіяхъ русскихъ и о сборѣ ихъ войскъ и вообще выказывалъ очень воинственное настроеніе. Морскія вооруженія на Босфорѣ стали еще болѣе рѣшительными; въ концѣ апрѣля шестнадцать кораблей грузились боевыми и съѣстными припасами для нуждающихся въ нихъ турецкихъ пограничныхъ крѣпостей. Туда, между прочимъ, отправлялось 20 полевыхъ орудій и свыше 60 крѣпостныхъ.

Русскій посоль въ Константинополь, Толстой, очень обезпокоился и дѣлалъ все, что могъ, для успокоенія турокъ; онъ увѣрялъ министровъ султана, что царь не предприметъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій, если только будутъ держать въ уздѣ татарь, и посоль просилъ, чтобы султанъ приказалъ хану не подавать повода къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Но все это не уменьшило недобрѣя къ царю турецкаго правительства ¹⁾.

---

¹⁾ За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ русскій посоль говорилъ венеціанскому, что если только царь раздѣляется со шведами, то ничего онъ такъ не хочетъ, какъ отплатить туркамъ за всѣ испытанныя отъ нихъ обиды. Венеціанскій посоль писалъ также къ себѣ отъ 26-го апрѣля (н. ст.), что царь, какъ только будетъ свободенъ и будетъ имѣть случай, навѣрное, обратитъ свои силы противъ турецкаго государства.

Одновременно съ этимъ царь Петръ предпринялъ одно дѣло, еще болѣе увеличившее опасенія турокъ. Въ концѣ апрѣля онъ спустился изъ Воронежа по Дону въ Азовъ и вышелъ въ Азовское море. Долго простоявъ у берега къ западу отъ Азова, царь 27-го мая отправился прямо черезъ степи и по татарскимъ владѣнiямъ въ Харьковъ и оттуда на театръ военныхъ дѣйствiй. Вѣроятно, царь думалъ этой поѣздкой до нѣкоторой степени импонировать хану и охладить его охоту къ активнымъ дѣйствiямъ, а косвенно повлiять и на турокъ. Но результатъ получился совсѣмъ не тотъ. Въ Константинополѣ были получены всевозможныя извѣстiя о новыхъ успѣхахъ русскихъ въ Украинѣ и одновременно преувеличенные рассказы о выступленiи царя на Азовскомъ морѣ; говорили, что у царя въ этихъ мѣстахъ три дивизiи и что цѣлью его посѣщенiя береговъ Азовскаго моря было заложенiе тамъ новой крѣпости. Это высказывалось и ханомъ, и пашами въ Бендерахъ и Херсонѣ, съ увѣренiями, что намѣренiя царя направлены на турецкiя владѣнiя и нужны немедленныя значительныя подкрѣпленiя и людьми, и военными запасами.

Турецкое правительство было этимъ въ высшей степени обезпокоено, и такъ какъ оно не могло провѣрить правильность донесенiй хана и пашей, то послало къ хану высокаго чиновника, «второго имрахура», т. е. шталмейстера, для подробнаго изученiя положенiя дѣлъ на границѣ. Въ то же время русскiй посоль при Портѣ былъ приглашенъ на конференцію для дачи объясненiй о намѣренiяхъ царя. Онъ не отрицалъ, что на границѣ были приняты нѣкоторыя мѣры, но объявилъ, что это было сдѣлано единственно ради обузданiя татаръ, еже-

минутно угрожавшихъ напасть на русскія владѣнія; царь не начнетъ военныхъ дѣйствій, но если будетъ вынужденъ, то ему придется прибѣгнуть къ силѣ противъ татаръ. Объясненіе носило мирный характеръ, и надо думать, что въ это время царь желалъ сохранить миръ съ Турціей; но турки не успокоились и не желали видѣть для мѣръ русскихъ на границѣ другихъ причинъ, кромѣ подготовки къ открытію военныхъ дѣйствій противъ турецкихъ владѣній.

Посланный имрахуръ оказался того же самаго мнѣнія, какъ ханъ и оба паша, Херсонскій и Бендерскій. Онъ представилъ дѣло такъ же, какъ и ханъ, и объявилъ, что необходимо безотлагательно выслать значительныя подкрѣпленія. Вооруженія въ военной гавани Константинополя были ускорены. Торговья суда, собиравшіяся идти въ Египеть и на Кипръ, были секвестрованы для перевозки войскъ, съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ черезъ Черное море.

Эскадра была приведена въ порядокъ и главному адмиралу приказано быть наготовѣ къ исполненію приказа, который можетъ получиться. Въ разныя части государства были посланы приказанія, чтобы войска были наготовѣ; особенно пашамъ въ Азіи было приказано держать войска въ готовности къ посадкѣ на галеры. Въ Константинополѣ происходилъ выборъ янычаровъ, спаговъ и артиллеристовъ для готовящейся экспедиціи. Въ арсеналѣ отливали пушки и готовили бомбы и другіе военные снаряды. Экспедиція должна была отправиться въ одну изъ гаваней на Черномъ морѣ, чтобы быть здѣсь подъ рукой для будущей кампаніи; и отрядъ этотъ предполагалось постепенно усилить. Начальникомъ экспедиціи

предполагалось назначить губернатора Румилии Измаиль-пашу, бывшего помощника («чая») прежняго визиря Гассана-паши.

Эти приготовления вызвали большое возбужденіе въ Константинополѣ, хотя правительство старалось, какъ только могло, скрывать ихъ отъ общества. Точно также пытались успокоить русскаго посла. Онъ былъ приглашенъ на совѣщаніе съ реисъ-эфенди и при этомъ его старались убѣдить, что всѣ приготовления дѣлались съ цѣлью удержать въ повиновеніи воинственныхъ татаръ; эти увѣренія не показались особенно убѣдительными царскому послу.

Ханъ былъ особенно склоненъ къ активнымъ дѣйствіямъ и присланный къ нему имрахуръ, повидимому, совершенно подпалъ подъ его вліяніе. Онъ посылалъ въ Константинополь чрезвычайно тревожныя донесенія. Въ нихъ говорилось, что значительныя силы должны быть немедленно высланы для обезпеченія Бендеръ и Херсона противъ нападенія русскихъ, и затѣмъ, что русскіе уже вторглись въ турецкія владѣнія, чтобы овладѣть однимъ городомъ, который иначе, по увѣренію русскихъ, займутъ шведы или татары. При такихъ обстоятельствахъ все болѣе торопились со снаряженіемъ имѣющей быть посланной экспедиціи, хотя при этомъ старались всячески избѣгать привлеченія вниманія сборомъ людей и запасовъ въ одно мѣсто.

Въ это время произошли другія событія, увеличившія заботы Порты.

Въ Константинополѣ рассказывали, и вѣрили этому, что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ заключеніе мира между Франціей и ея врагами; такимъ образомъ

Австрія освободится отъ своей войны съ Франціей, между тѣмъ именно эта война обезпечивала безопасность Турціи на берегахъ Дуная. Поэтому Порты тѣмъ болѣе была заинтересована, чтобы и Россія не развязала себѣ рукъ, и Турція горячо желала продолженія борьбы Карла съ царемъ.

До Константинополя дошли слухи, что Карль настойчиво хочетъ мира, и венеціанскій посоль, передавая разговоры объ этомъ, писалъ, что турецкіе министры полагали, что если состоится русско-шведскій миръ, то за нимъ неизбѣжно послѣдуетъ война между Турціей и царемъ Петромъ.

Съ этими воззрѣніями и съ политикою турецкаго правительства согласуется и отвѣтъ, данный сераскиромъ въ Силистріи и Бендерахъ на переданное ему полковникомъ Сандуломъ письмо.

Содержаніе отвѣта слѣдующее ¹⁾: сераскиръ не могъ отвѣтить раньше, такъ какъ долженъ былъ дождаться указаній отъ Порты. Теперь эти указанія получены. Порты съ удовольствіемъ соглашается на желаніе Карла отправить шведскаго посла въ Константинополь.

Сераскиръ окажетъ содѣйствіе къ его скорѣйшему прибытію и, съ своей стороны, проситъ о его посылкѣ. Сераскиръ надѣется, что дружба между королемъ и султаномъ будетъ чрезвычайно полезна, и проситъ Пипера не медлить съ заключеніемъ дружественнаго договора, потому что теперь время для этого особенно благоприятно. Относительно помощи шведамъ со стороны татаръ сераскиръ, по его словамъ, не получилъ отъ Порты

---

¹⁾ Напечатано у Нордберга.

никакихъ приказаній, но на основаніи завязавшейся дружбы дать нѣкоторыя полезныя указанія. Если Порта должна оказать королю помощь, то прежде всего необходимо послать въ Константинополь шведскаго посла и договориться объ этомъ; затѣмъ король долженъ дать сераскиру и хану торжественное обѣщаніе не заключать мира съ царемъ безъ вѣдома султана. Если такъ будетъ сдѣлано и шведскій посоль заключить въ Константинополь союзъ между королемъ и султаномъ, то сераскиръ надѣется, что Порта, подъ вліяніемъ его и хана, согласится послать татарское войско на помощь шведамъ. Если ранѣ заключенія шведско-турецкаго союза будетъ приступлено къ переговорамъ о мирѣ между королемъ и царемъ, то все-таки было бы чрезвычайно желательно не заключать мира безъ вѣдома султана; хотя между Турціей и Швеціей еще не заключено трактата, но Порта все-таки считаетъ Швецію своимъ другомъ, вслѣдствіе сношеній сераскира со шведской главной квартирой.

Это письмо было доставлено въ шведскую главную квартиру 22-го іюня. Оно давало понятіе о политикѣ турецкаго правительства—съ одной стороны, Портѣ не хотѣлось выступать активно; съ другой, она была склонна войти въ болѣе близкія сношенія съ Карломъ и прежде всего желала бы, чтобы онъ не заключалъ мира съ царемъ, а былъ бы въ состояніи продолжать борьбу. Въ согласіи съ такимъ выжидательнымъ положеніемъ, Порта постоянно распространяла слухи, что цѣлью снаряжаемой экспедиціи является лишь наблюденіе за движеніями русскихъ, и къ активнымъ дѣйствіямъ она приступитъ лишь, если будутъ нарушены турецкія границы.

Но вопросъ былъ въ томъ, можетъ ли вообще Порты при данныхъ обстоятельствахъ свободно выбирать между войной и миромъ, или положеніе на берегахъ Чернаго моря таково, что дѣйствительное разрѣшеніе его находится фактически въ другихъ рукахъ. Уже говорилось, какое сильное вліяніе на настроеніе Порты и принимаемая ею мѣры оказывалъ Девлетъ-Гирей. Хорошо знакомый съ восточными дѣлами венеціанскій посолъ Джюстиніани, конечно, совершенно вѣрно оцѣнивалъ положеніе, когда писалъ домой, что татары горятъ нетерпѣніемъ начать войну, и становится трудно сдерживать ихъ, чтобы они не увлекли за собой Порту, потому что ясно, что война неизбежна, если русскія войска двинутся впередъ для отраженія нападенія татаръ ¹⁾.

20-го марта, слѣдовательно, въ то самое время, какъ начались переговоры о присоединеніи къ Карлу запорожцевъ, король отправилъ съ запорожскимъ посломъ письмо къ хану ²⁾, и въ этомъ письмѣ рѣчь шла, вѣроятно, объ установленіи сношеній между шведами и татарами; отправка письма находилась въ связи съ начатой въ концѣ мѣсяца перепиской съ Бендерскимъ сераскиромъ.

16-го мая въ шведскую главную квартиру прибыли два татарскихъ полковника. Имъ было поручено ханомъ поставить условіемъ заключенія союза принятіе четырехъ пунктовъ, одинъ изъ которыхъ гласилъ, что Карлъ не

---

¹⁾ Свѣдѣнія о турецкихъ дѣлахъ основываются главнымъ образомъ на донесеніяхъ изъ Константинополя венеціанскаго посла (Государственный Архивъ въ Венеціи).

²⁾ Дневникъ Сильмана (Karolinska krigares dagböcker, utg af Quennerstedt, III, 298).

долженъ заключать сепаратнаго мира съ царемъ¹⁾. Затѣмъ татарскіе полковники сообщили, что въ шведскую главную квартиру ѣдетъ великое татарское посольство, и просили выслать навстрѣчу конвой. Это было исполнено и былъ посланъ подполковникъ Сильверьельмъ съ 500 шведовъ и 2.000 запорожцевъ; но движенію помѣшали занявшіе дорогу русскіе отряды, и 24-го мая Сильверьельмъ вернулся въ главную квартиру, не выполнивъ порученія. Но Девлетъ-Гирей, съ своей стороны, выступилъ въ походъ, какъ объ этомъ ясно свидѣлствуютъ записи Сильтмана. Онъ говоритъ, что въ самый день возвращенія Сильверьельма въ главную квартиру прибылъ русскій перебѣжчикъ, рассказывавшій, что русскіе одержали побѣду надъ татарами, идущими сюда походомъ.

А 29-го мая Сильтманъ записываетъ, что получено извѣстіе, что татары дѣйствительно перешли черезъ Днѣпръ, и ожидается прибытіе ихъ къ шведамъ въ теченіе восьми дней.

Однако, въ ближайшіе дни о татарахъ ничего не было слышно; но 22-го іюня, одновременно съ полученіемъ Карломъ письма сераскира, доставленнаго полковникомъ Сандуломъ и прибывшимъ изъ Польши секретаремъ Клинокстрёмомъ, черезъ Кобеляки въ шведскую главную квартиру прибыла татарская депутація. Въ нее

---

¹⁾ Дневникъ Сильтмана, III, 314. Татары желали принятія такихъ же 4-хъ пунктовъ, какіе были включены въ договоръ съ запорожцами; важнѣйшимъ запорожцы считали, чтобы „король не заключалъ мира съ царемъ раньше, чѣмъ запорожцы снова получатъ свою прежнюю свободу и будутъ зависѣть не отъ Москвы, а отъ Польской Республики“.

входили начальникъ ханской гвардіи и другіе высшіе татарскіе офицеры. Они передали письмо хана, гдѣ говорилось, что татары готовы выступить въ поле противъ русскихъ, но русскіе сообщили имъ, что Карль три раза подъ рядъ просилъ царя о мирѣ, и теперь миръ заключенъ, причемъ Карль посватался къ сестрѣ царя. Кромѣ того, царскіе министры предложили хану большія денежныя суммы, чтобы удержать его отъ участія въ дѣйствіяхъ Карла и убѣдить перейти на русскую сторону; но ханъ, ради великой любви къ королю, отказался слушать русскія увѣщанія и готовъ рискнуть на все вмѣстѣ съ Карломъ ¹⁾).

Письмо это подтверждаетъ замѣтки Сильтмана. Во второй половинѣ іюня татары шли къ Украинскому театру войны, что подтверждается точными данными: въ 1710 году посланный Карломъ къ хану подполковникъ Свенъ Лагербергъ пишетъ въ своемъ дневникѣ объ одномъ разговорѣ съ Девлетъ Гиреемъ ²⁾):

«Я напомнилъ, что въ прошломъ году ханъ точно также шелъ къ Полтавѣ безъ разрѣшенія императора (султана); тогда онъ отвѣтилъ, что имѣлъ на это разрѣшеніе императора, а когда выступилъ въ походъ, получилъ контръ-приказанія».

Очевидно, эти контръ-приказанія были вызваны чрезвычайно сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ Константинополѣ извѣстіемъ объ окончательной катастрофѣ со шведами въ Украинѣ. Изъ донесеній венеціанскаго

¹⁾ Adlerfelt: Histoire militaire de Charles XII. III, 459.

²⁾ Sven Lagerbergs dagbok under vistelsen hos tartar-chani Dawlet-Gherey 1710—1711 (Дневникъ Свена Лагерберга, вельный въ время пребыванія у татарскаго хана Девлетъ-Гирей), стр. 23-я.

посла совершенно ясно видно, что послѣ Полтавской битвы турки начали слишкомъ преувеличивать военное могущество Петра.

Такимъ образомъ представляется въ высшей степени вѣроятнымъ, что въ іюнѣ 1709 года предстояло скорое соединеніе шведскихъ и татарскихъ войскъ ¹⁾.

Не слѣдуетъ слишкомъ низко оцѣнивать боевыя достоинства татаръ—событія 1711 года показываютъ, что, даже дѣйствуя самостоятельно, татары могли причинять русскимъ много вреда; легко представить себѣ, что было бы, если бы въ 1709 году полчища татарской конницы выступили вмѣстѣ съ арміей Карла противъ русской арміи, кавалерія которой была значительно ослаблена предыдущимъ тяжелымъ походомъ. Но главное, столкновение татаръ съ русскими войсками сдѣлало бы неизбежной русско-турецкую войну, согласно исполнѣ правильной оцѣнкѣ венеціанскаго посла, а чрезъ это весь восточно-европейскій вопросъ вступилъ бы въ новый фазисъ, гораздо болѣе благопріятный Карлу. Поэтому не будетъ слишкомъ смѣлымъ утвержденіе, что, повидимому, приближался переломъ войны и положеніе Карла въ Украинѣ далеко не было безнадежнымъ.

На фонѣ всѣхъ этихъ данныхъ дѣйствія Карла въ Украинѣ весной 1709 года представляются въ совершенно особомъ свѣтѣ. Они не имѣютъ никакого непо-

---

¹⁾ 3-го іюля (23 іюня по шведскому стилю). Сильтманъ писалъ своему двору о письмѣ сераскира и хана, добавивъ: „und vermuthet man anjetzo dass die Tartaren bald anhero zu der Königl. schwed. Armee stossen werden“ (Государственный Архивъ въ Берлинѣ) („и теперь ожидаютъ, что татары скоро придутъ сюда къ королевской шведской арміи“).

средственно наступательнаго характера, являясь выжидательными. Не пытаюсь возобновить вторженіе въ глубину Россіи, не пытаюсь двинуться противъ арміи Шереметева на Пслѣ, король остается у центральнаго пункта на Ворсклѣ.

Полтава была важнымъ узломъ дорогъ. Если бы, наконецъ, прибыли шведско-польскія войска короля Станислава и Крассау, стоявшаго еще при отъѣздѣ Клинокстрѣма во Львовѣ, то изъ Полтавы можно бы было подать имъ помощь, если бы они направились прямо черезъ Днѣпръ, а если бы они пошли на Псіюль, то по южной украинской поперечной дорогѣ на Миргородъ и Переяславль можно бы двинуться противъ Шереметева, отгнать его и освободить путь для подхода подкрѣпленій. Точно также Полтава была удобнымъ исходнымъ пунктомъ для операцій, имѣвшихъ въ виду установленіе связи съ новымъ союзникомъ, татарами.

Въ началѣ мая вся армія была, вообще говоря, стянута къ Полтавѣ, занявъ отдѣльными отрядами нижнее теченіе Ворсклы, и было приступлено къ осаднымъ работамъ. Заслуживаетъ вниманія, что работы эти велись безъ особой энергіи, словно Карлъ совсѣмъ не имѣлъ серьезнаго намѣренія немедленно овладѣть крѣпостью. *Эристъ Карлсонъ* высказываетъ предположеніе, что операціями противъ Полтавы король желалъ укрѣпить свой союзъ съ запорожцами, а также надѣялся окончательно привлечь на свою сторону татаръ и мало-по-малу дожидаться, можетъ быть, подкрѣпленій изъ Польши ¹⁾. Безъ

1) *E. Carlson: Slaget vid Poltava, sid. 22.*

сомнѣнія, поводы къ осадѣ Полтавы надо искать въ этомъ направленіи. Карль, можетъ быть, хотѣлъ приковать вниманіе русскихъ къ крѣпости и къ операціямъ противъ нея, желая выиграть время для осуществленія новыхъ комбинацій и для прибытія подкрѣпленій, т. е. вообще для созрѣванія своихъ плановъ. На это совершенно ясно указываютъ нѣкоторые разговоры въ главной квартирѣ.

Въ разговорѣ съ Юлленкрукомъ совѣтникъ Гермелинъ сказалъ, что не думаетъ, чтобы русскіе рискнули на баталію, и что и для шведской арміи лучше всего не отваживаться на нее, пока не придутъ войска короля Станислава¹⁾. Фельдмаршалъ Реншѣльдъ, разговаривая съ Юлленкрукомъ, на вопросъ объ осадѣ Полтавы отвѣтилъ извѣстными словами: «король хочетъ имѣть *amusement*, пока подойдетъ король Станиславъ», на что Юлленкрукъ возразилъ, что это «дорогое развлеченіе» и что король могъ бы «получить лучшее *amusement*»²⁾. Несомнѣнно, Юлленкрукъ и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, не понималъ того, что ему говорилось. Для всѣхъ; знакомыхъ съ военнымъ языкомъ той эпохи, ясно, что Реншѣльдъ употребилъ слово *amusement* въ смыслѣ *демонстраціи*, для обмана противника. Туре Бѣлке въ своихъ «*Воспоминаніяхъ о Карлѣ XII-мъ*» на стр. 68 также говоритъ, что одной изъ причинъ осады Полтавы было желаніе короля «*amuser l'ennemi*».

Въ концѣ мая получилась новая обстановка на театрѣ военныхъ дѣйствій—отрядъ фельдмаршала Шереметева

1) Разсказъ Юлленкрука, стр. 78.

2) Разсказъ Юлленкрука, стр. 97.

перешелъ съ Псла на Ворсклу. 27-го русскія части соединились и заняли позицію противъ Полтавы на другомъ берегу Ворсклы, гдѣ укрѣпились. Такимъ образомъ русская армія болѣе не стояла на прямой коммуникаціонной линіи Карла съ Польшей, но вся цѣликомъ перешла на другую сторону, на коммуникаціонную линію шведовъ съ татарами. Слѣдуетъ отмѣтить, что соединеніе Шереметева съ отрядами на Ворсклѣ произошло какъ разъ въ то время, когда въ шведскомъ лагерѣ считали, что татары идутъ и уже переправились черезъ Днѣпръ ¹⁾). 5-го іюня къ арміи прибылъ самъ царь Петръ.

Что Карлъ не пожелалъ при такихъ обстоятельствахъ прекратить осаду и отступить, это понятно. Юлленкругъ рассказываетъ, что въ разговорѣ съ Пиперомъ онъ предлагалъ, чтобы король снялъ осаду и отвелъ армію къ Лубнамъ, т. е. къ той переправѣ на р. Сулѣ, гдѣ проходитъ дорога Миргородъ—Переяславль—Кіевъ. Сами по себѣ Лубны, были безъ сомнѣнія, хорошей и легко обороняемой позиціей передъ Днѣпромъ ²⁾), но отступленіе туда весьма удалило бы шведскую армію отъ татаръ и этимъ затруднило бы возможное съ ними соединеніе.

Итакъ, шведы продолжали стоять подъ Полтавой, отдѣливъ небольшіе отряды внизъ по Ворсклѣ. Изъ своей укрѣпленной позиціи на другомъ берегу рѣки русскіе пытались беспокоить противника, а также пробовали войти въ сношеніе и подать помощь осажденной крѣпости. Для Карла, конечно, было очень важно помѣшать этому, и онъ тщательно охранялъ мѣстность вдоль Ворсклы.

¹⁾ Дневникъ Сильтмана, III, 318.

²⁾ И направо, и налѣво отъ Лубенъ фланги прикрыты болотами вдоль рѣки.

Во время одной стычки здѣсь произошло великое несчастіе для шведовъ: 17-го іюня Карлъ былъ раненъ пулей въ ногу и это помѣшало ему также энергично, какъ раньше, выполнять обязанности главнокомандующаго.

16-го іюня русскій отрядъ перешелъ черезъ Ворсклу выше Полтавы у Петровки. Фельдмаршалъ Реншѣльдъ со значительной частью арміи двинулся на врага, который уже началъ возводить укрѣпленія, но предстоявшая атака была отмѣнена, такъ какъ Реншѣльдъ получилъ извѣстіе, что король раненъ, и такимъ образомъ былъ упущенъ случай нанести русскимъ потери. 19-го іюня шведская армія еще тѣснѣе собралась къ Полтавѣ. Это, конечно, указываетъ, что со шведской стороны считали сраженіе вѣроятнымъ; царь тоже принялъ мѣры, подготовлявшія развязку.

Оставивъ позицію противъ Полтавы, онъ продвинулся выше по рѣкѣ и 21-го іюня у Петровки перешелъ на правый берегъ. Это обозначало, что царь былъ готовъ принять сраженіе.

Эрнстъ Карлсонъ ¹⁾ считаетъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что царь потому принялъ рѣшеніе перейти Ворсклу и дать сраженіе, что узналъ о ранѣ Карла. Еще 16-го іюня на военномъ совѣтѣ у Петра считали слишкомъ опаснымъ отважиться на бой, но 17-го, т. е. послѣ того, какъ король былъ раненъ во время стычки на берегу рѣки, былъ собранъ большой военный совѣтъ и рѣшено дать генеральное сраженіе, и лишь послѣ этого русскіе серьезно приступили къ переходу черезъ рѣку ²⁾.

¹⁾ Slaget vid Poltava, примѣч. 35.

²⁾ Петръ въ своемъ журналѣ говоритъ, что въ русской глав-

Русское войско сначала расположилось у села Семеновки и укрѣпило здѣсь свой лагерь; черезъ нѣсколько дней оно подошло ближе и 26-го стало у д. Яковцы, въ немногихъ километрахъ отъ Полтавы. И здѣсь русскіе укрѣпили свой лагерь и заложили множество редутовъ въ мѣстности, откуда можно было ждать атаки шведовъ. За лагерьемъ протекала Ворскла подъ очень крутымъ прибрежнымъ обрывомъ, между подножіемъ котораго и рѣкой тянулось болото. Правѣй русскаго лагеря была глубокая балка, такъ называемый Большой Оврагъ; направленіе его было почти перпендикулярно къ Ворсклѣ.

Нельзя сказать, чтобы позиція для русской арміи была избрана во всѣхъ смыслахъ цѣлесообразно. Вообще говоря, давать сраженіе, — а особенно оборонительное, какъ въ данномъ случаѣ — тыломъ къ рѣкѣ чрезвычайно рискованно, и самое тяжкое пораженіе въ русской военной исторіи, у Фридланда 14-го іюня 1807 года, въ значительной степени вызвано этой причиною. При всемъ уваженіи къ успѣхамъ, сдѣланнымъ русской арміей подъ начальствомъ Петра, слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что до

ной квартирѣ лишь 26-го іюня узнали, что Карлъ раненъ, и описываетъ это происшествіе, будто бы послѣ перехода русскихъ черезъ рѣку Карлъ рекогносцировалъ ихъ лагерь и при этомъ, сойдя съ коня, былъ раненъ пулей въ ногу. Это описаніе само по себѣ невѣрно, а въ *Histoire militaire* Адлерфельта, носящей въ этомъ мѣстѣ характеръ замѣтокъ въ дневникѣ сдѣланныхъ въ самый день событія, рассказывается, что 21 го іюня русскій дезертиръ говорилъ, что 19-го царь, въ присутствіи многихъ, сказалъ генералу Бауеру, что шведскій король раненъ въ ногу. Такимъ образомъ представляется правдоподобнымъ, что царь не желалъ показать, насколько въ дѣйствительности онъ чувствовалъ почтеніе къ Карлу, какъ къ полководцу.

сихъ поръ ей въ большинствѣ случаевъ приходилось отступать при нападеніяхъ шведовъ, и едва ли возможно допустить, чтобы и теперь царь Петръ не считалъ себя обязаннымъ имѣть въ виду такой исходъ. А въ такомъ случаѣ избранная имъ позиція имѣла большія неудобства: путь отступленія русскихъ былъ неудобенъ и затруднителенъ. Съ одной стороны, въ тылу была Ворскла съ ея трудно-проходимыми берегами, съ другой—въ случаѣ отступленія на сѣверъ—приходилось переходить большой оврагъ. Расположеніе русской арміи тыломъ къ Ворсклѣ до нѣкоторой степени напоминаетъ другую позицію, выбранную царемъ при подобномъ случаѣ позже и оказавшуюся роковой—*позицію на Прутѣ въ іюль 1711 года*.

Заслуживаетъ вниманія, что со шведской стороны не было сдѣлано никакихъ энергичныхъ попытокъ помѣшать русскимъ перейти Ворсклу, несмотря на то, что прежде шведы зорко слѣдили за всѣми попытками русскихъ войти въ сношенія съ крѣпостью съ ихъ прежней позиціи. Возможно, что король уже не могъ съ прежней энергіей лично руководить всѣми дѣйствіями своей арміи, а несчастіе съ королемъ подѣйствовало удручающе и на энергію Реншѣльда. Но можно также высказать и другую гипотезу: можно ли думать, что Карлу ужъ такъ не хотѣлось нанести ударъ врагу, стоявшему на позиціи, съ которой почти не было возможности отступить?

22-го іюня шведская армія выступила и заняла боевую позицію впереди Полтавы, но не двинулась въ атаку, а сохраняла выжидательное положеніе, и такъ какъ русскіе не наступали, то шведы вернулись обратно и расположились въ другомъ мѣстѣ.

Въ это время русская армія, вся цѣликомъ, была на

правомъ берегу Ворсклы еще меньше сутокъ и едва ли успѣла настолько усилить свои укрѣпленія, чтобы шведамъ было невозможно атаковать ихъ. Цѣлью шведскаго маневра являлась, можетъ быть, попытка заманить русскихъ дальше внизъ по Ворсклѣ, дальше отъ мѣста первой переправы?

Всѣ эти вопросы можно ставить, но современное состояніе историческихъ изысканій, повидимому, не позволяетъ дать на нихъ какой-либо точный отвѣтъ, и въ настоящее время нельзя идти дальше гипотезъ ¹⁾.

Оцѣнка обстановки непосредственно передъ Полтавскимъ боемъ и мѣръ, принятыхъ въ эти дни, естественно, обуславливается въ существеннѣйшей степени взглядами на большіе или меньшіе шансы шведской арміи одержать побѣду. Наиболѣе ходячимъ въ настоящее время историческимъ взглядомъ надо признать безъ сомнѣнія тотъ, что шведская армія была въ высшей степени критическомъ положеніи и бой являлся почти безпадежной попыткой найти выходъ изъ отчаянной обстановки. Однако, можно задаться вопросомъ, является ли такой взглядъ правильнымъ, и, прежде всего, представлялась ли обстановка шведскимъ начальникамъ столь мрачной?

Позиція русской арміи у д. Яковцы была выбрана не особенно удачно и, какъ сказано выше, обладала неудобствами для защиты. Русскіе заняли ее 26-го іюня,

---

¹⁾ Можно, однако, замѣтить, что именно въ этотъ день прибылы послы хана съ извѣстіемъ о его готовности присоединиться къ Карлу. Если же ждали прибытія татаръ, то, очевидно, было важно завлечь русскихъ на такую позицію, откуда они возможно меньше могли бы беспокоить вступающихъ татаръ или мѣшать ихъ движенію.

и шведы едва ли могли думать, чтобы въ теченіе этого и слѣдующаго дней позицію эту можно было сдѣлать столь необычайно сильной.

Вопросъ о численности обѣихъ армій имѣетъ, конечно, величайшее значеніе. Въ шведской арміи, не считая казаковъ и запорожцевъ, было свыше 20.000 человекъ, изъ которыхъ способныхъ къ бою можно считать 18.000.

Въ русской арміи (по шведской оцѣнкѣ) было не болѣе 34.800 человекъ пѣхоты, среди которыхъ было много новобранцевъ, и около 10.000 человекъ кавалеріи. Левенгауптъ въ своемъ разсказѣ ¹⁾ о Полтавѣ считаетъ, что въ рѣшительномъ бою въ боевой линіи противъ шведовъ стояло 22.000 русской пѣхоты и, кромѣ того, 10.000 занимали полевые укрѣпленія. Свѣдѣнія эти заимствованы Левенгауптомъ изъ разговоровъ русскихъ генераловъ и офицеровъ. Послѣ боя царь могъ послать преслѣдовать отступающихъ шведовъ лишь 9.000 кавалеріи, а въ виду общепризнаннаго въ тѣ времена качественнаго превосходства шведской кавалеріи надъ русской, Петръ, конечно, выслалъ все, что могъ.

Вообще же всю русскую армію можно считать приблизительно въ 45.000. У шведовъ въ день боя были отдѣлены отряды для наблюденія за крѣпостью, для охраны обозовъ и для занятія нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ по нижней Ворсклѣ, такъ что вся боевая часть шведской арміи въ день Полтавы состояла приблизительно изъ 13.000 человекъ, въ томъ числѣ 6.000 пѣхоты и 7.000 конницы.

---

¹⁾ Enväldets skadliga påföljder, стр. 362.

Такимъ образомъ армія царя была въ три слишкомъ раза сильнѣе арміи Карла, и особенно велика была разница въ численности пѣхоты. Что касается кавалеріи, то шведская, безъ всякаго сомнѣнія, настолько превосходила качественно русскую, что 7.000 шведовъ могли считаться стоящими не меньше 10.000 русскихъ. Въ теченіе кампаніи шведская кавалерія много разъ побѣждала и разсѣивала значительно превосходившаго ее по численности противника (послѣдній разъ при Краснокутскѣ—Городномѣ) и почти не было примѣровъ, когда русская кавалерія могла что-либо подѣлать противъ шведской, несмотря на численное свое превосходство ¹⁾. Для шведскихъ начальниковъ подъ Полтавой должно было представляться наиболѣе вѣроятнымъ, что шведская кавалерія безъ большого труда опрокинетъ столь незначительно превосходящую ее по числу русскую; а разъ это случится, то, конечно, затѣмъ боевой порядокъ русской пѣхоты, лишенный прикрытія фланговъ, будетъ настолько въ опасномъ положеніи, что этимъ до нѣкоторой степени уравнивается численное неравенство обѣихъ армій.

Слабой стороной шведовъ являлось плохое качество боевыхъ припасовъ, потому что порохъ былъ подмоченъ и послѣ просушки дѣйствовалъ слабо. Въ историческихъ

---

¹⁾ Датскій посланникъ считалъ главной причиной постоянныхъ поражений русской кавалеріи, что ея лошади не могли быть правильно выѣзжены, а всадниковъ нельзя было отучить рубить шпагами (вмѣсто того, чтобы колоть); вслѣдствіе этого эскадроны не могли удерживать сомкнутый строй, но разбивались и разсѣивались тѣсно сомкнутыми шведскими, гдѣ всадники всегда кололи шпагами.

описаніяхъ боя при Полтавѣ этому обстоятельству придавали большое значеніе.

Однако, надо замѣтить, что дурныя качества пороха не особенно много значили для кавалеріи, потому что Карль XII-й, какъ позже Фридрихъ II-й прусскій, не позволялъ кавалеріи ввязываться въ стрѣлковый бой на дальней дистанціи или вообще употреблять въ бою карабинъ, а требовалъ атаки холоднымъ оружіемъ и возможно стремительнымъ аллюромъ. Эта тактика составляла силу кавалеріи Карла и доставила ей много величайшихъ триумфовъ. Для пѣхоты же, конечно, качества пороха имѣли очень большое значеніе, но Левенгауптъ въ своемъ разсказѣ, упомянувъ о дурномъ порохѣ, не приписываетъ пораженія этой причинѣ; онъ говоритъ, что лѣвый флангъ шведской пѣхоты безъ выстрѣла опрокинулъ противника, обратившагося въ бѣгство, раньше чѣмъ шведы успѣли дать хоть одинъ залпъ, и продолжавшаго бѣгство, хотя залпы шведовъ производили ничтожное дѣйствіе; согласно Левенгаупту, катастрофа произошла потому, что лѣвое крыло шведской пѣхоты не было поддержано кавалеріей и затѣмъ само было взято во флангъ противникомъ.

Съ точки зрѣнія позднѣйшаго времени, важнѣйшимъ преимуществомъ русскихъ было, что у царя было 72 орудія, между тѣмъ какъ у шведовъ артиллерія совсѣмъ не была введена въ дѣло, по недостатку боевыхъ припасовъ. Но Карль, со своей точки зрѣнія, могъ и не придавать такого значенія артиллеріи, какое ей могли придать позже. Въ бояхъ на восточно-европейскомъ театрѣ полевая артиллерія до сихъ поръ не имѣла такого значенія, какое получила позже. Подъ Клишовымъ Карль

безъ артиллеріи побѣдилъ армію изъ западно-европейскихъ войскъ, по крайней мѣрѣ, въ два съ половиной раза болѣе сильную, чѣмъ шведы, и снабженную 48 пушками, которыя всѣ достались шведамъ. У Фрауштадта Реншѣльдъ, также безъ артиллеріи, побѣдилъ вдвое болѣе сильное войско, съ 31 пушкой, расположенной противъ фронта шведовъ; всѣ эти пушки были взяты шведами.

Принимая все это во вниманіе, мы не имѣемъ права сказать, что атака шведской арміи на русскую была лишь попыткой выйти изъ отчаяннаго положенія и не имѣла шансовъ на успѣхъ; еще менѣе имѣемъ мы права считать, что для Карла и шведскихъ начальниковъ положеніе должно было представляться почти безнадежнымъ.

Высказывался также взглядъ, что даже если бы сраженіе подъ Полтавой окончилось побѣдой шведовъ, то, во всякомъ случаѣ, положеніе въ Украинѣ Карла и его арміи оставалось бы безнадежнымъ. Разумѣется, невозможно сказать, какъ сложилась бы и развивалась обстановка, *если бы* произошло извѣстное, опредѣленное событіе, и размышленія объ этомъ имѣютъ ничтожную цѣнность, но позволительно утверждать, что шведская побѣда повлекла бы за собой уничтоженіе, или по крайней мѣрѣ, значительное ослабленіе и безъ того сравнительно слабой русской кавалеріи, и очень сомнительно, чтобы царь, даже сохранивъ большую часть пѣхоты, рѣшился оставаться въ Украинѣ, въ виду возможности присоединенія къ шведамъ полчищъ всадниковъ крымскаго хана. А отступленіе царя въ московскіе предѣлы не осталось бы безъ вліянія на положеніе дѣлъ въ Польшѣ.

Въ задачу настоящаго труда не входитъ подробное описаніе самыхъ боевъ во время русскаго похода Карла XII-го. Поэтому не будутъ подробно разсматриваться тактическія дѣйствія въ бою подъ Полтавой. Но надо сказать нѣсколько словъ о причинахъ, обратившихъ сраженіе въ разгромъ шведской арміи. Главныхъ причинъ было три.

При наступленіи шведской арміи противъ русскихъ редутовъ, защищавшихъ подступы къ русскому лагерю, не вся шведская армія цѣликомъ прошла сквозъ редуты или мимо ихъ, но шесть батальоновъ, подъ командой генераль-маіора Рооса, ввязались въ попытку овладѣть нѣкоторыми редутами. Отрядъ Рооса, такимъ образомъ отдѣлился отъ прочей арміи и при атакѣ превосходными силами русскихъ понесъ ужасныя потери, былъ отброшенъ назадъ и, въ концѣ концовъ, принужденъ сдаться.

Такимъ образомъ, когда началась самая битва, шведская пѣхота была значительно ослаблена отдѣленіемъ колонны Рооса.

Въ кавалерійскомъ бою, впереди и къ западу отъ русскаго лагеря, открывшемъ начало генеральнаго сраженія, шведы, какъ всегда въ кавалерійскихъ бояхъ этого похода, одержали рѣшительный успѣхъ и неудержимо гнали передъ собою русскіе эскадроны къ сѣверу по направленію къ большому оврагу съ обрывистыми краями. Надо было лишь продолжать преслѣдованіе на протяженіи еще нѣсколькихъ сотъ шаговъ — и русская кавалерія была бы сброшена въ оврагъ, откуда ей не было возврата. А это означало бы, что вся кавалерія царя сразу выводилась бы изъ боя и русской пѣхотѣ пришлось бы одной, безъ помощи кавалеріи, продол-

жать бой. Рѣшились ли бы на это русскіе? На основаніи точныхъ данныхъ, на это можно отвѣтить лишь отрицательно.

Коль говорить ¹⁾, что русская пѣхота была такъ испугана бѣгствомъ кавалеріи, что обозы были тотчасъ запряжены, въ виду возможнаго отступленія всей арміи. Въ томъ же смыслѣ, но еще болѣе рѣшительно говорить Левенгауптъ, указывая, что нѣкоторые русскіе полки уже отошли за рѣку, и что если бы пѣхота шведскаго праваго крыла продолжала тѣснить русскихъ и при этомъ была бы поддержана кавалеріей на флангахъ, то «врагъ совершенно былъ бы отброшенъ нами за рѣку».

Трудно представить себѣ всѣ послѣдствія, но совершенно невольно напрашивается сравненіе съ другимъ сраженіемъ въ ту же сѣверную войну—подъ *Нарвой*. Тамъ также русская кавалерія была разбита и прогнана, послѣ чего пѣхота частью была сброшена въ рѣку или взята въ плѣнъ, частью была отрѣзана въ ея вагенбургѣ ²⁾.

Но когда до края оврага оставалось всего нѣсколько сотъ шаговъ, случилось нѣчто невѣроятное и роковое: *Реншѣльдъ велѣлъ протрубить отбой и отозвалъ назадъ кавалерію*. Преслѣдованіе такимъ образомъ прекратилось, русскимъ было дано время собраться и устроиться и снова продолжать бой. Эту ужасную ошибку Реншѣльда нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что онъ недостаточно внимательно рекогносцировалъ мѣстность и не зналъ о мѣстоположеніи большого оврага.

¹⁾ *Kohl. Reisen im Inneren von Russland und Pohlen*, II, 329.

²⁾ Стилле, повидимому, забываетъ, что и русская армія, и царь Петръ кой-чему научились послѣ Нарвы и теперь справиться съ ними было не такъ легко.

Прим. перевод.

Когда, наконецъ, такъ былъ начатъ бой, послѣдній и рѣшительный въ эту кампанію, послѣдствіемъ новой ошибки явилось третье несчастіе.

Вмѣсто того, чтобы поставить кавалерію такъ, чтобы она могла тотчасъ дѣйствовать совмѣстно съ пѣхотой и прикрывать ея фланги, *фельдмаршалъ приказалъ эскадронамъ столтиться за линіями пѣхоты.*

Левенгауптъ говорить, что его рѣзнуло по сердцу, когда онъ увидѣлъ такое расположеніе. Далѣе Левенгауптъ сообщаетъ, что, несмотря на превосходство силъ русскихъ и ихъ сильный артиллерійскій огонь, правое крыло шведской пѣхоты отгѣснило врага назадъ, но такъ какъ шведская линія была слишкомъ коротка сравнительно съ русской и фланги ея не были прикрыты кавалеріей, то шведская пѣхота была обойдена съ фланговъ; лѣвое крыло ея подалось назадъ, въ то время, какъ правое продолжало еще побѣдоносно наступать. Черезъ это наступилъ переломъ боя, и сраженіе обратилось въ пораженіе.

Какъ извѣстно, рана помѣшала Карлу лично руководить своей арміей въ Полтавскомъ бою, и обязанности главнокомандующаго исполнялъ фельдмаршалъ Реншѣльдъ. Это на немъ, прежде всего, лежитъ отвѣтственность за тактическія ошибки, оказавшіяся столь роковыми. Изъ первоисточниковъ, повѣствующихъ о сраженіи, прежде всего изъ сообщеній Левенгаупта, Юленкрука и Пипера, вообще получается впечатлѣніе, что *Реншѣльдъ почти совершенно потерялъ голову.*

Конечно, невозможно увѣренно утверждать, что ошибки были бы избѣгнуты и сраженіе окончилось бы побѣдой шведовъ, если бы Карлъ самъ командовалъ; но если обра-

тятся къ разсмотрѣнію прежнихъ боевъ, гдѣ король въ дѣйствительности командовалъ, то легко найти указанія, что, по всей вѣроятности, Карлъ не сдѣлалъ бы ошибокъ Реншѣльда подъ Полтавой.

У Клишова между фронтомъ шведской арміи и непріятельской позиціей были не редуты, но естественныя препятствія, болота, очень затруднявшія наступленіе. Карлъ преодолѣлъ эти затрудненія мастерски исполненнымъ фланговымъ маршемъ налѣво. Подъ Полтавой именно требовалось обойти редуты фланговымъ маршемъ.

Затѣмъ трудно допустить, чтобы Карлъ, всегда лично тщательно рекогносцировавшій мѣстность и, какъ извѣстно, производившій свои кавалерійскія атаки до конца и съ неукротимой энергіей, остановилъ бы кавалерію какъ разъ передъ большимъ оврагомъ. Въ словахъ Карла Реншѣльду: «сегодня фельдмаршалъ не приказалъ сдѣлать хорошую рекогносцировку!» ясно слышно, что король понималъ значеніе маневра у оврага.

Что касается отсутствія взаимодѣйствія пѣхоты и кавалеріи, то невольно напрашивается сравненіе между дѣйствіями Реншѣльда подъ Полтавой и дѣйствіями Карла при Головинѣ. Въ послѣднемъ сраженіи пѣхота и кавалерія, подъ начальствомъ Карла, въ высшей степени цѣлесообразно поддерживали другъ друга; достаточно вспомнить, какъ хорошо флангъ атакующей шведской пѣхоты прикрывался кавалеріей отъ подходившихъ съ юга непріятельскихъ кавалерійскихъ частей.

Туре Бьельке въ своихъ воспоминаніяхъ высказываетъ предположеніе, что самъ король приказалъ пѣхотѣ атаковать, раньше чѣмъ кавалерія изготовилась. Но это невѣрно: Левенгауптъ (разсказъ Левенгаупта, стр. 361)

спрашивалъ Реншѣльда: «желаетъ ли Его Превосходительство, чтобы я сейчасъ двинулся на врага? Онъ отвѣтилъ: да, сейчасъ!» Юлленкрукъ въ своемъ разсказѣ (стр. 112) говоритъ, что король спрашивалъ Реншѣльда, не лучше ли будетъ сначала двинуться противъ кавалеріи и отогнать ее, но фельдмаршалъ отвѣтилъ, что сначала надо атаковать пѣхоту, на что Карлъ сказалъ: «ну, ну, дѣлайте, какъ хотите!» ¹⁾.

Такимъ образомъ можно сказать, что весьма вѣроятно, что если бы самъ Карлъ непосредственно руководилъ боемъ подъ Полтавой, не были бы сдѣланы роковыя ошибки, оказавшіяся ближайшей причиной пораженія. Кромѣ того, присутствіе Карла въ качествѣ дѣйствительнаго главнокомандующаго еще болѣе воодушевило бы его солдатъ.

Короче говоря, главной причиной пораженія шведовъ подъ Полтавой было то, что Карлъ XII-й, вслѣдствіе своей несчастной раны, не могъ лично вести въ атаку свою армію.

Когда пѣхота безнадежно подалась назадъ и Реншѣльдъ исчезъ, король, несмотря на свое болѣзненное состояніе, вступилъ въ командованіе, чтобы спасти, что еще было возможно. Онъ послалъ приказаніе генераль-маіору Крейцу отогнать назадъ русскую кавалерію. Замѣчательно, что, пойдя въ атаку, шведская кавалерія вторично опрокинула русскую, пытавшуюся обойти ее ²⁾. Но Карлъ ясно видѣлъ, что единственно, что оставалось

¹⁾ Король въ день сраженія былъ совсѣмъ боленъ; отъ раны у него была лихорадка и повышенная температура. *Прим. перев.*

²⁾ Разсказъ Крейца въ книгѣ Левенгаупта (*Enväldets skadliga påföljder*, стр. 410).

дѣлать въ данномъ положеніи, это начать отступленіе. Оно произошло безъ помѣхи со стороны русскихъ.

Пораженіе подъ Полтавой еще не являлось само по себѣ окончательной катастрофой для шведской арміи.

Число взятыхъ въ плѣнъ, по русскимъ свѣдѣніямъ, равнялось 2.977; потери убитыми равнялись приблизительно 2.000 (по Эрнсту Карлсону). Такимъ образомъ всего шведская армія потеряла около 5.000.

Эту цифру можно вывести изъ сравненія числа плѣнныхъ, взятыхъ позже при капитуляціи у Переволочны, и численностью арміи до боя. Въ сумму 5.000 потерь входятъ и тяжело раненные, оставшіеся на полѣ сраженія.

Наиболѣе печальнымъ для шведовъ въ этомъ пораженіи являлись не самая неудача атаки и не абсолютная величина потерь, а то, что бѣльшая часть потерь припала на долю пѣхоты, пришедшей отъ этого въ совершенное разстройство. Поэтому ни о какомъ новомъ боѣ нельзя было и думать, а приходилось отступать. Отступающая армія пошла мимо Полтавы на югъ, вдоль праваго берега Ворсклы, такимъ образомъ временно по направленію къ Днѣпру.

VI.

Сдача у Переволочны.

При разсмотрѣніи положенія послѣ битвы при Полтавѣ и во время отступленія являются слѣдующіе главнѣйшіе вопросы:

Могла ли вообще шведская армія надѣяться спастись,

а если такъ, то почему все заключилось капитуляціей и конечной гибелью арміи?

Когда армія рано днемъ 28-го іюня начала отступление, она пошла къ югу мимо Полтавы, вдоль Ворсклы.

Такимъ образомъ движеніе направлялось къ слиянію Ворсклы съ Днѣпромъ, и, чтобы какъ можно скорѣй уйти отъ соприкосновенія съ противникомъ, слѣдовало переправиться или за Днѣпръ, или за Ворсклу. Такъ какъ русскіе взяли Сѣчь у Переволочны и уничтожили всѣ суда, собранныя здѣсь на Днѣпрѣ, переправа черезъ широкую рѣку стала трудно выполнимой. Хотя можно указать, что русскому генералъ-маіору Волконскому немедленно послѣ капитуляціи у Переволочны удалось переправиться черезъ Днѣпръ съ сильнымъ отрядомъ кавалеріи для преслѣдованія Карла; но все-таки несомнѣнно, что для шведской арміи было немного надежды переправиться за Днѣпръ. При этомъ за рѣкой не было никакихъ продовольственныхъ средствъ.

Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ возможностью перейти за Ворсклу; если бы это удалось, то оставалось пройти сравнительно короткій путь до владѣній дружественно настроеннаго крымскаго хана. Еще въ маѣ сынъ Девлетъ-Гирея, Галга-Султанъ, говорилъ въ Константинополѣ французскому посланнику маркизу де-Ферриоль, что если бы только шведы перешли за Ворсклу, они были бы въ безопасности отъ непріятеля. Со шведской стороны имѣется свидѣтельское показаніе, совпадающее съ мнѣніемъ Галга-Султана и принадлежащее непристрастному въ этомъ отношеніи лицу, именно Левенгаупту.

Онъ говоритъ ¹⁾, что думалъ, что армія послѣ пораженія перейдетъ за Ворсклу у Новыхъ Сенжаръ, «потому что тамъ очень легко было переѣхать рѣку верхомъ, и если бы мы пошли этой дорогой, то удалось бы переправить не только войска, но и артиллерію, и обозы, и врагъ больше не преслѣдовалъ бы насъ. Послѣ на нашемъ пути мы встрѣтили бы на маленькой рѣкѣ Орель 5 небольшихъ казацкихъ городка, — Нехвороща, Маячка, Царичанка, Китай-городокъ и Орель (Орликъ), гдѣ можно было запастьсь провизіей, и, оставивъ по правую руку Самару, занятую непріятельскимъ гарнизономъ, послѣ 10-ти или 12-ти дней марша черезъ пустыню пришли бы въ Перекопъ къ крымскимъ татарамъ».

Ниже Полтавы берега Ворсклы лѣсисты и болотисты до впаденія Тогамлыка, и для шведской арміи не представлялось сколько-нибудь возможнаго мѣста переправы ближе Новыхъ Сенжаръ; отсюда шла дорога къ переправѣ черезъ р. Орель у Нехворощи. Приблизительно на одну милю южнѣй Новыхъ Сенжаръ находились Бѣлики, гдѣ была другая переправа, откуда дорога шла прямо къ Маячкѣ на р. Орель. Если бы шведская армія стремилась, перейдя Ворсклу, какъ можно скорѣй дойти до татарскихъ владѣній, то она должна была перейти рѣку въ одномъ изъ этихъ двухъ пунктовъ. Новыя Сенжары, конечно, были ближе, но Бѣлики имѣли то преимущество, что отсюда до Маячки было почти на 12 километровъ ближе, чѣмъ отъ Новыхъ Сенжаръ до Нехворощи, причемъ переходъ черезъ р. Орель въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ затруднялся бы озерами (старыми руслами

¹⁾ Enväldets skadliga påföljder, стр. 369.

рѣки?) къ востоку отъ рѣки и, повидимому, являлся гораздо менѣе удобнымъ, чѣмъ у Маячки.

Въ разныхъ пунктахъ вдоль Ворсклы стояли шведскіе кавалерійскіе отряды, не принимавшіе такимъ образомъ участія въ бою. У Новыхъ Сенжаръ стоялъ полкъ генераль-маіора Мейерфельта, въ Бѣликахъ отрядъ подполковника Функа и въ Кобелякахъ отрядъ подполковника Сильверьельма.

Фельдмаршалъ Реншѣльдъ былъ взятъ въ плѣнъ во время боя и уже не командовалъ, когда началось отступление. Никто изъ генераловъ не замѣстилъ выбывшаго главнокомандующаго и *отдавать распоряженія для отступления пришлось самому королю, хотя онъ былъ изнуренъ лихорадкой отъ раны и переутомленія*, съ вѣрхомъ, съ окровавленной ногой, послѣ того, какъ его несомый лошадьми паланкинъ былъ разбитъ выстрѣлами.

Юлленкрукъ, ѣхавшій рядомъ съ повозкой короля, спросилъ, куда надо идти, и Карлъ тогда отвѣтилъ, что надо идти къ Функу, стоящему въ Бѣликахъ, недалеко отъ Новыхъ Сенжаръ; немного позже онъ сказалъ: «когда мы дойдемъ до Функа, посмотримъ, что дѣлать дальше». Тогда Юлленкрукъ поѣхалъ впередъ въ Новыя Сенжары; прибывъ туда въ 11 часовъ вечера, онъ попросилъ подполковника Траутветтера тотчасъ послать за Функомъ, чтобы король могъ съ нимъ переговорить. Функъ находился приблизительно всего въ одной милѣ отъ Новыхъ Сенжаръ.

Карлъ XII, при его замкнутомъ и молчаливомъ характерѣ, никогда не высказывалъ подробно окружающимъ своихъ плановъ, отъ него самого обыкновенно имѣются лишь намеки на нихъ. Но сопоставляя мнѣніе Левенга-

упта со словами Карла относительно Ббликовъ, можно полагать, что и король собирался направить армию за Ворсклу.

Однако, случились обстоятельства, направившія все въ другомъ направленіи. Прежде всего Траутветтеръ, несомнѣнно, провинился въ запозданіи съ посылкой гонца къ Функу—лишь утромъ Функъ въ Ббликахъ получилъ черезъ посланнаго Траутветтеромъ драгуна приказаніе явиться къ королю.

Лишь незадолго до разсвѣта въ ночь на 29-е іюня Карлъ прибылъ въ Новыя Сенжары, совершенно измученный, по словамъ Юлленкрука («helt utfatigerad»), что неудивительно, принимая во вниманіе всѣ нравственныя потрясенія и физическіе труды, которымъ подвергался король втеченіе истекшаго несчастнаго дня, будучи еще раньше измученъ своей раной. Какъ только его рана была перевязана, онъ тотчасъ заснулъ. Юлленкрукъ, придворный интендантъ Дюбенъ и полковникъ Карлъ Хордъ были при королѣ и легли на полу, чтобы часокъ заснуть. Когда разсвѣло, Дюбенъ разбудилъ Юлленкрука и Хорда, говоря, что получено извѣстіе о появленіи непріятельскихъ войскъ. Послѣ того Дюбенъ разбудилъ короля, говоря, что непріятель въ виду, и, если королю угодно, надо снова ѣхать дальше. Въ какомъ состояніи былъ тогда Карлъ, ясно видно изъ словъ Юлленкрука въ его разсказѣ: «Его Величество, будучи измученъ (utfatigerad), отвѣчалъ: Да, да, Дюбенъ, дѣлайте, что хотите!» Очевидно, отъ усталости и лихорадки король въ это время былъ почти безъ сознанія.

Послѣ этого не было и рѣчи о томъ, чтобы, какъ говорилъ накануне король, остановиться у переправы въ

Бѣликахъ и здѣсь принять опредѣленное рѣшеніе. Безпорядочно пошло отступленіе дальше на югъ по правому берегу Ворсклы. Никто этого не приказывалъ, потому что въ дѣйствительности никто болѣе не командовалъ. Послѣ пораженія при Полтавѣ бразды управленія арміей были схвачены королемъ; въ Новыхъ Сенжарахъ они снова выскользнули изъ его онѣмѣвшихъ рукъ.

Здѣсь напрашивается вопросъ: развѣ тогда не было никого, никакого замѣстителя, который могъ бы вступить въ обязанности главнокомандующаго?

Послѣ того, какъ Реншѣльдъ былъ взятъ въ плѣнъ, Левенгауптъ являлся старшимъ среди генераловъ и потому ближайшимъ замѣстителемъ главнокомандующаго.

Гдѣ былъ онъ въ это время?

Левенгауптъ говоритъ въ своемъ разсказѣ, что когда ночью прибыли въ Новыя Сенжары, король велѣлъ внести себя въ одинъ домъ, чтобы перевязать рану, и самъ Левенгауптъ долго былъ при королѣ, ожидая какихъ-либо приказаній; но не услышавъ ничего и не зная, что думаетъ дѣлать король, вышелъ на дворъ и легъ спать, сказавъ передъ этимъ, куда онъ идетъ, и приказавъ одному изъ своихъ вѣстовыхъ слѣдить, не будутъ ли его спрашивать. Но ничего не было слышно, пока не пришелъ вѣстовой и не разбудилъ Левенгаупта, сказавъ, что король уже въ повозкѣ и собирается ѣхать дальше. Левенгауптъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ за королемъ, причемъ «увидѣлъ, что идутъ не за рѣку, а внизъ по рѣкѣ, къ Кобелякамъ». Туда король прибылъ къ полдню и нашелъ здѣсь Функа съ его отрядомъ, не участвовавшимъ въ сраженіи; движеніе продолжалось, и между Кобеляками и Соколками Левенгауптъ отдѣлился отъ короля и при-

былъ въ Соколки раньше его. По словам Левенгаупта, онъ думалъ, что король впереди его, а усталость лошадей не позволила ему вернуться къ королю, и онъ остался ночевать въ полѣ.

Этотъ разсказъ Левенгаупта наврядъ ли во всемъ согласуется съ дѣйствительностью. Такъ, невѣрно, что подполковникъ Функъ стоялъ въ Кобелякахъ—онъ былъ въ Бѣликахъ. Заявленіе Левенгаупта, что онъ долго сидѣлъ у короля, ожидая приказаній, весьма странно. Юленкрукъ въ своемъ разсказѣ часто ошибается въ оцѣнкѣ обстановки и чужихъ словъ, но постоянно доказываетъ свою хорошую память; поэтому странно, что онъ ни слова не говоритъ о томъ, что Левенгауптъ былъ у короля въ Новыхъ Сенжарахъ. Онъ упоминаетъ о Дюбенѣ и Хордѣ, и, конечно, упомянулъ бы и о Левенгауптѣ, если бы этотъ старшій генералъ арміи и важнѣйшая, послѣ короля, персона, долго сидѣлъ бы у короля. Если даже правда, что Левенгауптъ былъ у Карла, то едва ли вѣрно, что онъ сидѣлъ у него *долго*.

Но все это не такъ важно, какъ нижеслѣдующее: неужели Левенгауптъ при посѣщеніи короля не замѣтилъ, въ какомъ онъ былъ состояніи, и, ожидая приказаній, не подумалъ, насколько вообще Карлъ можетъ отдавать какія-либо приказанія?

Левенгауптъ зналъ, что король изъ-за своей раны не могъ командовать въ сраженіи и передалъ эту обязанность Реншѣльду. Онъ зналъ, что Реншѣльдъ попалъ въ плѣнъ и онъ самъ остался старшимъ изъ генераловъ и ближайшимъ замѣстителемъ короля.

По его собственнымъ словамъ, онъ ясно понималъ, что для спасенія арміи надо увести ее за Ворсклу; онъ,

конечно, не могъ, долго просидѣвъ, по его словамъ, у короля, не замѣтить того, что замѣтилъ Юлленкрукъ, именно, что Карлъ былъ «helt utfatigerad» (совсѣмъ измучень). И несмотря на все это, когда утромъ 29-го въ Новыхъ Сенжарахъ Левенгауптъ замѣтилъ, что армія идетъ на югъ, а не на востокъ, гдѣ, по его мнѣнію, было спасеніе, то онъ ограничился констатированіемъ этого факта. Онъ не счелъ себя обязаннымъ выяснить, въ качествѣ старшаго генерала, имѣются ли опредѣленныя приказанія для движенія на югъ и въ состояніи ли вообще король отдавать приказанія. Точно также въ разсказѣ Левенгаупта нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что онъ высказывалъ королю свою мысль о немедленномъ переходѣ за Ворсклу. Если бы Левенгауптъ обратился съ вопросомъ къ окружавшимъ короля лицамъ, ему тотчасъ стало бы ясно, что Карлъ не давалъ никакихъ опредѣленныхъ приказаній и что армія двигалась совершенно наудачу мимо мѣста, гдѣ, по мнѣнію Левенгаупта, заключалось ея спасеніе. Ему стало бы ясно, что слова смертельно измученнаго человѣка: «дѣлайте, что хотите!», обращенныя къ штатскому чело-
вѣку, придворному интенданту, не могли быть приказаніемъ насчетъ направленія движенія, и тогда Левенгауптъ понялъ бы, что онъ, старшій генераль, видѣвшій, гдѣ находится спасеніе, обязанъ выступить впередъ и рѣшительно схватить брошенныя на землю вожжи командованія.

Этого онъ не сдѣлалъ.

Такой пассивный отказъ отъ всякой инициативы, такое ограниченіе своей роли, даже въ критическій моментъ, лишь ожиданіемъ приказаній могутъ быть объяснимы и,

пожалуй, извинительны у субалтернъ-офицера, но едва ли объяснимы и извинительны у старшаго послѣ короля челоуѣка въ арміи, генерала Левенгаупта, командующаго Курляндской арміей, самостоятельно водившаго армію въ походахъ и бояхъ.

Онъ видѣлъ опасность и полагалъ, что знаетъ, какъ ея избѣжать; можно было ожидать, что въ Новыхъ Сенжарахъ онъ энергично сдѣлаетъ что-либо для спасенія арміи, а не пассивно и противъ собственнаго убѣжденія вмѣстѣ со всѣми погрузится глубже въ эту опасность.

Юлленкрукъ поѣхалъ впередъ на югъ и въ теченіе 29-го іюня принялъ мѣры, имѣвшія нѣкоторое значеніе. Встрѣтивъ Функа, онъ переговорилъ съ нимъ о возможности переправиться черезъ Днѣпръ. Функъ ничего объ этомъ не зналъ, но Юлленкрукъ сказалъ, что слышалъ отъ одного изъ Мазепиныхъ казаковъ, что черезъ Днѣпръ можно переправиться у Колеберды, «до которой отсюда три мили». Затѣмъ Юлленкрукъ поѣхалъ дальше, прежде всего, чтобы переговорить съ подполковникомъ Сильверьельмомъ; онъ встрѣтилъ его у Кобелякъ. На вопросъ Юлленкрука, не знаетъ ли онъ какой-либо переправы черезъ Днѣпръ, Сильверьельмъ, по словамъ Юлленкрука, сталъ увѣрять, что можетъ достать сколько угодно лодокъ и переправить армію черезъ Днѣпръ. Вызванный унтеръ-офицеръ подтвердилъ слова Сильверьельма. Тогда Юлленкрукъ написалъ письмо Левенгаупту, сообщая слова Сильверьельма и прося Левенгаупта немедленно дать знать Юлленкруку, какое рѣшеніе принялъ король.

Если бы король, послѣ сообщенныхъ Сильверьельмомъ свѣдѣній, рѣшился переправляться черезъ Днѣпръ, то

Юлленкрукъ просилъ Левенгаупта выслать въ Переволочну плотниковъ и артиллеристовъ съ необходимыми принадлежностями для наводки мостовъ. Письмо было отправлено изъ Кобелякъ.

Такимъ образомъ Юлленкрукъ теперь выдвигаетъ на первый планъ мысль о переправѣ черезъ Днѣпръ, и другой высшій офицеръ объявляетъ эту переправу исполнимой.

Левенгауптъ въ своемъ разсказѣ заявляетъ, что не знаетъ, кто посоветовалъ королю идти къ Днѣпру или кто сказалъ, что переправиться черезъ него легко; отсюда вытекаетъ, конечно, что Левенгауптъ никогда не получалъ письма Юлленкрука. Однако, странно, что письмо это, повидимому, возмѣло свое дѣйствіе. Къ пяти часамъ дня къ Юлленкруку въ Переволочну прибыли 24 плотника съ топорами, но безъ другихъ принадлежностей и матеріаловъ. На вопросъ, гдѣ король и не привезли ли они съ собою какихъ-либо приказаній, плотники отвѣчали, что при ихъ отъѣздѣ король находился у города, гдѣ стоялъ Функъ, т. е. у Бѣликовъ. Какихъ-либо приказаній никто имъ не передавалъ. Представляется совсѣмъ невѣроятнымъ, что эти плотники самовольно и случайно уѣхали бы отъ остальной арміи, и притомъ такъ быстро, что, бывши утромъ въ Бѣликахъ, прибыли къ пяти часамъ дня въ Переволочну, находящуюся оттуда дальше четырехъ миль. Гораздо правдоподобнѣе, что они въ дѣйствительности были посланы Левенгауптомъ послѣ полученія письма Юлленкрука, но безъ подробныхъ приказаній. Король, повидимому, въ теченіе цѣлаго дня не могъ отдавать какихъ-либо приказаній, а Левенгауптъ не сдѣлалъ никакихъ попытокъ получить

отъ короля эти приказанія или быть уполномоченнымъ въ случаѣ нужды отдать ихъ самъ.

Поэтому позволительно сомнѣваться въ правдивости разсказа Левенгаупта; гораздо правдоподобнѣе, что онъ еще у переправы черезъ Ворсклу въ Бѣликахъ получилъ извѣстія отъ Юлленкрука и Сильверьельма о возможности переправы черезъ Днѣпръ, послѣ чего со всевозможной поспѣшностью выслалъ рабочихъ Юлленкруку, хотя самъ считалъ, что для спасенія надо перейти за Ворсклу.

Отправивъ изъ Кобелякъ письмо Левенгаупту, Юлленкрукъ поѣхалъ въ Переволочну, но по дорогѣ остановился у Кишенки, приблизительно въ полумилѣ отъ впаденія Ворсклы въ Днѣпръ. Онъ нашелъ, что Кишенка является хорошимъ мѣстомъ переправы черезъ Ворсклу, такъ какъ рѣка здѣсь настолько мелка, что ее удобно переѣзжать повозкамъ и всадникамъ; кромѣ того здѣсь было 8 большихъ паромовъ. Такимъ образомъ, хотя шведы миновали Новыя Сенжары и Бѣлики, у нихъ была еще возможность легко переправиться черезъ Ворсклу и пойти на востокъ, черезъ города Орликъ, Китайгородъ и Царичанку, о которыхъ упоминаетъ Левенгауптъ. Юлленкрукъ приказалъ спустить паромы изъ Кишенки въ Днѣпръ; но, очевидно, онъ все-таки считалъ, что безопаснѣе и удобнѣе перейти черезъ Ворсклу въ Кишенкѣ.

Именно, онъ оставилъ здѣсь офицера съ 30-ю солдатами, съ порученіемъ, когда придетъ король, доложить ему просьбу Юлленкрука подождать здѣсь и не ѣхать къ Днѣпру, пока не вернется Юлленкрукъ и не сдѣлаетъ доклада. Затѣмъ Юлленкрукъ поѣхалъ въ Переволочну изслѣдовать возможность переправы черезъ.

Днѣпръ. Здѣсь на берегу нашлось около семидесяти съ чѣмъ-то бревенъ, по двадцать локтей длины и по полълоктя толщиной, и въ остальную часть дня Юлленкрукъ велѣлъ готовить изъ нихъ плоты. Въ то же время Юлленкрукъ осмотрѣлъ берегъ Днѣпра къ западу отъ Переволочны.

Утромъ 30-го іюня, услыхавъ о приближеніи арміи, Юлленкрукъ стѣзидилъ за Днѣпръ съ 32-мя людьми, которыхъ оставилъ на томъ берегу. Несмотря на это, теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, что невозможно переправить армію черезъ Днѣпръ и она должна идти за Ворсклу у Кишенки. Юлленкрукъ говоритъ, что онъ былъ поэтому очень разстроень, когда около полудня самъ король прибылъ въ Переволочну.

Карль ночевалъ въ Соколкахъ. Когда онъ проѣзжалъ Кишенку, поставленный тамъ офицеръ доложилъ ему, что было приказано Юлленкрукомъ, но Карль самъ хотѣлъ переговорить съ нимъ и поѣхалъ дальше въ Переволочну. Особой потери времени это не вызывало, потому что между обоими этими мѣстами не больше полумили, и поѣхавъ лично на Днѣпръ вмѣсто того, чтобы вызвать къ себѣ Юлленкрука, Карль могъ своими глазами убѣдиться въ положеніи дѣлъ на рѣкѣ. Когда король встрѣтилъ на берегу Днѣпра Юлленкрука, онъ услышалъ отъ него, что переправиться черезъ Днѣпръ нельзя и армія должна остановиться у Кишенки. Карль самъ осмотрѣлъ обстановку и сказалъ Юлленкруку, что поѣдетъ назадъ въ Кишенку; онъ велѣлъ повернуть свою повозку и поѣхалъ прочь отъ берега. Такъ какъ было еще не поздно, пе-

реходъ за Ворсклу можно было начать еще засвѣтло и онъ вѣроятно былъ бы оконченъ до прибытія русской кавалеріи.

Карла сопровождала немногочисленная свита. Главная масса арміи шла еще сзади, подъ начальствомъ генераль-маіора Крейца. Въ теченіе 29-го іюня онъ посадилъ всю пѣхоту на лошадей, взятыхъ изъ обозовъ. На разсвѣтѣ 30-го онъ выступилъ изъ Кобелякъ и пошелъ въ полномъ порядкѣ на югъ со своей посаженной на коней арміей. Онъ не думалъ идти до Днѣпра и на позиціяхъ къ югу отъ Кобелякъ два раза останавливался, прикрывая свой маршъ отъ русскихъ наблюдательныхъ отрядовъ. Если бы Крейцу была дана возможность спокойно слѣдовать собственной инициативѣ, онъ вѣроятно остановился бы у Кишенки и здѣсь перешелъ за Ворсклу.

Къ несчастію для шведовъ, этому помѣшали. Генераль-маіоръ Лагеркруна ¹⁾, бывшій впереди, послалъ Крейцу нѣсколькихъ гонцовъ и бывшаго при немъ полковника Кронмана, съ сообщеніемъ, что надо спѣшить и идти къ Переволочнѣ, и что для переправы черезъ Днѣпръ приняты хорошія мѣры. Нѣтъ никакихъ указаній, что эти сообщенія основывались на какихъ-либо распоряженіяхъ Карла, но повидимому Лагеркруна послалъ ихъ Крейцу по собственной инициативѣ. Къ четыремъ часамъ пополудни полки подошли къ Переволочнѣ. Крейцъ нашелъ положеніе дѣль здѣсь неблагопріятнымъ и доложилъ объ этомъ королю. Карлъ поручилъ ему «найти болѣе удобное мѣсто» (*söka bekvämligare ställe*); эти слова согла-

¹⁾ Генераль, отличавшійся исполнительностью и глупостью; виновникъ неудачи движенія на Почепъ.

Прим. переводч.

суются со сказаннымъ королемъ Юлленкруку, что надо идти назадъ къ Кишенкѣ. Крейцъ вблизи Переволочны не нашелъ никакого удобнаго мѣста и рѣшилъ на разсвѣтъ идти къ Ворсклѣ и переправиться черезъ нее; объ этомъ онъ совѣщался съ Левенгауптомъ. Но солдаты за это время обратили весь свой интересъ къ тому, что дѣлается на Днѣпрѣ и ихъ нельзя было сразу собрать для выступления. Но было рѣшено, какъ только начнетъ свѣтать, выступить со всѣми полками и идти къ Ворсклѣ ¹⁾).

За это время обстановка измѣнилась.

Карль остановился, чтобы ему перевязали рану. Тогда къ нему подошелъ Левенгауптъ и сталъ убѣждать короля переправиться за Днѣпръ ради личной безопасности. Эти убѣжденія поддерживались генералами Крейцомъ, Спарре и Понятовскимъ, Юлленкрукомъ, совѣтникомъ Мюллерномъ и придворнымъ интендантомъ Дюбенемъ. Изъ рассказовъ Левенгаупта и Крейца видно, что Карль сначала рѣшительно отказался оставить армію. Нетерпѣливо отозвавъ Левенгаупта въ сторону, онъ сказалъ ему: «Генераль не знаетъ, что говорить; мнѣ надо думать о совсѣмъ другихъ и болѣе важныхъ вещахъ!» Однако, на короля подѣйствовали увѣренія, что если онъ теперь оставить армію, то, по словамъ Крейца, «получить много способовъ помочь своимъ». Крейцъ затѣмъ объявилъ, что если русскіе подойдутъ только съ кавалеріей, то «съ ними какъ-нибудь справятся, но если явится вся русская армія, то нельзя сказать, что будетъ».

Въ шведскомъ войскѣ оказался одинъ татарскій офи-

---

¹⁾ Рассказъ Крейца (Enväldets skadliga påföljder, стр. 415 и слѣд.).

церь, присланный ханомъ къ Карлу; когда Левенгауптъ спросилъ его, нѣтъ ли у него кого-нибудь, кто проведетъ бы войско за Ворсклу и показалъ дорогу въ землю хана, — татаринъ отвѣтилъ, что онъ дастъ для этого вѣрнаго чело-вѣка, и обѣщалъ, что если войско дойдетъ до татарскихъ предѣловъ, то ханъ окажетъ всяческую помощь и дастъ перевозочныя средства для дальнѣйшаго движенія. Слова татарина были доложены Левенгауптомъ королю. Тогда Карлъ рѣшился отправиться за Днѣпръ. Въ письмѣ отъ 14 декабря 1712 года къ сестрѣ, принцессѣ Ульриксѣ Элеонорѣ, король самъ ясно и сжато изложилъ мотивы, побудившіе его къ этому ¹⁾. Онъ говоритъ, что сначала не хотѣлъ уѣзжать, но когда его увѣрили, что приказаніе его будетъ исполнено и онъ непременно встрѣтится съ арміей въ Очаковѣ, между тѣмъ, изъ-за раны онъ теперь не могъ ничего сдѣлать верхомъ (*uträtta något till häst*), то онъ счелъ за лучшее отправиться впередъ въ Очаковъ и оттуда сообщить шведской арміи въ Польшѣ правду о сраженіи (подъ Полтавой) и что онъ пойдетъ въ Польшу съ войсками, оставляемыми теперь подъ начальствомъ Левенгаупта; одновременно будетъ отправлено въ Швецію приказаніе о наборѣ рекрутовъ.

Конечно, все это было важно, и если вся армія не могла перейти Днѣпръ, было вполне цѣлесообразно, чтобы самъ король могъ войти въ сношеніе съ королемъ Станиславомъ и правительствомъ въ Швеціи скорѣе, чѣмъ если бы онъ отправился съ арміей въ Крымъ. На первый планъ выступили политическія соображенія. Изъ за своей раны Карлъ въ данное время не могъ дѣйствовать съ

1) E. Carlson: Konung Karl XII-s egenhändiga bref, стр. 121.

прежней энергіей въ качествѣ полководца; эти его функціи переходятъ къ одному изъ генераловъ, въ то время, какъ самъ король отправляется впередъ въ мѣсто, гдѣ онъ будетъ въ состояніи, какъ глава государства, болѣе дѣйствительно принимать мѣры къ исправленію ущерба, понесеннаго шведскимъ дѣломъ. Приведенное выше письмо Карла показываетъ, что онъ полагалъ отправить армию за Ворсклу во владѣнія дружественныхъ татаръ, чтобы затѣмъ, внѣ досягаемости преслѣдованія русскими, собрать ее въ Очаковъ, откуда самъ король, подготовивъ пополненіе арміи рекрутами, повелъ бы ее на соединеніе съ войсками короля Станислава и Крассау; у послѣдняго считалось 26.000 человекъ, и по этому расчету, послѣ соединенія съ нимъ и даже до прибытія подкрѣпленій изъ Швеціи, у короля Карла собралась бы въ Польшѣ армія свыше 40.000 человекъ.

Рѣшивъ переправиться за Днѣпръ, Карлъ сказалъ Левенгаупту, чтобы тотъ сопровождалъ его; очевидно, думали оставить въ качествѣ главнокомандующаго Крейца. Но Левенгауптъ просилъ остаться главнокомандующимъ, и на эту просьбу послѣдовало согласіе.

Задачей Левенгаупту ставилось переправить армию за Ворсклу и отвести въ татарскія владѣнія, а затѣмъ въ Очаковъ. Самъ Левенгауптъ говорилъ, что въ этомъ заключается спасеніе; очевидно, слѣдовало попытаться воспользоваться ближайшей переправой у Кишенки. Прося у короля позволенія остаться въ качествѣ главнокомандующаго, Левенгауптъ говорилъ, что если въ его распоряженіи будутъ ночь и утро ранѣе подхода большихъ силъ врага, съ пѣхотой, то онъ надѣется спасти армию. Когда отъѣздъ короля былъ рѣшенъ, былъ отданъ приказъ всѣмъ маю-

рамъ, чтобы ни одинъ полкъ не приступалъ ни къ какимъ попыткамъ переправы черезъ Днѣпръ, но чтобы, какъ только начнетъ свѣтать, всѣ были готовы къ выступленію, потому что есть другое мѣсто, «гдѣ можно пройти» (komma igenom), и этотъ приказъ былъ еще разъ повторенъ немного позднѣе въ такой редакціи: «на разсвѣтъ быть готовымъ къ выступленію, потому что рѣшено идти другимъ путемъ». Приказъ былъ ясенъ, но Крейцъ принялъ одно рѣшеніе, до нѣкоторой степени ослабившее впечатлѣніе отъ приказа. Подполковникъ лейбъ-драгунскаго полка Эрнстедтъ явился къ королю и доложилъ, что онъ со своимъ полкомъ обѣщаетъ быть на другой сторонѣ Днѣпра до 7-ми часовъ утра. Карлъ направилъ его къ Крейцу, который сказалъ королю, что если лейбъ-драгуны начнутъ попытку переправы, то другіе полки сдѣлаютъ то же самое, хотя попытка удался не можетъ. Несмотря на это, Крейцъ имѣлъ глупость (oklokheten) разрѣшить Эрнстедту его попытку, хотя и не вѣрилъ въ ея успѣхъ; разрѣшеніе это противорѣчило только что отданному маіорамъ приказу. ¹⁾).

Когда лейбъ-драгуны начали свои приготовленія къ переправѣ, то и другіе полки безъ приказанія попытались послѣдовать ихъ примѣру, что вызвало безпорядокъ и бесполезное утомленіе. Поэтому трудно оправдывать Крейца за то, что онъ своимъ, противъ собственнаго убѣжденія даннымъ разрѣшеніемъ Эрнстедту увеличилъ безпорядокъ на берегу, продолжавшійся и на слѣдующій день и на который такъ жаловался Левенгауптъ ²⁾).

¹⁾ Левенгауптъ говоритъ, что думаетъ, хотя и не увѣренъ, что Карлъ разрѣшилъ нѣсколько попытокъ переправы черезъ Днѣпръ; это невѣрно, какъ ясно видно изъ разсказа Крейца.

²⁾ Разсказъ Крейца (Enväldets skadliga påföljder, стр. 420).

Согласно Левенгаупту, приказаніе маіорамъ было отдано самимъ королемъ и при этомъ Левенгауптъ напомнилъ, чтобы взяли у артиллеріи пороховъ для солдатъ, раздѣлили провіантъ, сколько можно взять на лошадей (все люди были теперь посажены верхомъ), и были готовы двинуться на разсвѣтъ.

Въ письмѣ къ Ульрихъ-Элеонорѣ отъ 14-го декабря 1712 года Карлъ пишетъ, что Левенгауптъ увѣрилъ его, что выполнить приказанія и что армія непременно встрѣтится съ королемъ въ Очаковѣ; Карлъ пишетъ также, что если бы Левенгауптъ не увѣрялъ его торжественно со-всѣмъ въ другомъ, чѣмъ случилось въ дѣйствительности, онъ не оставилъ бы его главнокомандующимъ. Затѣмъ, Карлъ упрекаетъ себя, что до отъѣзда не сообщилъ своего приказа прочимъ генераламъ и полковникамъ; онъ говоритъ, что думалъ объ этомъ, но такъ какъ случилось много хлопотъ и разныхъ распоряженій, то это такъ и осталось, и король считаетъ, что сдѣлалъ большую ошибку, такъ какъ оказалось, что кромѣ Левенгаупта, приказаніе его было извѣстно лишь Крейцу.

Изъ этихъ словъ видно, что кромѣ приказа маіорамъ, былъ еще особый приказъ, отданный Левенгаупту и Крейцу—вести армію въ Очаковъ; самъ Левенгауптъ говоритъ, что передъ отъѣздомъ короля былъ отданъ приказъ «не забавляться дольше постройкой негодныхъ плотовъ или переправой черезъ Днѣпръ», но собраться, за-пасться патронами и провіантомъ и какъ можно скорѣй изготовиться къ выступленію; если же не предполагалось идти за Днѣпръ, то оставалась одна возможная дорога—за Ворсклу.

Но есть еще одно очень ясное доказательство, что у

Левенгаупта былъ опредѣленный приказъ Карла — вести армію въ Крымъ. Прибывъ въ Очаковъ, Карлъ послалъ своего секретаря Клинковстрѣма къ хану съ письмомъ, гдѣ говорилось, что Карлъ вслѣдствіе раны оставилъ армію, чтобы ѣхать къ арміи въ Польшѣ, и приказалъ Левенгаупту съ арміей идти во владѣнія хана; такъ какъ король не сомнѣвается, что армія уже пришла, то онъ проситъ хана принять ее дружелюбно и снабдить за плату съѣстными припасами. Одновременно король написалъ письмо приблизительно такого же содержанія се-раскиру въ Бендеры; въ немъ между прочимъ говорится, что потери въ сраженіи были не особенно велики и что главнѣйшая часть войска уцѣлѣла и отступила во владѣнія Крымскаго хана.

Въ дневникѣ походной канцеляріи короля, большая часть котораго написана рукой секретаря канцеляріи фонъ-Кохена (von Kochen), 30-го іюня записано, что король приказалъ Левенгаупту идти въ Татарію съ уцѣлѣвшими послѣ боя войсками, а также добавлено поясненіе, что король оставилъ Левенгаупту проводника для указанія дороги.

Въ ночь на 1-е іюля Карлъ со свитой переправился черезъ Днѣпръ, чтобы ѣхать степями въ Очаковъ, и теперь въ исполненіе обязанностей главнокомандующаго вступилъ Левенгауптъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было, какъ извѣстно, то, что 1-го іюля Левенгауптъ сдался на капитуляцію и положилъ оружіе передъ княземъ Меньшиковымъ.

Русское войско, появившееся утромъ 1-го іюля на высотахъ къ сѣверу отъ берега Днѣпра, имѣло при себѣ

часть артиллеріи; но въ общемъ не превышало 9000 человекъ; и, конечно, состояло главнымъ образомъ изъ кавалеріи.

Такимъ образомъ, шведское войско подъ начальствомъ Левенгаупта по своей численности было значительно сильнѣй, и даже если вычесть больныхъ и раненныхъ, то, во всякомъ случаѣ, Левенгауптъ былъ не слабѣй Меньшикова. Что касается состоянія войскъ, то очевидцы свидѣтельствуютъ, что шведская кавалерія была въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ русская ¹⁾. А такъ какъ выше уже указывалось, что общее число годной къ службѣ шведской кавалеріи достигало 8000 ²⁾, то нельзя допустить, чтобы она была не въ состояніи опрокинуть 9000 русской кавалеріи; за время этого похода она совершала и болѣе крупныя подвиги.

Конечно, справедливо, что русскій отрядъ занялъ позицію на высотахъ, командовавшихъ относительно позиціи шведовъ, но у подножія этихъ высотъ и на югѣ, и на востокѣ лежали непроходимыя болота («impassable moraster»), черезъ которыя русскимъ было бы трудно пройти при атакѣ ³⁾. На краю высотъ русскіе поставили

¹⁾ Пиперъ говоритъ въ своемъ разсказѣ о капитуляціи (напечатано въ *Ennes: Carl XII-s krigare*): „Затѣмъ драгунскій полкъ генерала Вауера спустился съ высотъ, чтобы принять оружіе и трофеи арміи. Тутъ я увидѣлъ, въ какомъ несчастномъ видѣ были эти драгуны—когда они спускались съ холма, въ каждомъ эскадронѣ отъ 10 до 20 лошадей спотыкались черезъ голову отъ изнуренія, а прочія шатались, тяжело дыша; такъ что наши эскадроны, стройно проходившіе для сдачи оружія, легко могли бы опрокинуть ихъ“.

²⁾ Дневникъ von Kochen'a.

³⁾ Планъ мѣстности, составленный по приказанію Левенгаупта (напечатанъ въ *Karolinska krigares dagböcker*, изд. Quennerstedt, II).

свои пушки, но до этого Левенгауптъ, по предложенію Крейца, велѣлъ генераль-маіору Крузе отвести полки изъ узкаго мѣста направо на маленькую равнину, шедшую къ Ворсклѣ.

Это приказаніе было исполнено, и такъ какъ разстояніе между высотами, на которыя выѣхала русская артиллерія, и рѣкой приблизительно равно одному километру, а большая часть шведской арміи успѣла уйти изъ этого узкаго мѣста и расположилась значительно дальше отъ края высотъ, то при тогдашней небольшой дальности выстрѣловъ артиллеріи русскія орудія со своего мѣста не могли произвести сколько-нибудь опустошительнаго дѣйствія.

Между Ворсклой и шведами не было никакихъ русскихъ войскъ.

Левенгауптъ обѣщаль королю вывести армію изъ опасности, если въ его распоряженіи будетъ ночь и слѣдующее утро, «до прибытія какого-либо сильнаго непріятели съ пѣхотой». Ему было приказано перейти за Ворсклу. Поэтому является вопросъ, что побудило Левенгаупта капитулировать, безъ малѣйшей попытки сопротивляться?

Это вѣрно, что въ одномъ мѣстѣ своего разказа онъ утверждаетъ, что отрядъ Меньшикова на глазомѣръ равнялся, по крайней мѣрѣ, 30.000 ¹⁾, но это единственное утвержденіе ни на чемъ не основано и никто никогда въ серьезъ его не принималъ.

Затѣмъ, Левенгауптъ не могъ считать совершенно невозможнымъ фланговымъ маршемъ пройти къ Ворсклѣ мимо врага, при надобности отбросивъ его кавалерію на

---

¹⁾ Въ пятой части разказа Левенгаупта (Karolinska krigares dagböcker, utg. af Quennerstedt, II, 233).

лѣвомъ флангѣ. Левенгауптъ и Крейцъ, на которомъ тоже лежитъ доля отвѣтственности за капитуляцію, оба старались въ своихъ разсказахъ изобразить положеніе возможно безнадежнѣе. Однако, послѣ капитуляціи подполковникъ Траутветтеръ говорилъ Левенгаупту, что можно было прорваться черезъ лѣвое крыло непріятеля. Если бы попробовали пройти мимо лѣваго фланга русскихъ или атаковать его (а по плану мѣстности, сообщаемому Левенгауптомъ, тамъ совсѣмъ не было русскихъ орудій), то шведы пришли бы къ Кишенкѣ, къ переправѣ черезъ Ворсклу, куда слѣдовало идти и по приказанію Карла, и по собственному мнѣнію Левенгаупта.

Левенгауптъ разсказываетъ, что тотчасъ послѣ отъѣзда Карла онъ поспѣшилъ къ татарскому офицеру, чтобы получить отъ него обѣщаннаго проводника, но татаринъ уже уѣхалъ, забывъ о своихъ обѣщаніяхъ. Странно, что это такъ обезпokoило генерала. Татаринъ обѣщаль помощь хана, а что касается проводниковъ, то, согласно опредѣленнымъ указаніямъ одного свидѣтеля ¹⁾, проводники у шведовъ были ²⁾, причемъ и самъ Левенгауптъ, какъ показываютъ его собственныя слова, отлично зналъ, куда идти.

Главной причиною капитуляціи, по словамъ и Левенгаупта, и Крейца, были безпорядокъ и паденіе дисциплины въ арміи и нежеланіе солдатъ отважиться на послѣднюю попытку пробить себѣ дорогу.

При отступленіи послѣ Полтавской катастрофы, конечно, иначе и быть не могло, чтобы не сказались без-

¹⁾ Дневникъ von Kochen'a.

²⁾ При шведской арміи было много запорожцевъ, отлично знавшихъ дорогу въ Крымъ. Прим. переводч.

порядокъ и замѣшательство, и легко понять, что на слѣдующій день это еще не могло быть исправлено; при выступленіи изъ Новыхъ Сенжаръ Карль былъ, очевидно, физически не въ состояніи принять какія-либо энергичныя мѣры, и втеченіе всего дня 29-го іюня армія повидимому оставалась безъ какого-либо высшаго дѣйствительнаго управленія.

Самымъ дѣятельнымъ генераломъ былъ Крейцъ. Онъ принялъ мѣры къ установленію порядка; часть обозовъ онъ сжегъ и посадилъ на лошадей уцѣлѣвшую пѣхоту. 29-го и въ ночь на 30-е обозы были отправлены впередъ изъ Кобелякъ, а на разсвѣтъ 30-го выступилъ самъ Крейцъ съ полками, отдавъ имъ приказъ, какъ строиться въ боевой порядокъ, если врагъ будетъ быстро приближаться. Самъ Крейцъ говоритъ, что при выступленіи маршъ начался «въ полномъ порядкѣ» (helt ordentligen). Конечно, нѣкоторый беспорядокъ обнаружился въ томъ, что бѣольшая часть пѣхоты ушла съ одной позиціи у Кобелякъ, не ожидая приказанія Крейца, но это произошло повидимому по приказанію командировъ полковъ, а гвардія отразила огнемъ попытку русской иррегулярной конницы продвинуться впередъ. Къ несчастію для шведовъ, Крейцъ не остановился, какъ хотѣлъ, у Кишенки, а продолжалъ движеніе къ Днѣпру вслѣдствіе полученія отъ генерала Лагеркруны сообщенія, что у Переволочны все подготовлено къ переправѣ и надо торопиться. (см. выше стр. 127). Послѣ этого, конечно, все вниманіе и офицеровъ, и нижнихъ чиновъ обратилось къ Днѣпру. Другой ошибкой Крейца, какъ сказано, было разрѣшеніе Эрнстедту сдѣлать попытку переправы черезъ Днѣпръ съ лейбъ-драгунами. Крейцъ въ своемъ разсказѣ совершенно опредѣ-

ленно говорить, что примѣръ драгунъ увлекъ и другихъ. Затѣмъ понятно и извинительно, что извѣстіе объ отъѣздѣ короля за Днѣпръ еще болѣе приковало мысли людей къ переправѣ. Но едва ли будетъ правильно сказать, что нижніе чины, выйдя изъ повинovenія, занимались ночью постройкой плотовъ. По крайней мѣрѣ, Левенгауптъ говоритъ, что офицеры, безъ его вѣдома и вопреки приказу, позволили своимъ людямъ продолжать ночью подготовку къ переправѣ ¹⁾).

Утромъ 1-го іюля предполагалось попробовать перейти за Ворсклу и двинуться дальше въ татарскіе предѣлы; но, по словамъ Левенгаупта и Крейца, смятеніе и безпорядокъ въ войскѣ были очень велики: «у своихъ знаменъ оставалось не болѣе половины нижнихъ чиновъ и офицеровъ, прочіе были на берегу Днѣпра, пробуя переправиться вплавъ или на негодныхъ плотахъ, и большая часть бывшихъ здѣсь не слушали команды или были въ такомъ отупѣніи, что сами не знали, что будутъ дѣлать», говоритъ Левенгауптъ.

Но можно думать, что Левенгауптъ преувеличиваетъ. Онъ, между прочимъ, рассказываетъ, что когда пришелъ къ драгунамъ Мейерфельта и закричалъ имъ, чтобы сядились на коней, то они ничего не отвѣтили, а смотрѣли на него, «какъ на безумнаго»; онъ подумалъ, что они можетъ быть его не знаютъ, и спросилъ, нѣтъ ли кого-либо изъ офицеровъ, но люди опять ничего не отвѣчали,

---

¹⁾ Безсонная ночь наканунѣ рѣшительнаго дня подорвала силы, уже распатаннаго двухлѣтнимъ походомъ, и войска, и самого Левенгаупта. Въ Японскую войну безсонныя ночи (напр. подъ Мукдевомъ) тоже оказывали роковое вліяніе на дѣйствія нашихъ войскъ.

Прим. переводч.

а лишь пристально на него смотрѣли ¹⁾. Тогда Левенгауптъ послалъ офицера за ихъ подполковникомъ Траутветтеромъ. Какъ только онъ прибылъ, полкъ сѣлъ на коней и по командѣ тронулся. Стилле не находить въ поведеніи драгунъ ничего, доказывающаго ихъ деморализованность и растерянность — они просто не знали въ лицо Левенгаупта, увидѣвъ его въ первый разъ; до сраженія подъ Полтавой онъ ничѣмъ не командовалъ въ арміи короля, а въ этомъ бою драгуны Мейерфельта не были; затѣмъ, когда къ нимъ подошелъ чужой пѣшій офицеръ и велѣлъ садиться, не подавъ соответственныхъ командъ, довольно естественно, что они его не послушали.

Со стороны Крейца и нѣкоторыхъ другихъ тоже имѣются указанія на «смятеніе и панику въ войскахъ» (*förvirring och konsternation*).

Очень естественно, что и Левенгауптъ, и Крейцъ такъ на это упираютъ, потому что оправданіе капитуляціи прежде всего надо было строить на томъ, что изъ-за смятенія и упадка духа въ войскахъ ихъ нельзя было собрать и изготвить къ выступленію и возможному бою.

Но имѣются также указанія, что суматоха далеко не была всеобщей и непоправимой.

Полковникъ Рамсвердъ говоритъ въ своемъ дневникѣ ²⁾, что его полкъ, комплектуемый дворянами (*adelsfanan*), рано утромъ сѣлъ на коней, равно какъ и драгунскій полкъ Веннерстедта; о какомъ-либо безпорядкѣ въ этихъ полкахъ не говорится ни слова. О драгунахъ:

¹⁾ Судя по дѣйствіямъ Левенгаупта въ эти дни, весьма возможно, что видъ у него былъ „страшный“. Прим. переводч.

²⁾ *Karolinska krigares dagböcker*, II, 231.

Альбедилля рассказываетъ, что они лежали въ травѣ за своими осѣдланными лошадьми, читая молитвенники — картина, не похожая на панику. Крейць рассказываетъ, что одинъ постъ, выставленный далеко впереди въ сторонѣ русскихъ, при наступленіи противника отошелъ жарьеромъ, но при этомъ всадники выкрикивали ругательства противъ командовавшаго ими корнета за то, что онъ не хочетъ остановиться. Крейць повернулъ ихъ и съ ними отогналъ русскихъ казаковъ. Въ это время подошелъ полкъ Мейерфельта; Крейць взялъ изъ него 2 роты, атаковалъ и отогналъ врага, занявъ позицію на высотахъ, повидимому, на высотахъ у Ворсклы. Значить, войска не были совершенно деморализованы, если ихъ можно было водить въ бой. Что касается лейбъ-драгунъ, дѣйствія которыхъ вызвали столько безпорядка, то Крейць говоритъ, что когда Эрнстедтъ увидѣлъ невозможность переправить весь полкъ за Днѣпръ, онъ послалъ людей обратно на лѣвый берегъ, гдѣ еще оставалось знамя.

Самъ Левенгауптъ увѣряетъ, что «старался заставить людей сѣсть на коней и привести ихъ хоть немного въ порядокъ; дѣлалъ все, что могъ, но все тщетно»: ему удалось собрать и привести въ порядокъ не болѣе 6000 — бывшихъ на берегу нельзя было вернуть къ знаменамъ, много утонуло, много попало въ руки русскихъ казаковъ и нѣкоторые перебѣжали къ врагу. Крейць говоритъ то же, хотя и не такъ рѣшительно.

Было бы интересно, если бы Левенгауптъ болѣе точно указалъ мѣры, принятыя имъ для возстановленія порядка. Вѣдь нетрудно было выслать на берегъ, подъ командой надежныхъ офицеровъ, команды отъ полковъ,

собранных уже въ порядкѣ, чтобы прогнать отъ Днѣпра къ своимъ частямъ потерявшихъ голову людей. При этомъ слѣдовало объявить людямъ, что переправиться за Днѣпръ нельзя, но очень близко находится удобный бродъ черезъ Ворсклу, куда можно дойти или безъ боя, или послѣ столкновенія съ немногочисленнымъ врагомъ — Крейцъ уже безъ большого труда овладѣлъ высотами — и что король приказалъ идти туда, причемъ обѣщана помощь дружественной державы, владѣнія которой начинаются не особенно далеко за Ворсклой.

Съ психологической точки зрѣнія мало вѣроятно, чтобы при такихъ условіяхъ эти шведскіе солдаты, въ теченіе всего похода бывшіе образцомъ вѣрности долгу и храбрости, проявили бы теперь неповиновеніе и трусость.

Изъ вышеприведенныхъ мѣръ кое-что было выполнено Крейцомъ, который рано утромъ проѣхалъ вдоль берега и здѣсь распекъ трехъ командировъ полковъ за то, что ихъ люди не у знаменъ.

Эти офицеры жаловались, что люди ихъ не слушаютъ, послѣ чего Крейцъ снова просилъ ихъ сѣсть на коней и поторопиться, что они обѣщали, хотя посадка на коней у нихъ и въ другихъ полкахъ происходила съ большимъ трудомъ. Послѣ этого Крейцъ уѣхалъ и сейчасъ же предпринялъ упомянутую выше атаку на передовыя части противника. О Левенгауптѣ Крейцъ говорить, что когда Крейцъ доложилъ ему, что прибылъ русскій генераль-адъютантъ, Левенгауптъ сталъ передъ полками и всячески старался ихъ воодушевить (*sökte på allt sätt animera bussarne*). Значить, онъ оставался при частяхъ, которыя и безъ того были въ порядкѣ.

Никакой попытки развить атаку Крейца или идти къ Ворсклѣ, какъ извѣстно, не было сдѣлано, но начались переговоры съ русскимъ начальникомъ.

По шведскимъ источникамъ и даже согласно журналу царя Петра инициатива переговоровъ исходила отъ князя Меншикова.

Но имѣется и другое указаніе въ дневникѣ Сильтмана ¹⁾.

Подполковникъ Сильманъ послѣ Полтавскаго боя находился въ непосредственной близости къ королю — Карль ѣхалъ въ его экипажѣ — и предложилъ ему посредничество прусскаго короля. Карль сказалъ, что дастъ отвѣтъ въ Новыхъ Сенжарахъ, но по указаннымъ выше причинамъ, это не состоялось.

Послѣ отъѣзда Карла за Днѣпръ, Сильманъ оставилъ шведскую армію и, взявъ съ собою для подачи сигналовъ шведскаго барабанщика, отправился къ русскимъ войскамъ. Это было до присылки Меншиковымъ адъютанта съ предложеніемъ о сдачѣ. Сильмана провели къ Меншикову, и онъ объявилъ ему, что шведскіе генералы поручили ему просить русскаго главнаго начальника прекратить враждебныя дѣйствія до полученія новыхъ приказаній отъ царя. Меншиковъ отвѣчалъ, что у него уже есть приказанія и другихъ не будетъ — именно, разбить шведовъ, если они не захотятъ сдаться; его армія готова, и если шведы желаютъ сдаться на хорошихъ условіяхъ, то пусть дѣлаютъ это сейчасъ. Этотъ отвѣтъ было поручено передать шведамъ барабанщику, провожавшему Сильмана. Затѣмъ прибыли Крейцъ, полковникъ Дюкеръ

¹⁾ Karolinska krigares dagböcker, utg. af Quennerstedt, III, 333.

и генераль-адъютантъ Дугласъ узнать объ условіяхъ Меньшикова. Разсказъ Сильтмана находится въ его частномъ дневникѣ и трудно объяснить, зачѣмъ ему понадобилось бы записывать его, если бы это не было правдой.

Крейцъ говоритъ, что Меньшиковымъ былъ посланъ съ предложеніемъ сдачи генераль-адъютантъ съ труба-чемъ и барабанщикомъ.

Левенгауптъ подробно описываетъ отъѣздъ Сильтмана и очень настойчиво утверждаетъ, что не приказывалъ давать ему барабанщика. Если бы дѣло шло только о личной безопасности иностраннаго военнаго агента, то посылка барабанщика сама по себѣ не имѣла такой важности, чтобы Левенгаупту стоило опровергать ее съ такой горячностью. Барабанщика далъ Сильтману подполковникъ Траутветтеръ, драгунскаго полка Мейерфельта. Въ Полтавѣ послѣ капитуляціи онъ открыто сказалъ Левенгаупту, что тотъ самъ устно приказалъ ему дать Сильтману барабанщика. Левенгауптъ сказалъ, что можетъ поклясться, что это неправда; на это Траутветтеръ возразилъ съ клятвой, что это правда; тогда Левенгауптъ его обругалъ, что вызвало объясненіе съ начальникомъ Траутветтера, Мейерфельтомъ, передавшимъ, что Траутветтеръ считаетъ себя напрасно оскорбленнымъ, такъ какъ можетъ доказать свое заявленіе свидѣтелями.

Въ концѣ концовъ и разговоръ Мейерфельта съ Левенгауптомъ принялъ обостренный характеръ. По словамъ одного офицера, было, между прочимъ, приказано одѣть барабанщика въ новый мундиръ. Такимъ образомъ показанія объ отъѣздѣ Сильтмана рѣзко противорѣчатъ одно другому. Относительно порученія Сильтману гене-

ралами вступить въ переговоры съ Меньшиковымъ имѣется только свидѣтельство самого Сильтмана въ его дневникѣ. Поэтому, несмотря на нѣкоторыя сомнѣнія, будетъ надежнѣе принять, что первое предложеніе о сдачѣ послѣдовало съ русской стороны. Условія Меньшикова были сообщены Крейцомъ Левенгаупту черезъ полковника Дюкера и генераль-адъютанта Дугласа.

Затѣмъ шведскій главнокомандующій принялъ чрезвычайно несчастныя мѣры.

Онъ началъ съ того, что созвалъ «командующихъ офицеровъ отъ всѣхъ частей», т. е. командировъ полковъ, и спросилъ ихъ, что они думаютъ дѣлать и могутъ ли ручаться, что ихъ люди будутъ драться. Принимая высшее командованіе, Левенгауптъ получилъ опредѣленные приказанія Карла о томъ, что дѣлать, и поэтому представляется весьма страннымъ этотъ вопросъ, обращенный къ подчиненнымъ. По словамъ Левенгаупта, всѣ отвѣчали, что они лично и ихъ офицеры охотно будутъ драться ради службы Его Величества, но за людей обѣщаться не могутъ, потому что среди нихъ такъ велики растерянность и страхъ; что ими теперь нельзя управлять; нѣкоторые, и въ томъ числѣ Дюкеръ, увѣряли, что нижніе чины положатъ оружіе, когда увидятъ наступающаго противника; другіе жаловались, что у ихъ людей нѣтъ патроновъ; «но», говоритъ Левенгауптъ, «въ этомъ они были сами виноваты, не исполнивъ приказанія запасть наканунѣ съ вечера патронами у артиллеріи, гдѣ были запасы, хотя порохъ и былъ плохъ».

Но этотъ рассказъ Левенгаупта не полонъ. Въ немъ не приведенъ ни одинъ рѣшительный и смѣлый отвѣтъ офицеровъ; между тѣмъ, полковникъ Рамсвѣрдъ, по его

собственному свидѣтельству ¹⁾, отвѣчалъ, что и онъ, и его полкъ присягали Его Королевскому Величеству, и поэтому онъ надѣется, что не найдется никого, кто не исполнилъ бы своего долга (plik och devoir); Рамсвэрдъ упоминаетъ, что одинъ полковникъ (Дюкерь?) тогда на это сказалъ, что, конечно, есть офицеры, которые готовы побить всю русскую армію, но такіе разговоры большого значенія не имѣютъ.

Объ отвѣтѣ Рамсверда или о какомъ-либо другомъ въ томъ же духѣ Левенгауптъ не упоминаетъ. Но сравнивая его съ отвѣтами полковъ, данными позже, нельзя допустить, чтобы Рамсвэрдъ былъ единственнымъ истинно-храбрымъ изо всѣхъ командировъ полковъ.

Опросивъ начальниковъ, главнокомандующій затѣмъ поручилъ имъ опросить солдатъ, что они намѣрены дѣлать и не предпочтутъ ли они защищаться, а не идти въ плѣнъ—примѣръ, едва ли не единственный въ военной исторіи!

Дальнѣйшія событія Левенгауптъ описываетъ такъ: нѣкоторые офицеры отвѣтили, что нижніе чины, можетъ быть, и могли бы отвѣтить утвердительно (насчетъ желанія защищаться), «но ни одинъ изъ нихъ этого не сдѣлалъ», потому что среди нихъ были слишкомъ велики растерянность и страхъ; эти офицеры клятвенно увѣряли, что если дойдетъ до боя, то нельзя надѣяться на нижнихъ чиновъ, но они сами и подчиненные имъ офицеры, тѣмъ не менѣе, исполнять все, что потребуетъ отъ нихъ генераль для службы Его Величества.

Этотъ отвѣтъ дали «нѣкоторые» офицеры,—значить, не *все*.

---

1) Karolinska krigares dagböcker, utg. af Quennerstedt, II, 231.

Можно сомнѣваться, правильно ли передаетъ разсказъ Левенгаупта упадокъ духа въ отвѣтѣ командировъ полковъ. Съ чисто психологической точки зрѣнія слѣдуетъ допустить, что въ арміи, гдѣ до тѣхъ поръ царили превосходнѣйшая дисциплина и наилучшій военный духъ, при приглашеніи командировъ полковъ спросить нижнихъ чиновъ, что они думаютъ дѣлать, первой мыслью этихъ командировъ было стремленіе избѣжать участія въ мѣрѣ, столь противорѣчащей военной дисциплинѣ, и они должны были стараться отклонить такое порученіе.

Заслуживаетъ вниманія, что ближайшая реплика Левенгаупта командирамъ является, очевидно, отвѣтомъ на ихъ уклончивый отвѣтъ. По его собственнымъ словамъ, онъ сказалъ: «Господа, вы хотите въ столь трудномъ дѣлѣ взвалить всю тяжесть мнѣ на плечи; для меня одного она слишкомъ велика. Нѣтъ, этого не будетъ; я еще готовъ рискнуть моей сѣдой головой, но лишь если вы всѣ съ вашими людьми готовы на то же».

Полковникъ Дюкеръ спросилъ, не оставилъ ли король точныхъ приказаній, что дѣлать? Левенгауптъ отвѣтилъ: «Вы сами, конечно, знаете, что Его Величество не могъ дать другихъ приказаній, кромѣ какъ защищаться, покуда возможно, и поэтому мнѣ прежде надо знать, что вы, ваши офицеры и нижніе чины намѣрены дѣлать, раньше чѣмъ я скажу вамъ, что намѣренъ дѣлать я». Онъ добавилъ, что они должны всѣ вотировать и послѣ онъ дастъ свое заключеніе, но теперь они должны тотчасъ поѣхать къ своимъ полкамъ и сообщить ему отвѣтъ солдатъ.

Своимъ этимъ отвѣтомъ Левенгауптъ провинился въ несомнѣнномъ искаженіи приказа Карла—вести армію

за Ворсклу и дальше въ татарскія владѣнія, а послѣ прибыть къ Очакову.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы ободрить офицеровъ, а черезъ нихъ и солдатъ, сообщеніемъ имъ приказа Карла пробиться на дорогу, которая, по собственному мнѣнію Левенгаупта вела ко спасенію; вмѣсто того, чтобы сказать, что приказано попытаться перейти мелкую Ворсклу и направиться въ земли хана, т. е. сдѣлать попытку, имѣвшую всѣ шансы увѣнчаться успѣхомъ; вмѣсто всего этого Левенгауптъ говоритъ, что они легко могутъ понять, что король не могъ ничего другого приказать, кромѣ какъ защищаться, пока можно, т. е. биться до послѣдняго человѣка безъ надежды на спасеніе. Притомъ отвѣтъ Левенгаупта носить двусмысленную форму: онъ не говоритъ опредѣленно, что король отдалъ такое именно отчаянное приказаніе, но что они сами легко могутъ понять, что другого приказанія король отдать не могъ.

Сохранившій всѣ свои душевныя и тѣлесныя силы главнокомандующій, несомнѣнно, былъ обязанъ сдѣлать энергичное усиліе и попытаться отвести армію за Ворсклу; если для этого—впервые въ арміи короля Карла—было недостаточно однихъ опредѣленныхъ приказаній, то надо было велѣть офицерамъ ободрить нижнихъ чиновъ, объяснивъ имъ представляющуюся возможность спастись. Но вмѣсто этого Левенгауптъ отказывается отъ инициативы вождя и приказываетъ спросить мнѣніе нижнихъ чиновъ, причемъ, вслѣдствіе ложнаго толкованія приказанія короля солдаты могли думать, что если они рѣшатся биться, то имъ предстоитъ совершенно безнадежный бой. Если бы Левенгауптъ намѣренно желалъ отнять у своего войска всякую надежду на спасеніе и всякую вѣру въ

*

пользу попытокъ пробиться, то едва ли онъ могъ придумать для этого лучшее средство, чѣмъ избранное имъ.

Карль, очевидно, впоследствии узналъ о поведеніи Левенгаупта во время этого свиданія съ офицерами, когда не было сдѣлано сколько-нибудь точной передачи оставленныхъ королемъ приказаній.

Несомнѣнно, именно мысль объ этомъ заставила короля впоследствии упрекать себя, зачѣмъ онъ не сообщилъ всѣмъ генераламъ и полковникамъ тѣхъ же приказаній, которыя были даны Левенгаупту и Крейцу. Хотя это упущеніе Карла не имѣло бы большого значенія, если бы главнокомандующій или выполнилъ бы эти приказанія, не совѣтуясь съ подчиненными, или покрайней мѣрѣ вѣрно передалъ бы имъ содержаніе этихъ приказаній ¹⁾. Въ письмѣ отъ 14-го декабря 1712 года къ Ульрику Элеонору ²⁾ Карль говоритъ, что если бы онъ самъ отдалъ приказанія генераламъ и полковникамъ, «никогда не могло бы случиться ничего подобнаго тому, что случилось теперь, потому что всѣ младшіе полковники не знали на что рѣшиться, не знали ничего объ отданныхъ (Карломъ) приказаніяхъ, ни куда имъ идти съ полками, ни куда я уѣхалъ».

Итакъ, Левенгауптъ приказалъ офицерамъ ѣхать къ ихъ полкамъ и спросить у нижнихъ чиновъ, что они думаютъ дѣлать. Первымъ слѣдствіемъ этого явилась потеря времени, что было очень нежелательно, если дѣло шло въ серъезъ объ отходѣ за Ворсклу.

¹⁾ Крейцъ, повидимому, въ это время еще не вернулся отъ Меньшикова и не присутствовалъ при свиданіи Левенгаупта съ офицерами.

²⁾ *Carlson*: Konung Karl XII-se genhändigade bref, sid 123.

Офицеры вернулись къ генералу съ отвѣтами солдатъ. Левенгауптъ жалуется, что большая часть привезла неопредѣленные отвѣты («*som hvarken var hugget eller stucket*») и что выходило, точно каждый хочетъ главнымъ образомъ извинить своихъ людей, чтобы они не показались хуже другихъ; большая часть отвѣчала, что ихъ люди сказали: «они будутъ дѣлать то же, что и другіе, если только противъ нихъ не будетъ слишкомъ большихъ силъ врага». При этомъ командиры полковъ жаловались, что имъ было очень трудно собрать своихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Но и такой отвѣтъ людей былъ достаточно рѣшительный, если у нихъ не было никакой надежды на побѣду и спасеніе и при неправильномъ представленіи, что Карлъ приказалъ лишь защищаться до послѣдней возможности. Одинъ изъ отвѣтовъ заслуживаетъ особаго упоминанія, показывая, что въ арміи было болѣе правильное, чѣмъ у Левенгаупта, понятіе объ отношеніяхъ начальниковъ и нижнихъ чиновъ. Драгуны Альбедюля отвѣтили: «Зачѣмъ насъ теперь спрашиваютъ? Прежде насъ никогда не спрашивали, а только командовали: впередъ! Мы не можемъ сказать, что побьемъ врага, но мы сдѣлаемъ все, что въ человѣческихъ силахъ».

Въ этомъ простомъ отвѣтѣ драгунъ заключается убійственная критика дѣйствій Левенгаупта. Но Левенгауптъ говоритъ, что это было «болѣе претензіей на храбрость, чѣмъ смѣлымъ намѣреніемъ драться». Такимъ образомъ полки Карла передъ лицомъ потомства обвиняются ихъ временнымъ вождемъ, что они лицемѣрно притворялись храбрыми; это—тяжелое и незаслуженное оскорбленіе.

Главнокомандующій остался недоволенъ полученными отвѣтами. Онъ приказалъ командирамъ полковъ снова ѣхать къ своимъ частямъ и «представить имъ, что врагъ стоитъ передъ нами со своей арміей и приходится думать только о томъ, чтобы биться до послѣдней возможности или сдаться въ плѣнъ, и на этотъ счетъ я хочу точно знать, что они думаютъ дѣлать».

На этотъ разъ были получены разные отвѣты. Въ нѣкоторыхъ полкахъ люди молчали и не желали отвѣчать, что достаточно характерно. Другіе сказали, что будутъ драться противъ непріятельской кавалеріи, но не пѣхоты, потому что шведская пѣхота слишкомъ слаба; были также отвѣтившіе, что они не могутъ позволить перебить себя. По словамъ Левенгаупта три полка заявили о желаніи драться; это, конечно, значить, что они дали совершенно опредѣленные смѣлые отвѣты; другіе вѣдь тоже заявляли о желаніи драться противъ кавалеріи; а молчавшіе этимъ еще не заявляли о своемъ намѣреніи положить оружіе. Эти три полка были лейбъ-гвардіи Конный (lifregementet), Лейбъ-драгунскій и Абосскій кавалерійскій; затѣмъ тотъ же отвѣтъ передалъ отъ своихъ драгунъ полковникъ Веннерстедтъ. А такъ какъ драгуны Альбедюля уже при первомъ опросѣ дали приведенный выше отвѣтъ, достаточно смѣлый, и полковникъ Рамсвэрдъ заявлялъ, что его полкъ исполнить свой долгъ, то вотъ уже шесть полковъ, опредѣленно отвѣтившихъ, что они будутъ драться.

Левенгауптъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Дюкерь и другіе говорили, что кто хвастаетъ теперь больше всѣхъ, тѣ первыми побѣгутъ. Неизвѣстно, на ка-

комъ основаніи это могло говоритья, напримѣръ, о лейбъ-гвардіи Конномъ полку.

Между тѣмъ, со стороны русскихъ прибылъ посланецъ за отвѣтомъ по поводу предложенной капитуляціи. По этому случаю Левенгауптъ принялъ въ высшей степени странную мѣру, хуже которой трудно придумать. Именно, онъ велѣлъ отвѣтить русскимъ, что онъ не имѣетъ права дать отвѣтъ единолично и раньше, чѣмъ «соберетъ всѣхъ начальниковъ и выслушаетъ ихъ мнѣнія»; поэтому онъ просилъ часъ сроку, на что русскіе согласились.

Но вѣдь Левенгауптъ принялъ отъ Карла высшее командованіе безъ всякихъ обязательствъ сообразоваться съ мнѣніями подчиненныхъ и онъ самъ опредѣленно говоритъ, что король передалъ ему «всю власть главнокомандующаго» (*hela kommandot*) ¹⁾. Отвѣтъ его русскимъ показывалъ, что онъ отказывается отъ высшаго командованія и этимъ Меньшикову дано было знать, что у шведовъ больше нѣтъ настоящаго начальника; все это убавляло шансы шведовъ и на удачную попытку пробиться, и на выгодныя условія капитуляціи ²⁾.

Затѣмъ были собраны командиры полковъ, постав-

¹⁾ Karolinska krigares dagböcker II, 295.

²⁾ Самъ Левенгауптъ говоритъ, что далъ этотъ отвѣтъ, желая выиграть время для спасенія короля. Но для этого совсѣмъ не надо было сообщать русскимъ, что онъ лично не можетъ принять рѣшенія. Часъ времени можно было легко выиграть иначе. Все это скорѣй показываетъ, что Левенгауптъ еще до окончательнаго голосованія арміи рѣшилъ, что надо капитулировать.

лены въ кругъ, съ Левенгауптомъ посрединѣ, и началось формальное голосованіе. Нельзя особенно удивляться, что имѣя передъ глазами поведеніе главнокомандующаго и послѣ всѣхъ его убѣжденій и выспрашиваній, офицеры теперь подали голось за капитуляцію.

По словамъ Левенгаупта, всѣ признали лучшимъ «сдаться на сколько-нибудь почетныхъ условіяхъ, чѣмъ продолжать испытывать счастье оружія». Это объясняли беспорядкомъ и смятеніемъ въ арміи. Несомнѣнно, что въ войскахъ царилъ беспорядокъ, но мѣры, принятыя Левенгауптомъ могли только увеличить этотъ беспорядокъ и упадокъ духа.

Конечно, нельзя утверждать, что Левенгаупту удалась бы попытка спасти шведскую армію подъ Переволочной, переведа ее за Ворсклу и направивъ во владѣнія татаръ. Но мы имѣемъ полное право сказать, что онъ оказался не на высотѣ задачи, которую самъ выпросилъ себѣ, и что его дѣйствія, въ качествѣ главнокомандующаго, несомнѣнно уменьшили шансы арміи на спасеніе, которые она могла бы имѣть подъ руководствомъ энергичнаго вождя. Когда Карлу на Днѣпрѣ говорили о смятеніи въ войскѣ, онъ сказалъ: «Они будутъ драться, когда я прикажу имъ!» Между этимъ тономъ вождя и покорнымъ вопросомъ Левенгаупта: «Что они думаютъ дѣлать?» разница, какъ отъ неба до земли.

Итакъ, была заключена капитуляція, и вся шведская армія сдалась въ плѣнъ болѣе слабому, чѣмъ сама, русскому отряду и съ тріумфомъ была отведена назадъ къ Полтавѣ. Особенно печальной подробностью капитуляціи

было, что запорожцы были исключены из ея условій, и такимъ образомъ эти союзники Швеціи были выданы на месть царя.

О численномъ составѣ шведской арміи подъ Переволочной имѣются разныя свѣдѣнія. По даннымъ, имѣющимся въ шведскомъ военномъ архивѣ, всего было до 15.729 человекъ; согласно дневнику Вейе (Weihe)— 15.028; по журналу царя Петра— 15.921; по другому русскому списку и по донесеніямъ Грунда— свыше 16.000. Всего достовѣрнѣе кажется цифра, приводимая въ журналѣ царя, какъ сумма очень подробнаго исчисленія численнаго состава каждаго изъ полковъ, который русскіе начальники могли провѣрить при Переволочнѣ и въ Полтавѣ. Сумма эта очень мало отличается отъ цифры, приводимой въ шведскомъ военномъ архивѣ.

Какъ извѣстно, Левенгауптъ въ послѣдствіи очень старался оправдать свои дѣйствія, ссылаясь на подавляющее превосходство силъ русскихъ, на глубину и непроходимость Ворсклы и на отсутствіе «мостовъ, лодокъ, плотовъ и какихъ бы то ни было средствъ переправы».

По этому поводу надо отмѣтить, что русскихъ подъ Переволочной было меньше, чѣмъ шведовъ, въ общемъ не болѣе 9.000, причемъ бѣльшая часть русскаго отряда состояла изъ кавалеріи, и если бы ее удалось шведамъ разбить, то у царя не осталось бы больше сколько-нибудь надежной конницы для ихъ преслѣдованія. Затѣмъ, Ворскла у Кишенки была такъ мелка, что ее можно было переѣхать въ бродъ, по свидѣтельству Юлленкрука, лично ее рекогносцировавшаго. По словамъ же Крейца, все шведское войско было посажено на коней. Относительно средствъ для переправы Юлленкрукъ

упоминаетъ о восьми большихъ паромахъ и объ устройствѣ плотовъ изъ большихъ бревенъ, найденныхъ въ Переволочнѣ.

Левенгауптъ впоследствии, очевидно, понялъ, что его затѣя—опросить нижнихъ чиновъ о томъ, что они думаютъ дѣлать, и съ ихъ отвѣтами согласовать распоряженія главнокомандующаго—не встрѣтила всеобщаго сочувствія ¹⁾, и тогда онъ сталъ искать доказательствъ необходимости этой мѣры. При этомъ онъ высказываетъ такую поразительную, для такого, какъ онъ, опытнаго генерала и извѣстнаго полководца, теорію—начальнику неприлично спрашивать своихъ подчиненныхъ, что они думаютъ дѣлать, если они не вышли еще у него изъ повиновенія, такъ что охотно пойдутъ за нимъ, но что въ данномъ случаѣ, когда чувствовалось замѣшательство, спросить ихъ слѣдовало, и это должно было поднять ихъ духъ.

Слѣдованіе такому принципу наврядъ ли является наилучшимъ способомъ созданія и поддержанія дисциплины въ арміи.

Затѣмъ Левенгауптъ совершенно серьезно цитируетъ изъ Библіи примѣры Гедеона и Іуды Маккавея и указанія изъ пятой книги Моисея, что начальникъ долженъ предложить оробѣвшему остаться дома, чтобы онъ не

---

¹⁾ Онъ говоритъ, что его враги „очень затрагивали его самолюбіе по этому поводу и говорили, что все должно было завистью отъ моей собственной воли, какъ ихъ начальника, и что главнокомандующему не подобааетъ спрашивать своихъ подчиненныхъ, но онъ долженъ, не допуская возраженій, приказывать (*absolut att befala*), что они должны дѣлать“. Изъ этого видно, что среди плѣнныхъ офицеровъ дѣйствія Левенгаупта рѣзко осуждались.

заставилъ сердца своихъ братьевъ такъ же ослабѣть, какъ его сердце.

На русской сторонѣ, повидимому, испытали нѣкоторое чувство изумленія, что удалось такъ легко захватить въ свою власть грозную шведскую армію. Объ этомъ свидѣлствуютъ депеши иностранныхъ пословъ. Англійскій посолъ Витвортъ писалъ, что наврядъ ли найдется въ исторіи еще примѣръ, чтобы столь многочисленныя регулярныя войска покорно подчинились такой судьбѣ. Датскій посолъ Грундъ писалъ изъ Москвы, что такое множество вооруженныхъ людей, доходившее до 14—15.000, раздѣленное на полки и снабженное генералами и офицерами, не посмѣло обнажить шпаги, но сдалось въ плѣнъ гораздо болѣе малочисленному врагу: они (шведы), конечно, указываютъ, что у нихъ не хватало пороху и съѣстныхъ припасовъ; но если ихъ лошади могли нести ихъ, а они сами могли держать въ рукахъ шпагу, то каждому кажется — сдаться безъ боя, это ужъ слишкомъ! Самъ царь Петръ въ своемъ журналѣ говоритъ, что шведовъ подъ Переволочной было гораздо больше, чѣмъ думали; въ этихъ словахъ заключается извѣстная доля порицанія.

Крымскій ханъ въ мартѣ 1711 года говорилъ посланному Карломъ XII-мъ подполковнику Лагербергу, что онъ удивлялся, почему Левенгауптъ не пошелъ съ арміей во владѣнія татаръ, когда ему не было на пути большихъ препятствій, чѣмъ рѣка Самара, которую можно переѣхать. Ханъ стоялъ наготовѣ у Перекопа и хорошо и охотно принялъ бы шведовъ ¹⁾.

¹⁾ Sven Lagerbergs dagbok, sid. 86.

Карль и его свита, ѣхавшіе черезъ степи за Днѣ-промъ, не ожидали, что армію постигнетъ катастрофа. 11-го іюля Карль достигъ Очакова и отсюда послалъ къ хану секретаря Клинковстрѣма; король писалъ за-тѣмъ хану, что не сомнѣвается, что Левенгауптъ въ на-стоящее время уже достигъ татарскихъ владѣній, и про-ситъ хана позаботиться, чтобы армія была снабжена, за деньги, съѣстными припасами. Того же числа король писалъ сераскиру въ Бендеры, что несчастіе подъ Пол-тавой ограничивалось тѣмъ, что наибольшая часть его арміи отступила во владѣнія татаръ, и король и въ этомъ письмѣ выражалъ надежду, что ханъ прикажетъ снабдить его войска провіантомъ. 12-го іюля Карль отправилъ въ Швецію приказъ о наборѣ рекрутъ, не имѣя еще ни малѣйшаго понятія о капитуляціи арміи; все письмо написано, имѣя въ виду положеніе послѣ Полтавы и предполагая, что кавалерія находится сравни-тельно въ хорошемъ состояніи. Въ тотъ же день Поня-товскій писалъ королю Станиславу; онъ ни слова не говоритъ о капитуляціи, но сообщаетъ, что собираются идти въ Подолію, чтобы, если возможно, соединиться со Станиславомъ, и что Карль не такъ ужъ горевалъ о потеряхъ въ сраженіи, потому что надѣялся съ Божьей помощью все снова поправить ¹⁾). Въ одномъ письмѣ Блинковстрѣма изъ Бахчисарая говорится, что слышно, будто Левенгауптъ окопался на выгодной позиціи и у него съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько недѣль.

Лишь значительно позже, въ іюлѣ, узналъ Карль о

---

¹⁾ Handlingar rörande det stora nordiska kriget, vol. XIII. (Въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ).

капитуляціи и о полномъ размѣрѣ несчастія. 7-го августа въ письмѣ изъ Бендеръ Пиперу и Реншѣльду король высказалъ свое глубокое неудовольствіе по поводу сдачи Левенгаупта, объявляя, что не приказывалъ ему этого; король считалъ, что кавалерію ¹⁾, во всякомъ случаѣ, можно было спасти, и что если бы онъ могъ предвидѣть то, что произошло, то никогда не оставилъ бы арміи.

Карль XII, повидимому никогда не простилъ Левенгаупта. Въ письмѣ отъ 14-го декабря 1712 г. къ Ульрихъ-Элеонорѣ онъ пишетъ, что Левенгауптъ «поступилъ противно приказанію и воинскому долгу (soldatmaner), самымъ постыднымъ образомъ, и причинилъ непоправимую потерю, которая не могла бы ни въ какомъ случаѣ быть больше, если бы онъ отважился на самое крайнее. Всегда прежде онъ выказывалъ себя съ отличнѣйшей стороны, но на этотъ разъ онъ, повидимому не владѣлъ разсудкомъ, такъ что ему врядъ ли можно будетъ что-либо поручать впредь... Я не думаю, чтобы онъ сдѣлалъ это по умысленной злонамѣренности или по личному малодушію. Но на войнѣ это не оправданіе, и онъ, вѣрно, совсѣмъ потерялъ голову и не имѣлъ духа поступить, какъ надлежало генералу въ трудную минуту, потому что тогда непростительно выказывать робость, какъ это сдѣлалъ онъ. Если бы онъ не увѣрялъ меня торжественно совсѣмъ въ другомъ при нашемъ разставаньи, то я никогда не оставилъ бы его, но онъ самъ предложилъ себя для замѣщенія главнокомандующаго».

---

¹⁾ Согласно Крейцу, вся пѣхота была посажена на коней.

Въ шведской арміи, когда она отступила отъ Полтавы и остановилась у Днѣпра, не было никакого дѣйствительнаго энергичнаго высшаго управленія, и въ этомъ заключалась важнѣйшая причина, что все пошло дурно. Главнѣйшей причиной несчастія (для шведовъ), какъ здѣсь, такъ и въ бою подъ Полтавой, являлось, несомнѣнно, то, что рана Карла не дала ему возможности лично командовать своей арміей и не нашлось никого, кто смогъ бы его замѣнить.

Заканчиваемая нами здѣсь работа является попыткой опредѣлить и выяснить планы Карла XII-го для великаго похода на Россію въ 1707—1709 г. и объяснить измѣненія, которымъ эти планы должны были подвергнуться въ различные періоды похода и вслѣдствіе измѣненій обстановки.

При этомъ обнаружались слѣдующія качества Карла: ясная и холодная логика при выработкѣ плановъ, твердая послѣдовательность при ихъ выполненіи, методическая оцѣнка представляющихся препятствій, осторожное уклоненіе отъ нихъ пока это возможно при выполненіи главнаго плана, тщательная подготовка боевыхъ дѣйствій и смѣлая, энергичная прямая атака, когда это необходимо.

Въ веденіи войны были совершены ошибки, но онѣ имѣютъ меньше значенія и отчасти другого рода, чѣмъ обыкновенно считали. Конечная катастрофа вызвана главнымъ образомъ длиннымъ рядомъ непредвидѣнныхъ несчастій, прежде всего—исключительными климатическими условіями, ненормальный характеръ которыхъ никто не могъ бы предусмотрѣть, а также промахами второстепен-

ныхъ начальниковъ и, наконецъ, несчастіемъ, лично поразившимъ Карла—полученной имъ подъ Полтавой раной. Случай, всегда могущественный факторъ на войнѣ, столь часто разстраивавшій во время этой кампаніи наилучшіе планы и предположенія, едва ли въ какой-нибудь другой войнѣ игралъ большую роль, чѣмъ во время русскаго похода Карла XII-го.

Потерпѣвшій неудачу не всегда является изъ-за этого менѣе достойнымъ. Стратегъ не становится менѣе великъ оттого, что планы его разстраиваются событіями, которыхъ онъ не могъ предусмотрѣть или принять въ расчетъ.

Военная слава Карла XII-го въ послѣднее время часто основывалась почти исключительно на его отчаянной храбрости и на его способности воодушевлять своихъ солдатъ и водить ихъ въ безумныя атаки. Эта наша работа имѣла цѣлью доказать, что при ближайшемъ изученіи русскаго похода Карль XII-й является не только геройски храбрымъ бойцомъ и искуснымъ предводителемъ, но и настоящимъ *стратегомъ, полководцемъ Божьей милостію*.

А. Стилле.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Послѣ долгаго и глубокаго упадка въ теченіе Среднихъ Вѣковъ военное искусство возродилось въ Тридцатилѣтнюю войну въ лицѣ *Густава Адольфа*. Съ тѣхъ поръ шведская армія преемственно хранила основы рациональной тактики и стратегии и до Полтавской битвы считалась первой въ Европѣ. Лееръ, столь отрицательно

относящейся къ Карлу XII, объясняетъ его первоначальныя успѣхи не его военными талантами, а именно высокими качествами его арміи. Но, какъ я уже говорилъ въ началѣ книги, Лееръ глубоко ошибается, не будучи знакомъ съ тѣми данными, что сдѣлались извѣстны теперь. Теперь мы видимъ ясно, что дѣйствія Карла отнюдь не являются *авантюристической стратегіей*; они закончились катастрофой, когда Карлъ выбылъ изъ строя и высшее командованіе перешло изъ энергичныхъ рукъ короля въ одряхлѣвшія руки Реншельда и Левенгаупта. Но вѣдь и карьера Наполеона закончилась цѣлымъ рядомъ катастрофъ—начиная съ 1812 года, онъ проигрываетъ подрядъ *все* кампаніи, вплоть до кампаніи 1815 года, одной изъ самыхъ блестящихъ по замыслу и самыхъ трагическихъ по исполненію. Притомъ Наполеонъ изъ строя не выбывалъ и лично командовалъ до конца во всѣхъ этихъ кампаніяхъ.

Подъ Полтавой - Переволочной погибла шведская армія. Подъ Ватерлоо погибла не только лучшая часть французской арміи, но рухнулъ окончательно самый тронъ Наполеона и Франція безпомощно перешла во власть союзниковъ. Однако, никому и въ голову не придетъ отрицать военный геній Наполеона изъ-за 1812-го года и Ватерлоо¹⁾.

Ошеломленные необычайнымъ и для самого Петра неожиданнымъ по размѣрамъ разгромомъ шведовъ подъ

¹⁾ Хотя, можетъ быть, и слава Наполеона не уцѣлѣла бы, если бы онъ не оставилъ послѣ себя многотомныхъ воспоминаній, записанныхъ его вѣрными спутниками въ годы многолѣтняго вынужденнаго досуга на островѣ св. Елены. Карлъ же умеръ на полѣ битвы, подъ Фредриксгальдомъ въ Норвегіи, и никакихъ записокъ не оставилъ.

Полтавой, «поклонники успѣха» отвергли всякіе военные таланты Карла, признавъ лишь то, что отрицать было совершенно невозможно — его *безумную* храбрость. Внимательный же читатель книги Стилле ясно видитъ, что въ лицѣ Карла мы имѣемъ *великаго мастера военнаго дѣла*, въ совершенствѣ постигшаго и блестяще проводившаго на практикѣ тѣ самые стратегическіе принципы, въ незнакомствѣ съ которыми такъ высокомѣрно обвиняетъ его почтенный кабинетный ученый Лееръ, увѣряя, что всѣ дѣйствія Карла являются злоупотребленіемъ однимъ единственнымъ принципомъ *внезапности*. Послѣ ряда блестящихъ *дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ* (Данія — Нарва — Рига — Клишовъ (Польша) — Саксонія) Карль совершаетъ не менѣе блестящій *стратегическій обходъ*, вытѣсняя русскую армію изъ Польши. Избравъ затѣмъ *операціонную линію на Москву*, Карль, несмотря ни на что, не уклоняется отъ *единства цѣли*, но по необходимости, по мѣрѣ измѣненія обстановки, отходить отъ первоначально намѣченнаго кратчайшаго пути черезъ Смоленскъ, пробуя сначала сдѣлать обходъ укрѣпленныхъ позицій Петра черезъ Почепъ и Калугу, потомъ черезъ Курскъ и, наконецъ, черезъ Харьковъ. Въ тактическомъ отношеніи замѣчательно умѣнье Карла пользоваться кавалеріей, требуя отъ нея стремительныхъ атакъ холоднымъ оружіемъ (что ввелъ у себя и Петръ, «съ едиными токмо шпагами атакуя»); послѣ Карла и Петра эта истинно-кавалерійская тактика исчезаетъ въ европейскихъ арміяхъ и вновь возрождается лишь въ эпоху Фридриха II, съ Зейдлицемъ и Цитеномъ (и атаккой «въ дротики» нашихъ Чугуевскихъ казаковъ подъ Пальцигомъ). Организація маршей, форсированныхъ пе-

реправъ и т. п. въ шведской арміи также указываетъ на здравые тактическіе принципы, вошедшіе въ рутину.

Достойный противникъ Карла, царь Петръ, со своей стороны, не упускаетъ ни одного случая («промедленіе— смерти подобно») наносить королю вѣрные, быстрые и тяжкіе удары: разгромъ Левенгаупта подъ Лѣсной (*уничтоженіе подвижной базы*); взятіе и сожженіе Батурина (*уничтоженіе промежуточной базы*); взятіе и сожженіе Сѣчи (*уничтоженіе второй промежуточной базы*); уничтоженіе приготовленныхъ запорожцами средствъ переправы у Переволочны на коммуникаціонной линіи шведовъ; своевременная высылка отряда Гольца въ Польшу, парализовавшая подходъ подкрѣпленій; рѣшительный переходъ въ наступленіе подъ Полтавой тотчасъ по полученіи извѣстія о ранѣ Карла и о движеніи Крымскихъ татаръ. Пока Карль не выбылъ изъ строя, онъ быстро оправляется отъ каждаго изъ этихъ ударовъ и съ новой энергіей упорно стремится къ прежней цѣли. Оба полководца отлично знаютъ качества своихъ армій и въ совершенствѣ ими пользуются: пока закаленная въ бояхъ шведская армія еще достаточно сильна численно, Карль стремится вынудить Петра принять бой въ открытомъ полѣ; Петръ упорно уклоняется отъ такого боя съ самимъ Карломъ, какъ отъ «зѣло опаснаго дѣла», терпѣливо ожидая, когда не получающая больше года подкрѣпленій шведская армія сильно убудетъ. Царь уничтожаетъ мѣстныя средства на пути наступленія шведовъ и занимаетъ одну укрѣпленную позицію за другой, вызывая Карла на атаку ихъ; но Карль все болѣе и болѣе уклоняется къ югу, *обходя эти позиціи*, и когда, наконецъ обходъ удачно законченъ, путь на Москву че-

резь Харьковъ открытъ ¹⁾ и Петру придется принять генеральное сраженіе, все останавливается изъ-за неожиданнаго разлива рѣкъ. Король, вынужденный ожидать у Полтавы спада водъ и прибытія подрѣпленій изъ Польши и Крыма, уступаетъ инициативу царю. Но Петръ и теперь не переоцѣниваетъ качество своей молодой арміи—несмотря на тройное превосходство въ силахъ, подъ Полтавой онъ, *стратегически наступая, тактически обороняется*, какъ Фэдэрбъ въ 1870 г.: не атакуетъ самъ, а укрѣпляетъ поле сраженія и принимаетъ атаку шведовъ. Армія же короля совершенно правильно избираетъ *единственный (кроме отступленія) способъ не дать окружить и раздавить себя подавляющему по численности противнику—энергично атакуетъ сама*. Лучшій кавалерійскій генералъ шведовъ—*самъ Карлъ*—въ бою не участвуетъ. Атака шведской кавалеріи удачна, но не доведена до конца. Шведская пѣхота, лишённая въ критическую минуту поддержки своей кавалеріи, охвачена съ фланговъ и бой обращается въ пораженіе шведовъ.

Раненый, изнемогающій отъ лихорадки, король собираетъ послѣднія силы, садится верхомъ съ кровоточащей ногой и исполняетъ труднѣйшую задачу вождя—выводитъ разбитую армію изъ боя. Шведы отступаютъ благополучно, отразивъ попытки преслѣдованія русскихъ

---

¹⁾ Стратегическіе обходы—труднѣйшая операція. Въ Японскую войну всѣ наши отступленія, погубившія кампанію, вызывались главнымъ образомъ излишней впечатлительностью главнокомандующаго къ намѣчавшимся японцами *стратегическимъ* обходамъ, изъ которыхъ ни одинъ въ действительности не былъ выполненъ; даже подъ Мукденомъ армія Ноги не удалось продвинуться далѣе нашего крайняго праваго фланга и стратегической обходъ не удался.

и *уведя съ собой обозы и артиллерию*; это не бѣгство. Не вина Карла, если силы ему, наконецъ, измѣняются, онъ падаетъ въ забытѣе, никто изъ генераловъ не вступаетъ въ командованіе арміей, и она стихійно идетъ мимо переправъ черезъ Ворсклу къ Днѣпру, гдѣ послѣ отъѣзда короля, передавшаго команду Левенгаупту, шведы, вопреки приказанію короля, проводятъ бессонную ночь въ безплодныхъ попыткахъ устроить переправу и утромъ, *подъ давленіемъ Левенгаупта*, сдаются безъ боя вдвое слабѣйшему противнику.

Никто не имѣетъ права подозрѣвать стараго боевого генерала Левенгаупта въ трусости; въ этомъ не обвиняетъ его и Карлъ. Но и у храбрѣйшихъ людей бываютъ надломы энергіи *вслѣдствіе физическаго и нравственнаго переутомленія*. Вѣдь и маршалы Наполеона, даже *храбрѣйшій изъ храбрыхъ* Ней, настолько устали воевать, что въ 1814 году возмутились въ Фонтенебло и заставили капитулировать самого императора, причемъ рѣшеніе маршаловъ вызвался ему передать Ней. Отдохнувъ, тотъ же Ней въ 1815 году загладилъ это свое малодушіе на полѣ битвы подъ Ватерлоо и потомъ на мѣстѣ казни, героемъ умеревъ за императора.

Такъ и Левенгауптъ, съ самаго начала кампаніи участвовавшій въ ней противъ воли и не вѣрившій въ успѣхъ, долженъ былъ мучительно желать одного—*поскорѣй все это кончитъ* ¹⁾.

---

¹⁾ Судьба Левенгаупта была печальна—и онъ, и графъ Пиперъ (взятый въ плѣнъ подъ Полтавой) никогда больше не увидѣли родины и умерли въ Россіи въ плѣну. А. П.

Теперь, когда Полтавскій юбилей давно прошелъ, не время ли признать, что столь обычное умаленіе личности Карла и доблести его войскъ является въ то же время умаленіемъ славы Петра и русской арміи? Не велика была бы заслуга ея геніальнаго создателя, если бы онъ побѣдилъ только «героя безумнаго» (по выраженію Пушкина) или «отчаянно храбраго солдата, не имѣвшаго понятія о стратегіи» (по мнѣнію Леера). Самъ Петръ смотрѣлъ на дѣло болѣе здраво и не даромъ пилъ послѣ Полтавы за здоровье «своихъ учителей-шведовъ».

Въ 1909 году мы возвели на Полтавскомъ полѣ памятникъ нашимъ павшимъ храбрымъ врагамъ. Увѣнчаемъ же его признаніемъ, что *Карлъ XII былъ великимъ полководцемъ, а его побѣдитель Петръ I былъ его геніальнымъ ученикомъ.*

А. Полторацкій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Прибытіе Карла XII въ Бендеры ¹⁾.

Когда Карль XII высадился на южный берег Днѣпра, онъ нашелъ тамъ различныхъ придворныхъ и лицъ свиты, которымъ Левенгауптъ позволилъ переправиться раньше короля, пока Карль обсуждалъ съ генералами свою поѣздку.

Среди переправившихся были «гофмаршалъ баронъ фонъ Дюбенъ, фельдмаршалъ Аксель Спарре, ихъ превосходительства графъ Бьелке и Хордъ, президенты Йерта и Шеферъ, служащіе королевской канцеляріи, генералы Лагеркруна, Поссе, Роосъ и Дальдорфъ, полковники Торстенсонъ, Арведсонъ и Гротхусенъ, королевскіе драбанты, группа офицеровъ разныхъ полковъ, епископъ Мальмбергъ, магистры У. Ауривилліусъ и Стернель, 18 священниковъ, 2 главныхъ повара, 2 помощника поваровъ, 2 деньщика и 2 мальчика. При королевскомъ серебрянъ тафельдекеръ Адамъ Перль и вице-мундшенкъ Йонъ Хульманъ, 1 пажъ, 4 лакея, 1 провіантмейстеръ (*fodermarsk*), 8 конюховъ, много гвардейскихъ нижнихъ чиновъ, драгуновъ и пѣхотинцевъ, также полководецъ Мазепа съ его женой и Войнаровскимъ, много знат-

---

¹⁾ Извлечено А. Полторацкимъ изъ *Cl. Adelsköld: Karl den Tofte och Svenskarne*, ч. II, стр. 7—10.

ныхъ запорожцевъ и 3.000 нижнихъ чиновъ»¹⁾, которые вѣроятно переправились черезъ Днѣпръ вплавь.

Переправившись за Днѣпръ, король и тѣ, кому удалось попасть за рѣку, очутились въ голой степи. Нигдѣ нельзя было замѣтить человѣческаго жилья и ни одного дерева—лишь поросшія травой равнины, безо всякихъ дорогъ, тянулись въ безконечность, куда лишь глазъ хваталъ.

Король ѣхалъ въ своемъ экипажѣ, а прочіе верхомъ или шли пѣшкомъ.

Мазепа и его казаки по счастію были опытные степняки, привыкшіе оріентироваться по солнцу и звѣздамъ; если бы казаковъ не было со шведами, тѣ вѣроятно заблудились бы и погибли бы. Воды почти совершенно не было. Днемъ было невыносимо жарко, а по ночамъ холодъ пронималъ до костей. По дорогѣ среди казаковъ едва не возникъ бунтъ, т. к. «они роптали (по разсказу Нордберга), что имъ платять жалованье изъ взятаго съ собой боченка съ саксонской мелкой монетой, которую по причинѣ ея легковѣсности называли *саксонскими летучими мышами* (sachsiska flädermöss), и казаки угрожали предоставить шведовъ ихъ судьбѣ». Нѣсколько сотъ казаковъ, кажется, скрылись въ высокой степной травѣ и вѣроятно вернулись по домамъ.

Многіе, изнуренные голодомъ и жаждой или болѣз-

---

¹⁾ См. Skrifliga anteckningar tillägnade Kung Fredrik och Drottning Lovisa Ulrika af Deras Kungl. Majestäters Underdänigste och Tropligaste Undersäte och Taifeltäckare John D. Hultman. Рукописныя замѣтки для короля Фредрика и королевы Луизы Ульрики Ихъ Королев. Величествъ всеподданнѣйшаго вѣрноподданнаго и тафельдекера Йона Д. Хульмана“. Въ *Handlingar rörande Karl XII:s historia*.

нями, оставались позади, и впоследствии были найдены их бѣлѣющія кости, подобно костямъ отставшихъ по тѣмъ же причинамъ въ Сѣверной землѣ и Украинѣ на путяхъ шведской арміи.

Изъ Переволочны было взято съ собой немного провіанта и большой отрядъ рисковалъ быть поглощеннымъ беспредѣльной степью, почему надо было форсировать маршъ до крайности.

Наконецъ, послѣ четырехъ сутокъ пути, шведы дошли до Ингула, небольшой рѣки впадающей въ Бугъ, пройдя по степямъ свыше 24 миль (около 230 верстъ) и большая часть не имѣла настоящаго отдыха, начиная съ послѣдней ночи передъ Полтавскимъ боемъ, т. е. въ теченіе 8 дней.

Отъ Ингула король послалъ Понятовскаго ¹⁾ къ пашѣ въ Очаковъ, вручить ему 2.000 дукатовъ и просить съѣстныхъ припасовъ и лодокъ для переправы черезъ Бугъ.

Паша обѣщалъ прислать шведамъ пять небольшихъ судовъ со съѣстными припасами и отослать султану письмо шведскаго короля съ просьбой о свободномъ проходѣ черезъ Турцію.

Однако, когда паша увидѣлъ огромную свиту короля, доходившую вмѣстѣ съ казаками до 3.000 приближи-

---

¹⁾ Знакомство Понятовскаго съ Карломъ XII началось со времени свиданья въ замкѣ Югенбергѣ въ Литвѣ въ 1702 г. съ братьями Сапѣгами. Послѣ того Понятовскій понравился Карлу своей храбростью и по его предложенію былъ назначенъ полковникомъ драбантовъ Станислава. Затѣмъ онъ слѣдовалъ при шведской Главной квартирѣ, какъ агентъ Станислава и въ особенности отличался необычайной ловкостью въ качествѣ посла при турецкомъ дворѣ. Въ благодарность Карлъ сдѣлалъ его генераломъ и графомъ.

тельно человекъ, онъ сталъ бояться за послѣдствія, если безъ позволенія султана пуститъ ихъ всѣхъ въ Турцію. Начались затрудненія и папа хотѣлъ позволить переправиться только королю и самымъ близкимъ къ нему лицамъ.

«Паша въ Очаковѣ былъ несговорчивый и жестокой человекъ», пишетъ Нордбергъ.

Наконецъ, удалось «подобающими средствами» ¹⁾ убѣдить пашу и переправа была разрѣшена. Къ этому времени прибылъ русскій отрядъ, загнавшій 500 человекъ изъ спутниковъ короля въ Бугъ, гдѣ они утонули. 300 шведовъ было взято въ плѣнъ, равно какъ и значительная часть казаковъ, такъ что удалось спастись лишь королю съ 600 приблизительно спутниковъ ²⁾.

Сопротивленіе папы, не сразу послушавшагося короля, такъ разсердило Карла, что онъ потребовалъ у султана его наказанія и въ результатѣ папѣ былъ немедленно посланъ «шелковый шнурокъ» ³⁾.

На слѣдующій день походъ продолжался, теперь уже медленнѣе, т. к. былъ полученъ провіантъ. 10-го и 11-го іюля отдыхали, и въ это время Карлъ послалъ нѣкоего Нейгебауера съ новымъ письмомъ къ султану о желаніи короля, чтобы былъ заключенъ «торговый договоръ на пользу подданныхъ обѣихъ странъ» и «болѣе тѣсный союзъ для безопасности отъ безпокойнаго для обоихъ сосѣда, московитовъ» ⁴⁾.

¹⁾ Подкупомъ?

Прим. перев.

²⁾ По разсказу Йона Хультмана.

³⁾ Смертный приговоръ.

⁴⁾ Этотъ Мартицъ Нейгебауеръ, уроженецъ Данцига, зналъ много языковъ, въ томъ числѣ русскій и турецкій. Онъ былъ одно время

Сераскирь въ Бендерахъ, получивъ извѣстiе, что Карль намѣренъ остановиться тамъ на нѣкоторое время, послалъ привѣтствовать его своего *Чайю* ¹⁾ и все приготовилъ для торжественной встрѣчи. Для шведовъ былъ «въ чудесномъ мѣстѣ» устроенъ лагерь и 23-го iюля на встрѣчу королю выѣхалъ самъ сераскирь съ толпой великолѣпно одѣтыхъ всадниковъ и сопровождалъ короля, слѣдуя верхомъ рядомъ съ его экипажемъ.

Когда ѣхали черезъ городъ къ лагерю, расположенному на другомъ берегу Днѣстра, съ крѣпостныхъ валовъ загремѣлъ салютъ изъ орудiй, а когда король подъѣхалъ къ разбитой для него роскошной шелковой палаткѣ, его встрѣтилъ почетный караулъ подъ звуки оглушающей янычарской музыки.

К о н е ц ъ .

А . П о л т о р а ц к i й .

гувернеромъ при царевичѣ, но бѣжалъ и явился къ Карлу просить мѣста. Благодаря своей ловкости, онъ вошелъ въ милость и былъ, какъ сказано, посланъ съ письмомъ къ султану и съ тайными инструкціями относительно переговоровъ объ объявленiи Турціей войны Россiи. Впослѣдствіе Нейгебауеръ былъ первымъ шведскимъ посломъ въ Константинополь. См. (*Göran Nordberg „Karl XII:s historia*).

¹⁾ *Чайя*—помощникъ.

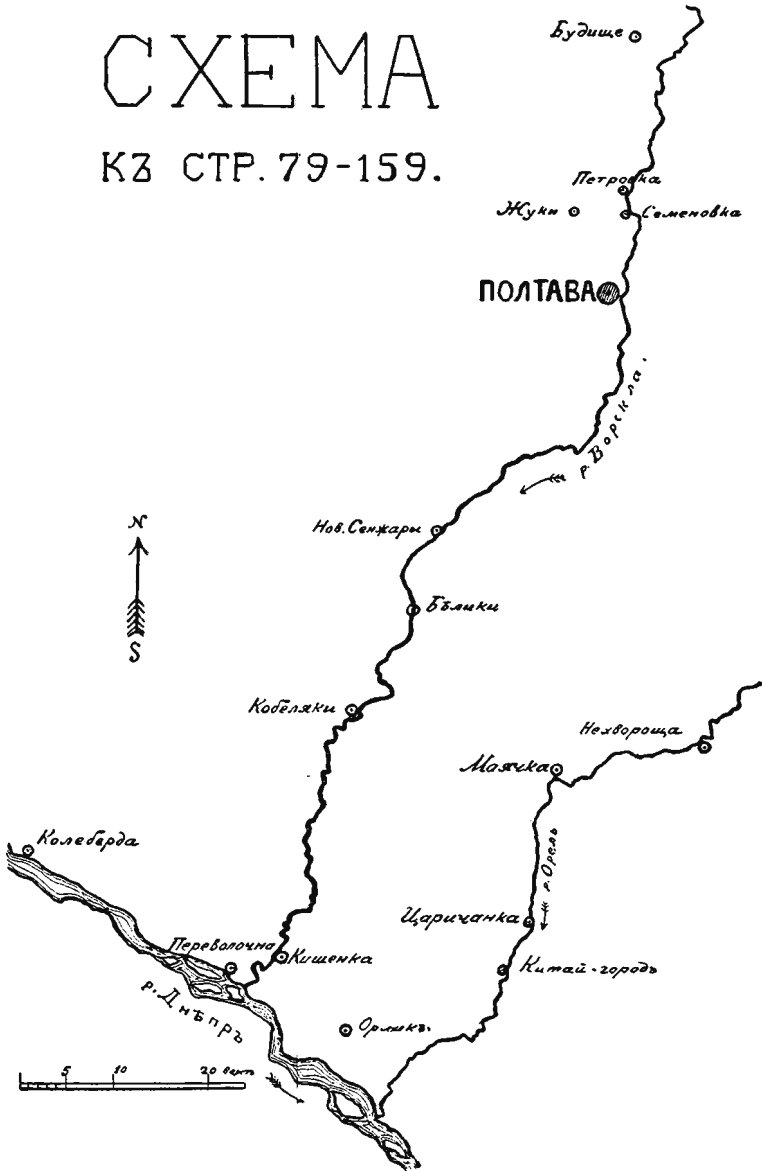

Изъ книги Адельгельда: Карлъ XII и шведы. (Adelsköld: Karl den Tofte och svenskarne). Карта Беннедикха не могла быти приложена по дороговизнѣ изданія ея.

СХЕМА

КЗ СТР. 79-159.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ,
«Новаго Времени», Березовскаго, Главнаго Штаба и др.

Складъ у издателя:

СПБ. Каменноостровскій пр., 44, кв. 3.

А. Полторацкому.

Тамъ же:

- К. Норландеръ.** Гимнастика и спортъ по системѣ Линга (шведская система).—Переводъ со шведскаго *А. Полторацкаго*. Спб. 1910 г. Ц. 75 к.
- К. Норландеръ.** Стѣнная таблица 150-ти упражненій шведской гимнастики, перев. со шведскаго *А. Полторацкаго* и *Е. Гегстрема*. Спб. 1910 г. Ц. 15 к.
- Перспективныя кроки**, сост. шведск. Генер. Штабомъ, перев. со шведск. *А. Полторацкаго*. Спб. 1909 г. 2-е изд. реком. Главн. Артл. Управленіемъ. Ц. 20 к.
- А. Полторацкій.** Старымъ варяжскимъ путемъ (съ приложеніемъ конструктивныхъ чертежей парусной лодки). Спб. 1903. Ц. 25 к.

Олавъ Шредеръ. Шведская комватная гимнастика. Перев. съ датскаго *А. Полторацкаго*. Спб. 1912 г. Ц. 75 к.
(Изданіе «Сотрудникъ». Спб. Литейный, 55).
